МБ
Ш-91

Штир-
-Зомо

Политика в
связи с госуд
правом
г.С-Петербург
1907 г.

Проф. Ф. Штиръ-Зомло.

МБ
Ш 91

ПОЛИТИКА

ВЪ СВЯЗИ СЪ ГОСУДАРСТВЕННЫМЪ ПРАВОМЪ.

ПОПОЛНЕНО 1915.

Переводъ съ нѣмецкаго
А. Я. Б—ва и С. К.—П.
подъ редакціею В. В. БИТНЕРА.

Съ приложеніемъ статьи А. И. Новикова
„Политическая радуга.—Русскія политическія партіи".

1870/2

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Издательство „ВѢСТНИКЪ ЗНАНІЯ".
1907.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
V563678

Проф. Ф. Штиръ-Зомло.

Политика въ связи съ государственнымъ правомъ.

ЧАСТЬ I.

олитическое образованіе.—Основныя понятія.—Мѣсто политики среди наукъ.

I.

Политическое образованіе.

ошенія между личностью и обществомъ.—Общественная жизнь съ точки зрѣнія науки.—Низкій вень политическаго образованія въ Германіи. — Вредныя послѣдствія его. — Историческія при-ы неосвѣдомленности въ вопросахъ публичнаго права и соціальной структуры государственной жизни.

Личность и общество, индивидуумъ и міръ! Вотъ та магическая фор-ла, которая открываетъ намъ путь къ основнымъ вопросамъ политики. взаимоотношеніяхъ между личностью и обществомъ основывается про-ессъ нашего культурнаго развитія. По мѣрѣ того, какъ историческое слѣдованіе все болѣе и болѣе приподымаетъ завѣсу, скрывающую событія нувшихъ въ вѣчность тысячелѣтій, намъ все яснѣе становится, что огром-я масса человѣчества двигается впередъ только благодаря сильнымъ и ачительнымъ индивидуальностямъ. Во времена сѣдой древности, которыя олько постепенно открылись передъ исторической наукой, дѣянія этихъ ндивидуальностей такъ высоко подымались надъ рядовой, обыденной изнью, что послужила даже матеріаломъ для созданія легендъ о богахъ герояхъ. Въ свою очередь и появленіе выдающихся личностей возможно олько на основѣ общества, разросшейся семьи, рода и племени; въ ихъ ругу возникаютъ потребности и нужды, создающія героя, приводящія его ъ сознанію своихъ силъ, своихъ задачъ и цѣлей. Переходя отъ первобыт-ыхъ временъ къ болѣе позднимъ, хотя бы къ классической греческой и имской эпохѣ, мы снова встрѣчаемъ здѣсь взаимодѣйствіе тѣхъ же силъ: бщество организуется въ государствѣ и представляетъ крупныя требованія, оторыя зачастую сильно ограничиваютъ или даже совсѣмъ нивелируютъ ичность. Но и здѣсь также духовная и практическая жизнь находилась ъ рукахъ *личностей*. Нѣсколькими быстрыми шагами мы достигаемъ бурной эпохи переселенія народовъ и пестрыхъ неурядицъ средневѣковья. Тогда осподствовала, главнымъ образомъ, толпа, множество, масса. Только въ эпоху возрожденія индивидуальность достигаетъ великолѣпнаго и пышнаго асцвѣта. Лишь въ эту эпоху человѣкъ снова обрѣтаетъ себя: въ религіи искусствѣ, въ государственной жизни и въ наукѣ, даже въ домашней изни индивидуальность побѣдоносно предъявляетъ свои права. Открытіе выхъ странъ по ту сторону океана и открытія внутри собственнаго духа вершились почти одновременно. Но вотъ постепенно усиливается одинъ ъ наиболѣе крѣпкихъ видовъ общественности—современное государство. отъ процессъ совершается посредствомъ безусловно необходимаго въ свое емя абсолютизма, и снова мѣняется картина отношеній между личностью обществомъ. Позднѣе просвѣщенный деспотизмъ подвергаетъ отдѣльную ичность невыносимому гнету, налагаетъ на нее цѣпи и всячески уничто-

женіе взаимно обусловливаютъ другъ друга. Одно безъ другого абсолютно не можетъ дѣйствовать. Въ политикѣ дѣйствія творческихъ личностей находятся подъ вліяніемъ фактовъ внѣшней государственной міровой жизни, фактовъ, на которые личность не имѣетъ никакого вліянія. Никогда нельзя, поэтому, опредѣлить достаточно рѣзко и ясно, какой факторъ имѣетъ преимущественную заслугу въ какомъ-либо объективномъ дѣйствіи.

Итакъ, мы видимъ, что вся политическая жизнь выражается въ борьбѣ воли одного съ волей всѣхъ, индивидуума съ обществомъ; дѣло идетъ постоянно о взаимодѣйствіяхъ между индивидуальной жизнью и общественной властью.

Отъ мыслящаго духа ни въ какую эпоху высшаго культурнаго развитія не могло ускользнуть, что осью, вокругъ которой вертится всякое познаніе, касающееся государства, является отношеніе между индивидуумомъ и обществомъ. Изъ этой исходной точки, хотя и примитивной, но, тѣмъ не менѣе, сводящей сущность политическихъ дѣйствій къ ихъ конечной формулѣ, развилось затѣмъ и ученіе о государствѣ. Для нашего научнаго разсмотрѣнія она имѣетъ значеніе, начиная съ классической древности. Правда, количественно, а также и качественно ученіе о государствѣ прежнихъ временъ существенно отличается отъ нынѣшнихъ *государственныхъ* наукъ. Мы видимъ, что государство было изслѣдовано во *всѣхъ* направленіяхъ, что притязанія его сдѣлались предметомъ подробнаго изученія. Но, если спросить, какъ обстоитъ дѣло съ распространеніями свѣдѣній, которыя дала и продолжаетъ давать наука въ этомъ направленіи, то на это придется дать весьма пессимистическій отвѣтъ. Нельзя, конечно, порицать сильное стремленіе къ эстетическому наслажденію литературой и искусствомъ—но фактъ тотъ, что даже интеллигентные люди совершенно несправедливо предпочитаютъ серьезнымъ трудамъ по политическимъ вопросамъ все, относящееся къ такъ называемой изящной литературѣ. Политическое пониманіе стоитъ въ Германіи, правда, уже не столь низко, какъ оно стояло поколѣніе тому назадъ, но тѣмъ не менѣе оно развито далеко не въ такой степени, какъ въ сосѣднихъ государствахъ, напр., во Франціи, Англіи, Италіи и даже Бельгіи. Причина этого лежитъ въ недостаткѣ политико-историческаго образованія. Но, если насъ при этомъ спросятъ, что такое, вообще, образованіе, то на это можно отвѣтить: это не знаніе, а обработанное знаніе, не умѣнье, а предпосылка для методическаго умѣнья. Поэтому, видовъ образованія столько же, сколько и великихъ направленій мысли. Можно по праву говорить о религіозно-теологическомъ или объ юридическомъ образованіи, съ еще большимъ правомъ объ естественно-историческомъ образованіи. Историко-политическое образованіе въ XIX вѣкѣ сильно сократилось повсюду подъ вліяніемъ побѣдоноснаго шествія естественныхъ наукъ. Единственно только политическая экономія получала все большее распространеніе во все болѣе широкихъ слояхъ народа. Но во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ со знаніемъ, пониманіемъ и образованіемъ въ политическихъ вещахъ дѣло обстоитъ, говоря откровенно, довольно неутѣшительно. Общегерманская конституція и конституціи отдѣльныхъ нѣмецкихъ государствъ совершенно неизвѣстны широкимъ слоямъ общества. Съ прискорбіемъ приходится убѣждаться каждый день, какъ мало распространено знакомство съ конституціоннымъ и административнымъ строемъ Германіи, не говоря уже о сложныхъ взаимоотношеніяхъ отдѣльныхъ частей государственнаго организма и о другихъ трудныхъ, но безконечно важныхъ проблемахъ государственнаго, административнаго и національнаго права. Спросите любого бюргера, стоящаго далеко отъ политической жизни, и вамъ далеко не такъ легко будетъ получить вѣрный отвѣтъ на вопросъ, являются ли палата депутатовъ и палата господъ прусскими или общеим-

перскими учрежденіями, можетъ ли союзный совѣтъ вмѣшиваться также и въ прусскія дѣла, имѣетъ ли имперскій канцлеръ какое-либо отношеніе къ Пруссіи или нѣтъ, и т. п. Тщетно будете вы искать знакомства съ историческимъ развитіемъ чиновничества, болѣе глубокаго пониманія сущности бюрократіи и трудностей «зеленаго стола», справедливаго взвѣшиванія темныхъ и свѣтлыхъ сторонъ дѣятельности администраціи и, особенно полиціи. Объ остальныхъ вопросахъ публичнаго права—т. е. поскольку они не исходятъ изъ основной конституціонной организаціи, а покоятся на позднѣйшихъ законахъ или возникшихъ по какому-либо поводу постановленіяхъ—свѣдѣнія пріобрѣтаются случайно и мимоходомъ при такъ называемыхъ злободневныхъ вопросахъ, да и эти свѣдѣнія въ большинствѣ случаевъ весьма поверхностны и неточны. Что касается книжекъ по политическимъ вопросамъ, которыя выбрасываются на рынокъ, то всѣ онѣ, за очень немногими исключеніями, отличаются такой плоскостью и поверхностностью, что прямо-таки рѣжутъ глазъ человѣку, въ силу своей профессіи хорошо знакомому съ политическими проблемами. *Соціальная структура современнаго государства* также представляетъ для большинства образованныхъ людей книгу за семью печатями. Многіе ли знаютъ, *что такое собственно государство*, то государство, которому они предъявляютъ такія безконечно большія требованія, со стороны котораго они опасаются подавленія своей личности, и о которомъ они, вообще, привыкли при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ говорить худо? Совершенно неизвѣстно, каково культурное значеніе государства, каковы его естественныя и нравственныя основы въ историческомъ прошломъ и въ настоящее время, въ чемъ заключаются причины его *возникновенія* и его *гибели*, что служитъ для него *оправданіемъ*, особенно по отношенію къ врагамъ государственности—индивидуализму и анархизму, какія *цѣли*, какъ результатъ культурнаго развитія, должно нынѣ преслѣдовать государство. Безконечный рядъ чрезвычайно важныхъ знаній, заключается въ проблемахъ «государственной территоріи», «націи» и «государственной власти» все это мертвыя формулы для того, кому извѣстны лишь термины, и сокровищницы жизни для того, кто научился понимать ихъ содержаніе и ихъ значеніе для политики. Множество невѣрныхъ свѣдѣній господствуетъ среди образованныхъ людей относительно *государственныхъ формъ* (монархія, республика) относительно возникновенія, дѣйствія и сформированія *конституцій*. Ученіе о государственныхъ органахъ, т. е. о главѣ государства и о народномъ представительствѣ, извѣстно въ самыхъ общихъ чертахъ. О сущности исторіи и значеніи *парламентаризма*, о разнообразіи избирательныхъ системъ и о необходимости ихъ реформировать посвященному человѣку приходится слышать лишь въ видѣ исключенія. Глубочайшая сущность *образованія партій*, ихъ организація, ихъ функціи по отношенію къ правительству, народному представительству, избирателямъ—кому все это извѣстно? Словомъ, пониманіе всей глубокой сложности историческаго развитія такъ же слабо развито, какъ и *болѣе глубокое образованіе въ области государственныхъ наукъ и политики*.

Укажу только на важнѣйшія послѣдствія такого положенія дѣлъ: большинство совершенно не умѣетъ отвѣтить на насущные вопросы, предъявляемые общественной жизнью, оно безпомощно опускаетъ руки передъ всѣми событіями внутренней политики, не можетъ самостоятельно критически отнестись къ нимъ. Точныя свѣдѣнія черпаются только изъ газетъ, и на основаніи газетныхъ статей составляется якобы собственное мнѣніе. Какая жалкая духовная нищета обнаруживается въ этомъ, видно во время выборовъ, когда масса, ведомая авторитетами, направляется къ урнамъ; это выполненіе гражданскихъ правъ стало въ дѣйствительности просто

выраженіемъ стаднаго инстинкта. Прибавьте къ этому постоянное желаніе создавать различныя самостоятельныя партіи и фракціи, не имѣющія никакихъ корней въ сознаніи народа,—желаніе, надъ которымъ также приходится очень и очень задуматься. Отсюда постоянныя жалобы на дробленіе на партіи; жалобы эти имѣютъ, конечно, свое основаніе, но, во-первыхъ, онѣ являются симптомомъ слишкомъ гетерогеннаго раздѣленія *общества*; а кромѣ того, онѣ могутъ только тогда умолкнуть, когда пониманіе вопросовъ государственной политики создастъ умственную самостоятельность такъ же и въ этомъ направленіи, когда во время и внѣ избирательной борьбы будетъ господствовать разумное отношеніе къ дѣлу, а не только страсти и предразсудки. Но жалобы раздаются также и на незрѣлую политику, извращенный партикуляризмъ. Сколько способныхъ и доброжелательныхъ правительствъ не могутъ выполнить своихъ плановъ только потому, что не встрѣчаютъ разумной поддержки именно среди образованныхъ людей въ странѣ, что какъ разъ эти послѣдніе ничѣмъ не отзываются на ихъ призывы и вынуждаютъ ихъ, такимъ образомъ, подчиняться парламентской группировкѣ. А, такъ какъ разсчитывать на политическое пониманіе со стороны «образованнаго бюргерства» въ той степени, какъ это было бы желательно, нѣтъ никакой возможности, то съ нимъ поэтому и не церемонятся. Будучи неорганизовано, оно не имѣетъ никакого реально-политическаго значенія. Даже, какъ невѣсомый элементъ его все менѣе принимаютъ во вниманіе. Люди, въ рукахъ которыхъ находится власть въ государствѣ, зачастую бываютъ вынуждены прибѣгать къ извѣстнымъ автократическимъ мѣропріятіямъ, такъ какъ, находясь на высотѣ, они считаютъ себя, правильно или неправильно, болѣе дальнозоркими. Упадокъ парламентаризма и его неплодотворность, о которыхъ приходится такъ часто слышать—девять десятыхъ законопроектовъ исходятъ отъ правительства, а не отъ народныхъ представителей—приводятъ къ одностороннему усиленію правящей бюрократіи. Правда, иногда такимъ образомъ создается нѣчто хорошее и плодотворное, подчасъ даже вопреки неполитически мыслящимъ образованнымъ людямъ, какъ напр., въ области соціальнаго законодательства или усиленія флота. Но въ общемъ глубоко печально, что вслѣдствіе недостатка политическаго пониманія среди наиболѣе интеллигентныхъ слоевъ народа, центръ тяжести политики находится не у нихъ, а у правящихъ, которые не всегда осуществляютъ *то*, что соотвѣтствуетъ народному самосознанію, и устраняютъ народъ отъ устройства собственныхъ судебъ. Этимъ мы, конечно, вовсе не хотимъ отрицать желательности творческой инициативы государственныхъ людей. Пусть будетъ ея у насъ какъ можно больше! Но по существу хорошее правительство обыкновенно выполняетъ лишь то, что удовлетворяетъ господствующія партіи, а не то, что соотвѣтствуетъ лучшимъ и наиболѣе справедливымъ желаніямъ интеллигенціи страны. Но гдѣ же эта интеллигенція? Разрозненная и бездѣятельная, инертная и несмѣлая, она мыслитъ и мечтаетъ; а дѣйствуетъ она только въ рѣдкихъ случаяхъ. И этимъ объясняется многое. Это общая черта въ нашей общественной жизни, и это чувствуетъ каждый; попытки ограничить личную свободу, положить предѣлъ развитію самостоятельнаго, ищущаго новыхъ цѣлей искусства и безпристрастной, смѣлой науки, дѣлаются постоянно, хотя, правда, и тщетно. Извѣстные круги хотѣли бы видѣть всю экономическую жизнь подчиненной въ самомъ реакціонномъ смыслѣ извѣстнымъ правиламъ и руководствамъ; припомните только возрожденіе цеховъ, неоднократно проектированное ограниченіе свободы передвиженія, борьбу съ новыми великими экономическими организаціями, свободой предпріятій, синдикатами и т. д.

Неправильно было бы приписывать недостатокъ политическаго пони-

манія исключительно извѣстной умственной и политической отсталости. У него есть свои *историческія причины*, разсмотрѣніе которыхъ будетъ полезно для насъ потому, что мы увидимъ вмѣстѣ съ тѣмъ, гдѣ слѣдуетъ начать исправленія, и гдѣ началась уже новая эра вслѣдствіе выпаденія задерживающихъ причинъ.

У насъ, нѣмцевъ, слишкомъ долго не было единаго государства. Правда, послѣ Вестфальскаго мира нѣкоторыя страны выдвинулись впередъ, и отдѣльныя государства достигли извѣстной степени единства. Однако, полнаго внутренняго, географическаго и политическаго единства не было нигдѣ, до середины XIX вѣка даже и въ Пруссіи. Но политическій интересъ болѣе или менѣе долго—а не временно, какъ въ эпоху освободительныхъ войнъ—можетъ сосредоточиваться только на такомъ государствѣ, которое едино въ своемъ цѣломъ, которое не слишкомъ заставляетъ отдѣльнаго человѣка интересоваться только дѣлами своей мѣстности, своей колокольни. Политическій смыслъ пробуждается только тогда, когда есть возможность согласовать судьбы отдѣльной личности съ судьбами великой, самодовлѣющей общественной организаціи.

Къ этому слѣдуетъ добавить еще и дальнѣйшее. Давно-ли существуетъ у насъ *центростремительная государственная власть?* Возникновеніе *современнаго государства* было дѣломъ чрезвычайно труднымъ, при которомъ пришлось покорить двухъ могучихъ соперниковъ. Первый изъ нихъ былъ *сословный строй*, который впервые во Франціи подчинился центральной, объединяющей власти короля, между тѣмъ какъ въ Англіи онъ подчинилъ короля странѣ, фактически же создалъ парламентское государство. Въ Германіи дѣло было еще болѣе сложно и трудно. При баснословной раздробленности Германіи каждый территоріальный князь вынужденъ былъ вести борьбу съ сословнымъ строемъ. Но и здѣсь также общимъ результатомъ явилось утвержденіе государственной власти. Другимъ противникомъ была *церковь*, которая, будучи подчинена со времени реформаціи государству, въ концѣ концовъ, только и можетъ разсчитывать на его мощную поддержку. Возникновеніе современнаго государства было возможно, однако, не иначе, какъ *по пути абсолютизма*, который представляетъ собой, такимъ образомъ, необходимую *стадію* въ исторіи развитія государства. Но и эта стадія была пройдена. Близость новой, болѣе мягкой эпохи обнаруживается уже въ политикѣ Іосифа II въ концѣ XVIII вѣка; но лишь французская революція открываетъ Европѣ путь къ современному конституціонализму, который основывается на участіи управляемыхъ въ управленіи. Лишь теперь, когда дуализмъ между государемъ и народомъ уступилъ мѣсто другой характерной для XIX вѣка, формѣ могли получить развитіе политическая мысль и политическое пониманіе. Теперь нѣтъ больше мѣста тупой покорности самодержавію, какъ нѣтъ, впрочемъ, мѣста и дикому, хотя, большей частью, тщетному возстанію противъ существующихъ государственныхъ формъ; нація черезъ своихъ представителей сама стала принимать участіе въ управленіи, и законодательство помимо народа стало невозможно. Политическій смыслъ могъ, слѣдовательно, (это несомнѣнно), развиться только со времени побѣды конституціонализма. Если самодержавное государство знаетъ только безправную массу, просвѣщенный деспотизмъ только дѣятельность для народа, но безъ участія народа, то дуализмъ между государемъ и народомъ уступилъ въ XIX вѣкѣ такому государственному строю, который основывается на участіи въ управленіи того и другого. Германское государство и германскій конституціонализмъ еще слишкомъ юны, еще слишкомъ мало было времени для воспитанія политической мысли. Но все-таки они открывали настолько широкій путь, что можно было бы ожидать гораздо большаго успѣха, чѣмъ тотъ, который мы видимъ въ дѣйствительности.

Вопросъ о политическомъ образованіи связанъ также и съ *остальными отраслями публичнаго права. Раздѣленіе на сословія* до конца XVIII вѣка было такое: духовенство и дворянство составляли привилегированные классы, все же остальное, т. е. буржуазія и крестьянство, входило въ составъ такъ назыв. третьяго сословія. И здѣсь также на порогѣ XIX вѣка французская Революція создала новую формацію. Оба первые класса лишились своихъ привилегій, а буржуазія вышла побѣдительницей изъ всѣхъ перипетій возстанія, и болѣе или менѣе скоро обнаружила склонность также къ освобожденію крестьянскаго элемента, тѣмъ болѣе, что страдающимъ лицомъ являлось при этомъ, главнымъ образомъ, дворянство. Важнѣйшимъ въ политическомъ отношеніи факторомъ стала теперь одна буржуазія, которая выступила въ различныхъ государствахъ въ видѣ болѣе или менѣе однородной, несложной массы и *прежде всего политически сознала самое себя*. Политическія права, доставшіяся буржуазіи, пробудили также и интересъ къ общественнымъ дѣламъ вообще. Лишь постепенно усиливается въ теченіе XIX вѣка пробудившееся политическое пониманіе. И больше всего, конечно, на родинѣ Революціи, во Франціи, между тѣмъ какъ въ Англіи многовѣковая эволюція привела уже къ шаблонному признанію личной и политической свободы. Германія даже въ XIX вѣкѣ стояла въ этомъ отношеніи позади другихъ странъ. Середина вѣка принесла, правда, съ собой революціи и конституціи, но за ними очень скоро послѣдовала реакція, которая была прервана только сравнительно короткимъ періодомъ освободительнаго движенія и перемѣной политическаго направленія. Монархическая власть въ Германіи сумѣла далеко не всюду сдѣлать моральныя завоеванія и къ тому же еще, опираясь на свои военныя и политическія силы, она во всякое время умѣла подавлять слишкомъ широкое участіе народа въ политическихъ дѣлахъ до времени основанія Германской имперіи. Во время господства Сѣверо-германскаго Союза политическія права гражданъ нерѣдко попирались, и даже тамъ, гдѣ имъ придавалось кой-какое значеніе, примѣненіе законовъ въ судебной и административной практикѣ было таково, что нельзя и думать о какомъ-либо болѣе широкомъ толкованіи политическихъ притязаній гражданъ. Со времени основанія Имперіи и, особенно, благодаря всеобщему и равному избирательному праву положеніе существенно измѣнилось. Тогда же на сцену выступило и такъ назыв. четвертое сословіе, рабочій классъ. Ни въ коемъ случаѣ нельзя оцѣнивать слишкомъ низко значенія организованнаго пролетаріата для развитія политическихъ идей. Борьба классовыхъ противорѣчій, вызванная имъ и обостренная экономическимъ прогрессомъ, заставила разобраться въ юридическихъ правахъ и обязанностяхъ, въ положеніи партій, въ отношеніи подданныхъ, въ соціальныхъ и экономическихъ напластованіяхъ. Все увеличивающееся значеніе четвертаго сословія несомнѣнно укрѣпило политическую мысль и наглядно показало широкимъ кругамъ важность политическаго образованія.

Итакъ, выводъ, который мы можемъ сдѣлать изъ всего сказаннаго, будетъ заключатся въ томъ, что въ настоящее время политическое положеніе Западной Европы болѣе, чѣмъ когда либо, способствуетъ развитію интереса къ публично-правовымъ, соціальнымъ и государственнымъ дѣламъ. На нашей обязанности лежитъ воспользоваться этими благопріятными обстоятельствами.

II.

Значеніе политическаго образованія. Обзоръ проблемъ научной политики.

Прослѣдивъ вопросъ о *положеніи политическаго образованія* въ Германіи и выяснивъ тотъ вредъ, который приносится его отсутствіемъ, мы должны теперь дать краткую характеристику *значенія политической теоріи*.

Недалеко еще то время, когда на научную политику смотрѣли съ нескрываемымъ пренебреженіемъ. Что могла она говорить практику? Кому была охота окутывать сѣренькой теоріей эту погруженную въ бури жизни дѣятельность? Если такой человѣкъ, какъ Гольцендорфъ написалъ въ эпоху основанія Имперіи книгу о политикѣ, если другіе, какъ Дольманнъ, Вайтцъ, Блунчли, Моль и Трейчке, также подвизались въ этой области, то ихъ произведенія могли еще, пожалуй, быть полезны для молодыхъ людей, которые ничего еще не смыслятъ ни въ жизни, ни въ великихъ стимулахъ политики, и которымъ нужно, конечно, помочь разобраться въ основныхъ понятіяхъ. Впрочемъ у этихъ теоретиковъ можно найти также то или иное изложеніе наблюденій политической жизни. Но что и зрѣлые люди должны учиться, эта мысль была, да и продолжаетъ быть чуждой очень многимъ. Тѣмъ не менѣе, теоретическое государствовѣдѣніе и политика сдѣлали за послѣдніе годы большія завоеванія; въ кругъ ихъ изслѣдованій и соображеній входитъ большинство проблемъ, которыя составляютъ предметъ занятій и споровъ, практиковъ и ясное пониманіе которыхъ прежде всего необходимо для послѣднихъ. Поэтому, здѣсь будетъ вполнѣ умѣстно освѣтить отношеніе теоретической политики къ практической, прослѣдить тѣ нити, которыя связываютъ ихъ между собой, а также съ экономическими и соціологическими проблемами, и наглядно показать, какую огромную пользу можетъ принести соединеніе теоріи и практики также и въ этой области. Но здѣсь, конечно, встрѣтится много скептиковъ и «презирающихъ» среди людей образованныхъ. Кто изъ людей, присмотрѣвшихся къ общественной жизни и имѣющихъ нѣкоторый опытъ, не считаетъ себя также свѣдущимъ и въ политикѣ, хотя бы даже онъ не имѣлъ никакого представленіе о тѣхъ источникахъ, изъ которыхъ вытекаетъ политическое образованіе. Многіе считаютъ, что они постигли сущность политическихъ явленій только потому, что они съ интересомъ слѣдили за ежедневно мѣняющейся картиной политической жизни!

Практическая политика—это творческая дѣятельность, создающая или охраняющая новыя цѣнности въ интересахъ государства. Но творческая дѣятельность, производящая новыя цѣнности, призывающая къ жизни новыя формы, представляетъ собой не что иное, какъ искусство. Такимъ образомъ политика по праву была названа государственнымъ искусствомъ. Еще Блунчли говорилъ, что политика болѣе искусство, чѣмъ наука, а знаменитый англійскій писатель и государственный дѣятель XVIII вѣка, Боркъ, полагаетъ, что политика это искусство огромной важности и значенія, успѣхъ котораго зависитъ отъ основательнаго изученія исторіи и глубокаго знанія человѣческой природы. Но для чего же *наукѣ* заниматься политикой, разъ послѣдняя искусство? на какомъ основаніи теорія присваиваетъ, какъ собственность этотъ предметъ практическаго искусства? Принципіальныя соображенія приводятъ къ слѣдующему отвѣту. *Во всякой практическо-политической дѣятельности заключается уже идейный, теоретическій элементъ.* Можетъ быть, это звучитъ нѣсколько неожиданно, но тѣмъ не менѣе это такъ. Всякое искусство для своего

развитія требуетъ извѣстную почву: способность, талантъ, вдохновеніе. Апостолами и мастерами государственнаго искусства, политики, могутъ быть только лица къ этому способныя; это внѣ всякаго сомнѣнія. Но всякое искусство покоится на внутреннихъ, между собою связанныхъ данныхъ опыта, на глубоко обоснованныхъ внутреннихъ законахъ. Несомнѣнно, нѣтъ ни одного искусства, у котораго не было бы традицій. Искусство Италіи XV вѣка немыслимо безъ искусства Италіи XIV вѣка. Но откуда же добыть необходимый опытъ? только въ малой степени, особенно въ политикѣ, онъ можетъ быть добытъ изъ личной, непосредственной жизни. Для этого слишкомъ коротко существованіе человѣка, да не всегда и не всюду встрѣчается все для этого необходимое. Большая часть опыта добывается изъ традиціи, которая выражается въ устномъ и писанномъ словѣ, Путемъ этой традиціи государственное искусство собрало и использовало съ теченіемъ времени историческія знанія и законы общественной жизни. Всякій политикъ всякій государственный человѣкъ долженъ усвоить все, что уже имѣется у насъ по части теоретическихъ принциповъ и методическаго опыта. Творческая дѣятельность всегда предполагается въ извѣстной степени, но внѣ ея практическій политикъ можетъ принести пользу своему призванію, только опираясь на *имѣющійся* уже *опытъ*. Его знаніе должно простираться на дѣйствія политическихъ фактовъ, онъ долженъ совершенно свободно разбираться въ нихъ, онъ долженъ знать, какъ они связываются между собою и какъ эволюціонируютъ. Но столь же значительны должны быть и знанія его въ области политическихъ идей, ихъ причинъ, дѣйствій и вліянія. Очевидно, что не всякій государственный человѣкъ можетъ испытать на самомъ себѣ всѣ факты и событія, необходимыя для политической жизни. Правила познанія, эмпирическія теоремы представляютъ собою нѣчто чисто интеллектуальное; политику нѣтъ надобности переживать ихъ на себѣ самомъ, онъ можетъ скорѣе, при условіи извѣстной обработки, заимствовать ихъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ.

Къ тому же еще проблемы политики повторяются не смотря на все разнообразіе фактовъ. Онѣ всплываютъ во многихъ мѣстахъ и въ разныя эпохи. Такъ, отношеніе между государемъ и народомъ, своеобразіе и особенность государственныхъ формъ и государственныхъ конституцій представляютъ собою, такъ сказать, вѣчную проблему, возвращающуюся постоянно въ какой-либо новой формѣ. Идеальное требованіе, которое можно было бы предъявить государственному дѣятелю, и по которому собственно и слѣдуетъ судить объ его дѣятельности, заключается въ томъ, чтобы онъ тщательно взвѣсилъ и продумалъ все духовное творчество нашего времени, касающееся многочисленныхъ политическихъ вопросовъ, вплоть до того дня, когда онъ самъ выступилъ на арену политической дѣятельности. Но здѣсь уже мы встрѣчаемъ сомнѣніе, доступна ли политика изученію. Это призналъ уже Шолленбергеръ («Политика», 1903). Можетъ ли быть наука государственнаго искусства? Развѣ искусству когда-нибудь учили? Развѣ тотъ, кто изучилъ поэтику, тѣмъ самымъ уже дѣлается поэтомъ? Развѣ для того, чтобъ быть искуснымъ врачемъ, достаточно изучить анатомію, физіологію и патологію? Развѣ изучившій военное искусство, стратегію и тактику становится благодаря этому хорошимъ полководцемъ? Ничуть не бывало. Никто также не можетъ сдѣлаться истиннымъ художникомъ или скульпторомъ, изучивъ только технику этого искусства, или композиторомъ только потому, что онъ знакомъ съ теоріей контрапункта. Посредствомъ одного только изученія государственнаго искусства нельзя, конечно, сдѣлаться великимъ государственнымъ дѣятелемъ. Но взглянемъ на дѣло съ обратной стороны, положимъ, что на лицо имѣется дарованіе, собственная склонность къ искусству, способность къ политикѣ,

умъ, рѣшительность. Развѣ станетъ великимъ поэтомъ, живописцемъ, скульпторомъ тотъ, кто пренебрегаетъ законами искусства и ученіями техники, потому-что не знаетъ ихъ? Развѣ врачъ можетъ съ успѣхомъ примѣнять свое искусство, разъ онъ не изучилъ строенія человѣческаго тѣла, его функцій, значенія болѣзненныхъ явленій, т. е. анатоміи, физіологіи и патологіи? Можно ли нынѣ выигрывать сраженія, обладая даже всѣми солдатскими добродѣтелями, но совершенно не зная стратегіи и тактики? «Безъ политики, какъ науки, государственное искусство представляетъ собой лишь рутину». Политику, поэтому, не только *слѣдуетъ* изучать, но многое въ ней можно узнать *только путемъ изученія*, именно все, что выходитъ изъ предѣловъ личнаго опыта. А для многихъ людей, которые вовсе не собираются быть политиками, но которые вмѣстѣ съ тѣмъ хотѣли бы разобраться въ политическихъ вопросахъ и быть освѣдомленными въ нихъ, такой практическо-политическій опытъ государственнаго дѣятеля исключенъ уже заранѣе. Такимъ людямъ можно помочь только путемъ преподаванія государственнаго искусства.

Относительно важнаго значенія научной политики не можетъ быть болѣе, конечно, никакого сомнѣнія. Серьезно нельзя болѣе спрашивать, полезны ли для жизни эти сухія съ виду теоріи, ибо мы видимъ уже, что практическая политика не можетъ обойтись безъ теоретическаго опыта. Не привыкшій къ отвлеченному мышленію, вообще, склоненъ пренебрежительно относиться къ теоріи. Есть, конечно, и теоріи, не имѣющія никакого отношенія къ жизни. Но современная, *настоящая* наука не занимается болѣе такими теоріями, ея предметъ составляетъ только идейная обработка дѣйствительности. Большаго вниманія, чѣмъ вопросъ о *полномъ* пренебреженіи къ теоріи, заслуживаетъ вопросъ, можетъ ли политическая наука, какъ бы всеобъемлюща она ни была, вообще, захватить въ свои нѣжныя и тонкія, но зато и легко рвущіяся, сѣти все богатое разнообразіе государственныхъ дѣлъ? Можно ли—даже при всемъ историческомъ опытѣ и идейной обработкѣ основныхъ вопросовъ—добыть руководящія правила для политическаго творчества въ государствѣ? На это слѣдуетъ возразить, что научная политика, во всякомъ случаѣ, имѣетъ большое значеніе для практическаго политика, такъ какъ теорія и даваемый ею опытъ, т. е, историческія и политическія знанія, составляютъ безусловное требованіе его профессіи. Правда, научная политика не можетъ дать одинаково удачнаго отвѣта на всѣ, возникающіе въ жизни, вопросы. Но это и не входитъ въ ея задачи. Наука не можетъ автоматически, на подобіе оракула, давать заранѣе готовые отвѣты на всѣ конкретные политическіе вопросы. Важнѣйшая заслуга ея заключается въ томъ, что она *пріучаетъ къ политическому мышленію*, что она не позволяетъ пренебрегать данными историческаго опыта и исторической науки. Пусть новыя жизненныя условія вызываютъ новыя силы! Это можетъ послужить только къ благу и обогатитъ наши знанія. Пусть политическое положеніе вызоветъ необходимость такой дѣятельности, для которой не существуетъ примѣра въ исторіи! Родъ и методъ дѣйствій, глубина и широта взгляда, способность охватить политическія проблемы—все это надолго пріобрѣтается путемъ серьезнаго изученія научной политики. Если иногда и случается, что государственный дѣятель безъ теоретическихъ знаній нападаетъ на вѣрныя дѣйствія, то, при прочихъ равныхъ условіяхъ, это можетъ, конечно, скорѣе случиться съ тѣмъ, у котораго есть хоть какая-нибудь теоретическая подготовка. Особенно важно это при сложности жизни современныхъ народовъ. Для нашего времени не примѣнимы болѣе слова Оксенстьерна о томъ, что трудно представить себѣ, какъ мало мудрости требуется для управленія міромъ. Образованіе не должно, конечно, обезсиливать волю практическаго дѣятеля

Несомнѣнно, мы знаемъ примѣры въ исторіи, когда несокрушимая энергія и вѣрный инстинктъ совершали счастливыя политическія дѣйствія безъ всякой теоріи въ научномъ смыслѣ. Но мы видимъ также, что нигдѣ это не происходило безъ основательнаго опыта и основательныхъ знаній. Исторія учитъ, что въ основѣ дѣятельности всѣхъ великихъ государственныхъ людей, начиная съ Александра Македонскаго и до Кромвеля и Бисмарка, лежали мощныя и широкія идеи. Крупные политики всегда руководствовались извѣстными основными принципами, которые, въ концѣ концовъ, вытекали изъ всего ихъ міровоззрѣнія, изъ обширнаго круга ихъ идей и изъ глубины ихъ чувствъ. Стремленія и дѣйствія ихъ обусловливались міромъ ихъ идей. Послѣдній, въ свою очередь, черпалъ жизненные соки изъ реальнаго опыта и интеллектуальной работы. Слѣдовательно, опытъ и вдохновеніе безусловно необходимы для политика; эта эмпирія покоится, однако, въ большей или меньшей степени, на теоретической традиціи, руководительницей которой и является теоретическая наука, та наука, первымъ правиломъ которой въ настоящее время должно быть: освобожденіе отъ всякаго доктринерства.

Но не одинъ только практическій политикъ можетъ извлечь пользу изъ теоретическаго разсмотрѣнія основныхъ проблемъ государства, изъ болѣе широкаго взгляда на ихъ сущность и функціи. И для тѣхъ, кто не принимаетъ активнаго участія въ государственной жизни, требуется ясность во всѣхъ этихъ вопросахъ, чтобы умѣть разбираться въ общественной жизни и ея явленіяхъ. Большая часть препятствій, мѣшавшихъ до послѣдняго времени распространенію политическаго образованія, теперь устранена. У насъ есть единое германское государство, главенство въ которомъ, при всемъ разнообразіи его частей и странъ, принадлежитъ единому нѣмецкому бюргерству. Далѣе, у насъ есть сильная центральная власть, которой, правда приходится иногда выдерживать борьбу съ церковью и, особенно въ Восточной Пруссіи, съ сословнымъ строемъ, но трепія эти не имѣютъ уже болѣе значенія жизненныхъ вопросовъ, какъ прежде, они не представляютъ большей важности, чѣмъ остальныя болѣе или менѣе значительныя обстоятельства повседневной политики. Кромѣ того, и конституціонализмъ вполнѣ упрочился въ европейскихъ странахъ, или, по крайней мѣрѣ, въ Германіи. И онъ также способствуетъ развитію политической мысли и политическаго понимапія. Дифференціація сословій консолидировалась въ теченіе XIX вѣка, хотя и не вполнѣ въ пользу *буржуазіи*. Послѣдняя и организованный *рабочій классъ* являются въ настоящее время носителями политическихъ идей. И хотя преподаваніе политическихъ и юридическихъ предметовъ, обученіе правамъ и обязанностямъ гражданъ, какъ въ народныхъ школахъ, такъ и вплоть до университетовъ, оставляетъ еще желать многаго, тѣмъ не менѣе и въ этой области мы стоимъ уже передъ началомъ новой эпохи.

Теперь намъ необходимо вкратцѣ указать то значеніе, которое государствовѣдѣніе и политика, какъ наука, имѣютъ какъ разъ для практики общественной жизни. Отдѣльныя отрасли, входящія въ кругъ ея вѣдѣнія, мы подробно разсмотримъ впослѣдствіи.

Прежде всего намъ нужно показать, какое значеніе для практической политики могутъ имѣть и дѣйствительно имѣютъ теоретическія знанія и результаты изслѣдованія теоретической политики. Можно подумать, что проблема понятія и сущности государства представляетъ собою нѣчто въ высшей степени абстрактное, а, между тѣмъ, она имѣетъ чрезвычайно важное практическое значеніе. Если данная группа политиковъ довольствуется утвержденіемъ, что государство есть фактъ, нѣчто фактически данное, то

непонятно, почему другая группа политиковъ, состоящая изъ противогосударственныхъ элементовъ, не имѣетъ права замѣнить этотъ несимпатичный для нея фактъ другимъ, именно безгосударственнымъ обществомъ. Если бы государство, дѣйствительно имѣло, такое чисто внѣшнее, не подкрѣпленное и не защищенное внутренними моментами существованіе, то разрушительныя движенія находили бы гораздо болѣе сильный откликъ, чѣмъ мы это видимъ въ дѣйствительности. Къ тому же, теоріи, ставящія въ основу всего силу власти занимаютъ значительное мѣсто въ научной дедукціи и сознательно, или безсознательно, вліяютъ на милліоны подданныхъ государства. Послѣдніе исходятъ изъ той точки зрѣнія, что сила есть право, тогда какъ въ дѣйствительности вѣрно только, что право есть сила. Теорія политическаго насилія, какъ ее будто бы уже въ древности выразилъ Бреннъ въ словахъ «горе побѣжденнымъ», нашло энергичныхъ защитниковъ въ Макіавелли, авторѣ «Государя», и позже въ эпоху Реставраціи въ началѣ XIX вѣка въ Людвигѣ фонъ-Галлерѣ. Соціалисты и анархисты видятъ въ государствѣ также лишь несправедливое господство силы. Сенъ-Симонъ, Лассаль, Фр. Энгельсъ согласны въ этомъ съ анархистами Прудономъ, Бакунинымъ и Кропоткинымъ. Изъ новѣйшихъ писателей соціалистическую идею государства особенно сильно защищалъ Гумпловичъ. Онъ довольствуется констатированіемъ фактическихъ отношеній между государствомъ и личностью, имѣющихъ мѣсто на различныхъ ступеняхъ государственнаго и индивидуальнаго развитія. Государство является для него лишь средствомъ для осуществленія цѣлей опредѣленныхъ общественныхъ группъ. Личность представляетъ собою лишь зависимый отъ этой группы матеріалъ, который сознательно или безсознательно употребляется для ея цѣлей. Соціологическая идея государства видитъ, поэтому, въ государствѣ лишь множество властвующихъ и подчиненныхъ группъ, взаимная борьба которыхъ требуетъ прежде всего сохраненія государства, а затѣмъ такого его развитія, чтобы условія существованія отдѣльныхъ группъ находились въ согласіи съ условіями существованія цѣлаго. Такая точка зрѣнія не можетъ, однако, объяснить единой руководящей воли, которая постоянно имѣется въ государствѣ. Если соціальныя группы составляютъ государство, и послѣднее возникаетъ изъ борьбы группъ и живетъ этой борьбою, то этимъ объясняется только взаимоотношеніе и подчиненность отдѣльныхъ частей, а не существованіе единаго организованнаго цѣлаго. Если бы соціологическая теорія была правильна, то сущность государства состояла бы въ борьбѣ всѣхъ противъ всѣхъ, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ государству свойственно какъ разъ смягченіе этой борьбы и распредѣленіе правъ и обязанностей какъ группъ, такъ и отдѣльныхъ личностей. И Антонъ Менгеръ въ своемъ «Новомъ ученіи о государствѣ» (1903) называетъ господствующее государство индивидуалистическимъ государствомъ силы (individualistischer machtstaat), оставаясь при этомъ всецѣло на точкѣ зрѣнія историческаго матеріализма. Его предшественниками являются Фейербахъ и Карлъ Марксъ и борьба за экономическое господство и главенство разсматривается, какъ истинная функція государства, тогда какъ въ дѣйствительности она составляетъ лишь часть государственныхъ явленій. Сказаннаго достаточно, чтобы понять, какое въ высшей степени важное значеніе имѣетъ вѣрная точка зрѣнія на понятіе и сущность государства, какъ сильно вліяетъ на положеніе личности въ обществѣ, неумѣнье разбираться въ этихъ направленіяхъ соціальныхъ идей. Заслуга современныхъ государствовѣдовъ и теоретиковъ—политиковъ заключается въ томъ, что они систематизировали различныя мнѣнія, опредѣлили ихъ характерныя черты и положили начало критикѣ, которая пока еще, правда, оказала вліяніе далеко не на всѣхъ благоразумныхъ гражданъ.

Изъ множества различныхъ воззрѣній на государство здѣсь надо упомянуть еще о религіозныхъ теоріяхъ. По ученію св. Августина, всякая власть, какъ государственная, такъ и церковная, происходитъ отъ Бога; теократическое направленіе внутри католицизма видѣло въ папѣ носителя такой власти; такого взгляда придерживались Жозефъ де-Местръ и Геррес. Шталь, исходя изъ точки зрѣнія протестантизма, приписалъ государству такія задачи, которыя, въ концѣ концовъ, означаютъ подчиненіе свѣтскаго элемента духовному. Берольцгеймеръ вполнѣ правильно указалъ, что этого средневѣковаго воззрѣнія на государство до сихъ поръ еще придерживается нѣмецкая ультрамонтанская партія, и что это же направленіе нашло себѣ формальную опору въ окружномъ посланіи папы Пія IX отъ 8 декабря 1864 года. «Амальгама религіозной дѣятельности и стремленія къ политической власти отвратила вѣрующихъ, но политически свободомыслящихъ католиковъ отъ іезуитизма и привела ихъ къ реформистскому католицизму. Здѣсь нѣтъ надобности особенно указывать на то значеніе, которое можетъ имѣть принятіе или непринятіе этого теократическаго принципа свободомыслящими гражданами. Наша повседневная политика не въ меньшей степени, чѣмъ и все наше міровоззрѣніе, незатронутое быстротечными явленіями дня, должна неизбѣжно привести къ выясненію этихъ основныхъ вопросовъ.

Съ практическо-политической точки зрѣнія, не менѣе важно также ученіе объ естественныхъ и нравственныхъ основахъ образованія и сохраненія государства. Въ этомъ отношеніи на помощь государствовѣдѣнію приходитъ цѣлый рядъ наукъ. Къ числу ихъ относится *политическая географія*, тѣсно связанная съ именемъ Фридриха Ратцеля. Теченіе рѣки, плодородіе страны, существованіе въ ней горъ, пустынь и морей—какъ сильно вліяетъ все это на форму и организацію государства! До какой степени вся совокупность сложнаго рабочаго вопроса, торговля и сношенія находятся въ зависимости отъ флоры, фауны, обилія или недостатка въ естественныхъ средствахъ. *Народовѣдѣніе* также необходимо для политической науки. Его задачу составляетъ исторія развитія человѣческаго рода, особенно его первыхъ шаговъ; устанавливаемыя имъ типическія явленія, особенно имѣющія отношеніе къ государству и обществу, заслуживаютъ, поэтому, серьезнаго изученія. Но естественной основой государства слѣдуетъ также считать семью. Такимъ образомъ, здѣсь теоретическая политика приходитъ въ соприкосновеніе съ проблемой брака и женскимъ вопросомъ, который получитъ широкое научное освѣщеніе, какъ во всей своей совокупности, такъ и въ частности въ отношеніи соціальнаго положенія трудящейся женщины. Сюда же слѣдуетъ причислить также и изслѣдованіе вопроса о классахъ и сословіяхъ; значеніе буржуазіи въ политикѣ и наукѣ, особенно по отношенію къ дворянству съ его своеобразными и преуменьшенными нынѣ сравнительно съ прежнимъ временемъ задачами, составило также предметъ изслѣдованія. Далѣе, чисто-теоретическія съ виду разсужденія о возникновеніи государства приводятъ къ высшей степени современному вопросу о пріобрѣтеніи колоній, а съ послѣдними связана проблема переселенія и вопросъ о территоріяхъ, находящихся подъ протекторатомъ государства.

Изъ дальнѣйшихъ предметовъ, которыми занимается теоретическая политика, упомянемъ здѣсь еще только слѣдующіе. Прежде всего, ученіе объ обоснованіи государства. Каждая эпоха, каждое поколѣніе, какъ превосходно замѣчаетъ Еллинекъ, требуетъ разумнаго и полнаго оправданія всѣхъ соціальныхъ учрежденій, особенно же самого государства. Всякое поколѣніе должно признавать существованіе государства разумнымъ, умѣть обосновать его. Практической цѣлью ученія объ обоснованіи государства

является, поэтому, защита и сохраненіе существующаго государственнаго порядка. Анархическія и отчасти соціалистическія, вообще, всякія противогосударственныя идеи лучше всего могутъ быть лишены своей силы посредствомъ разумнаго обоснованія государства. Отсюда ясно, далѣе, что и ученіе *о цѣляхъ государства* также чрезвычайно важно въ практическомъ отношеніи. Партійныя разногласія проистекаютъ, главнымъ образомъ, изъ различія взглядовъ на цѣль государства: многое зависитъ отъ того, будемъ ли мы видѣть эти цѣли въ общемъ благѣ, какъ это дѣлали въ концѣ XVIII вѣка, или въ осуществленіи справедливости и нравственности (Гегель, Шталь), или же мы будемъ считать, что задачи государства заключаются въ достиженіи обширной и мѣняющейся въ деталяхъ группы культурныхъ цѣлей. Кромѣ того, ясно, что нельзя составить себѣ даже самаго примитивнаго понятія о сущности окружающаго насъ міра государствъ, не имѣя вѣрнаго представленія о характерныхъ отличіяхъ и значеніи государственныхъ органовъ, не вникнувъ во всѣ доводы за и противъ монархическаго строя, въ значеніе аристократіи и, особенно, демократіи. Нѣтъ также никакой надобности выяснять, далѣе, что этому различію соотвѣтствуютъ и различія въ *государственномъ устройствѣ*. Проблема демократіи снова сдѣлалась въ послѣдніе годы предметомъ обширныхъ изслѣдованій (Острогорскій, Пренсъ), касающихся всѣхъ фактическихъ соціальныхъ моментовъ. Нужно ли говорить о необходимости изученія и о практическомъ значеніи исторіи парламентаризма въ Англіи, Франціи, Германіи? или объ избирательныхъ системахъ, работа надъ реформированіемъ которыхъ составляетъ въ настоящее время глубокую потребность всякаго либерально настроеннаго политика? И, наконецъ, къ той же категоріи относится и исторія политическихъ партій, особенно въ Англіи и Германіи. Весь либерализмъ въ его историческомъ значеніи съ его различными оттѣнками, направленія консервативныя и соціальноконсервативныя, стремленія соціалистическихъ партій, аграрныхъ реформистовъ, христіанскихъ соціалистовъ и т. д.—все это должно составить предметъ *современнаго* ученія о государствѣ, «теоретической» политики.

Все сказанное до сихъ поръ относится къ такъ назыв. политикѣ государственнаго устройства (Verfassungspolitik), т. е. къ политикѣ, касающейся основной организаціи государства и его твердыхъ (болѣе или менѣе) установленій. Напротивъ, политика управленія (Verwaltungspolitik) представляетъ собою почти необозримую область, которая находится въ вѣдѣніи различныхъ наукъ, а не одной только теоретической политики, какъ основной науки. Такъ, политика управленія подраздѣляется почти на столько же частей, сколько существуетъ различныхъ отраслей управленія, т. е. на соціальную политику, промышленную политику, финансовую политику, налоговую политику и т. д. Какое множество вопросовъ заключается здѣсь, можно видѣть хотя бы изъ слѣдующаго поречня словъ: торговля и биржа, промышленность и ремесло, картели и трёсты, подоходный, имущественный налогъ, косвенные налоги, государственная финансовая реформа, стачка, бойкотъ, забастовки, таможенные договоры, примирительныя камеры и рабочіе комитеты.

Не думаю, чтобы послѣ всего сказаннаго могли найтись люди, считающіе безполезной научную обработку этихъ проблемъ. Правда, здѣсь мы должны были ограничиться только указаніемъ на задачи и предметы этой теоретической политики; мы вышли бы изъ предѣловъ настоящаго сочиненія, если бы стали разсматривать въ деталяхъ все сдѣланное уже наукой въ области обработки этихъ проблемъ, и все, что она предполагаетъ еще сдѣлать, опираясь на усовершенствованный методъ и на бездну новыхъ фактовъ и знаній. Нашей учащейся молодежи, а особенно тѣмъ, кто хочетъ

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА 553678

посвятить себя политической дѣятельности, безусловно необходимо ознакомиться съ большей частью вопросовъ государственно-политической жизни. Теоретическая политика, какъ и большинство научныхъ дисциплинъ, вовсе не ставитъ себѣ задачей воспитать готовыя мнѣнія, законченныя міровоззрѣнія. Для нея важно указать тѣ пути, по которымъ идетъ развитіе государства, выяснить механизмъ государственной машины, показать стремленія и тенденціи въ массѣ систематизированнаго матеріала и, наконецъ, дать оружіе для критики, то или иное употребленіе котораго предоставляется на усмотрѣніе свободныхъ духовныхъ стремленій и дисциплинированнаго ума каждой отдѣльной личности. Между тѣмъ, какъ практика видитъ обыкновенно лишь небольшой кусочекъ жизни и на немъ основываетъ всѣ свои дѣйствія, при научномъ отношеніи къ дѣлу наблюдается нѣчто совершенно иное. Здѣсь передъ вами открывается, какъ бы съ высоты птичьяго полета, обширное поле, которое вы можете изслѣдовать со спокойствіемъ и объективностью человѣка, стремящагося къ истинѣ, и въ которое систематическая и методическая дѣятельность нашей науки вноситъ порядокъ и ясность.

Если, какъ мы твердо увѣрены, для общественной жизни прежде всего необходима политическая зрѣлость, то нужно желать, чтобы одно изъ средствъ для достиженія ея, именно распространеніе знаній по теоретической политикѣ, не отвергалось тѣми людьми, которые, стоя среди практической жизни, на себѣ самихъ, на собственномъ экономическомъ положеніи испытываютъ значеніе всѣхъ государственныхъ порядковъ и познаютъ ихъ съ высоты добытаго ими самими міровоззрѣнія.

Это кажется намъ тѣмъ болѣе необходимымъ, что преобладаніе чисто экономическихъ факторовъ уже давно грозитъ привести умственную жизнь Германіи къ невыносимо низкому уровню. Огромная масса или, по меньшей мѣрѣ, значительная часть буржуазіи все менѣе и менѣе чувствуетъ потребность въ тончайшихъ цвѣтахъ духовной культуры, все менѣе и менѣе цѣнитъ ихъ. За немногими отдѣльными исключеніями у насъ нѣтъ широкихъ политическихъ идей, общественная жизнь—если исключить религіозное теченіе, которое только отчасти возникло изъ внутренней потребности,—носитъ какой-то невыносимо трезвенный, окостенѣлый, пошлый характеръ, лишенный всякихъ высокихъ порывовъ. Въ противовѣсъ преобладанію экономики необходимо выставить теченіе, которое снова дало бы возможность приниженной власти духа пріобрѣсть господство во всѣхъ политическихъ дѣлахъ. Но для этого, оказывается, существуетъ только *одинъ* путь: изученіе основъ и сущности всѣхъ государственныхъ установленій и функцій. Уже заранѣе ясно, что разсмотрѣніе ихъ съ партійно-политической точки зрѣнія не можетъ принести здѣсь пользы. Если каждый будетъ подходить къ вопросамъ внутренней и внѣшней политики со своимъ собственнымъ одностороннимъ мѣриломъ, то этимъ онъ еще болѣе раздѣлитъ и разобьетъ ряды жаждущихъ познанія, еще болѣе, чѣмъ до сихъ поръ, обострить антогонизмъ интересовъ, между тѣмъ какъ холодные и равнодушные, робкіе и слишкомъ важные станутъ еще болѣе спокойны, болѣе бездѣятельны, болѣе апатичны. Но развѣ окажетъ какое-нибудь дѣйствіе чисто дѣловая, безпартійная литература, лишенная всякой страстности и предвзятыхъ идей? Я полагаю, что да, если только ей удастся принять вѣрную форму. Обработка вопросовъ, сильнѣе всего волнующихъ данное время, должна итти совмѣстно съ обработкой вѣчно-дѣйствующихъ вопросовъ, не являющихся непремѣнно злободневными въ смыслѣ текущихъ событій дня. Я считаю ложной научностью дѣлать вещи предметомъ теоретическаго изслѣдованія только тогда, когда они среди геологическаго напластованія явленій превратятся уже въ окаменѣлость. Но, конечно,

наука будетъ въ состояніи распространить *теоретическія* познанія также и на чрезвычайно важные практическіе предметы. Злободневная политика не въ состояніи будетъ заниматься ими, не вредя себѣ и не выходя за предѣлы своей компетенціи. Наука должна обогатить образованныхъ людей тѣмъ знаніемъ, тѣми идеями и соображеніями, которыя открываютъ возможность для самосостоятельнаго сужденія. Такъ какъ всѣ чисто экономическіе вопросы (отграничить ихъ, конечно, очень трудно) отбрасываются нами, какъ относящіеся къ области политической экономіи, то мы многаго уже достигнемъ теперь, если намъ удастся побудить людей къ самостоятельному мышленію и къ дальнѣйшему изслѣдованію. Задачу научной политики составляетъ въ настоящее время: распространеніе знаній о тѣхъ политическихъ фактахъ, которые пока изображены нами выше только въ самыхъ общихъ чертахъ, а также о всѣхъ тѣхъ проблемахъ, которыя выдвигаются въ политическомъ отношеніи недавнимъ прошлымъ и настоящимъ временемъ. Она должна просвѣщать: она должна показать намъ основы нашего государственнаго зданія и его учрежденія, правовыя нормы и государственныя связи. Всѣ очерченныя нами важныя ученія слѣдуетъ давать образованнымъ людямъ въ легкой формѣ, которой мы еще должны будемъ научиться у французскихъ публицистовъ. Сердце исполняется радости при мысли о томъ, что и у насъ пробьетъ себѣ путь прочное литературно-систематическое изданіе, которое объединитъ въ себѣ серьезное изслѣдованіе и пониманіе потребностей времени. Скоро, будемъ надѣяться, оживится пробудившееся политическое сознаніе, и широкіе слои народа будутъ не только участвовать въ выборахъ, собраніяхъ и совѣщаніяхъ, но и, опираясь на жизненный и профессіональный опытъ, заставлять слушать себя и въ отдѣльныхъ вопросахъ внутренней и внѣшней политики. Можетъ быть, и у насъ также расцвѣтетъ скоро практическій политическій смыслъ, который, охватывая взорами цѣлое, въ то же время будетъ заботливо трудиться и надъ каждой отдѣльной мелочью.

Настоящая книжка имѣетъ цѣлью—не касаясь исторіи политики, какъ науки, и исторіи политическихъ теорій—указать только пути, выяснить задачи, пробудить и развить интересъ. Она обращается не къ спеціалистамъ, а къ широкой публикѣ. По своей ближайшей задачѣ и по своей внѣшней формѣ она можетъ имѣть лишь характеръ *эскиза, побужденія*. Она должна расшевелить и возбудить желаніе къ дальнѣйшему познанію.

III.

Основныя понятія. Подраздѣленія.

1. Я указалъ уже, что подразумѣваютъ другіе авторы подъ понятіемъ практической политики. Новѣйшая формулировка Улара отличается слишкомъ большой общностью: онъ опредѣляетъ политику, какъ «дѣятельность общества, направленную къ его самосохраненію и къ расширенію власти въ ея существующей въ данное время формѣ». Я опредѣляю политику, какъ *продуктивную дѣятельность въ интересахъ государства, создающую новыя цѣнности и стремящуюся къ нимъ*. Но дѣйствія государства двигаются по тремъ направленіямъ. Во-первыхъ, создаются правовыя нормы, это находится въ вѣдѣніи законодательства или власти законодательной; затѣмъ осуществляется право суда, это находится въ вѣдѣніи юстиціи или власти судебной; наконецъ, въ рукахъ государства находится управленіе, которое вѣдаетъ администрація или власть исполнительная. Эти три функціи не исчерпываютъ еще, однако, дѣятельности внутри государства. Ибо законодательство, какъ оказывается при ближайшемъ разсмотрѣніи, заклю-

чается лишь въ формальныхъ актахъ установленія правовыхъ нормъ. Законопроектъ вносится въ парламентъ, здѣсь онъ обсуждается и обрабатывается согласно предписаніямъ конституціи и по опредѣленному порядку принимается или отклоняется. Въ первомъ случаѣ требуется еще утвержденіе его монархомъ въ монархіяхъ, или главой государства (президентомъ) въ республикахъ. Однако, матеріальная сторона правовой нормы была затронута здѣсь только мимоходомъ. Осуществленіе не совпадаетъ по существу съ самымъ созданіемъ правовыхъ нормъ законодательными факторами. Въ самомъ дѣлѣ, внесенію законопроекта непремѣнно должны предшествовать извѣстныя дѣйствія, обусловливаемыя соображеніями о цѣли. Основанія для внесенія и обсужденія законопроекта должны были дѣйствовать уже заранѣе. Эта продуктивно-созидательная дѣятельность, выражающаяся въ созданіи закона, представляетъ собою не что иное, какъ политическую дѣятельность. Если потребность отдѣльныхъ общественныхъ слоевъ или партій, интересъ извѣстныхъ профессій или сила духовныхъ теченій вызвали появленіе извѣстнаго закона, то уже въ этомъ временномъ проявленіи потребности и этихъ теченій заключается моментъ, указывающій, что законодательство и направленная къ нему политическая дѣятельность не одно и то же. Политической дѣятельностью является, напр., сумма всѣхъ тѣхъ стремленій и дѣйствій, которыя были направлены къ внесенію проекта такъ назыв. Ieх Heinze въ рейхстагъ, школьнаго закона и закона о рудокопахъ въ прусскую палату. Самый же законодательный актъ, который по природѣ своей является чисто формальнымъ, состоитъ лишь въ принятіи закона. Такимъ образомъ, мы подошли къ понятію о законодательной политикѣ. Законодательство—это создающая правовыя нормы государственная функція; законодательная политика это дѣятельность, предпринятая въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ для цѣлей этой функціи, особенно, когда она исходитъ отъ самого государства или отъ его руководителей. Законъ страхованія отъ болѣзней 15 іюня 1883 г. съ его новеллами 1892, 1900 и 1903 гг., законъ страхованія отъ несчастныхъ случаевъ 30 іюня 1900 года, законъ страхованія отъ инвалидности 13 іюля 1899 суть законодательные акты; творческая же государственная дѣятельность, которая еще до изданія этихъ законовъ была направлена къ введенію страхованія рабочихъ отъ болѣзней, несчастныхъ случаевъ, старости и инвалидности, представляетъ собою законодательную политику. Таково отношеніе между политикой и законодательствомъ.

Напротивъ, отношеніе между политикой и *юстиціей* дано лишь постольку, поскольку правильная и цѣлесообразная судебная организація и судебное управленіе составляютъ первостепенный политическій вопросъ. Существуетъ именно только *такая* судебная политика. Въ частности не можетъ быть мѣста никакой политикѣ при судебномъ рѣшеніи. Судебный процессъ состоитъ по существу въ примѣненіи данныхъ предписаній и правилъ. Въ юстиціи, правда, можетъ заключаться также и творческій моментъ, судебный обычай является, особенно въ новѣйшее время, весьма значительнымъ источникомъ права. Но этотъ творческій моментъ не выходитъ изъ предѣловъ толкованія и расширенія той правовой идеи, которая заключается въ данномъ законѣ. Судья не смѣетъ критиковать законъ, хотя бы даже онъ находилъ его безполезнымъ и вреднымъ; онъ обязанъ примѣнять его, хотя бы допустивъ при этомъ до извѣстной степени вольное толкованіе. Поэтому-то и неразумно упрекать особенно высшія судебныя инстанціи въ томъ, что ихъ рѣшенія зачастую находятся въ противорѣчіи съ чувствомъ широкихъ слоевъ народа. Въ большинствѣ случаевъ дѣло здѣсь идетъ о старыхъ, никуда не годныхъ *законахъ*, толкованіе и примѣненіе которыхъ было, однако, совершенно правильно. Если рѣшеніе судей оскорбляетъ тонкое чувство справедливости, то *это происте-*

частъ въ большинствѣ случаевъ, хотя, конечно, и не всегда, *изъ тѣхъ правовыхъ нормъ*, на которыхъ судьи *должны* были основать свое рѣшеніе. Правда, иногда толкованіе закона можетъ быть невѣрно, возможны даже случаи, когда подъ покровомъ толкованія совершается прямое нарушеніе права.

Судья долженъ быть далекъ отъ политическаго момента также и въ другомъ направленіи. Чѣмъ обостреннѣе классовыя противорѣчія, тѣмъ больше опасность, что отдѣльные судьи при своихъ рѣшеніяхъ безсознательно и, случалось, сознательно будутъ руководствоваться политическими взглядами того сословія, того общественнаго слоя или того образованнаго круга, къ которому они принадлежатъ; что, основываясь на политическихъ соображеніяхъ, они станутъ переносить свои симпатіи, на которыя они имѣютъ, конечно, полное право какъ частныя лица и политики, также и на стороны въ гражданскомъ процессѣ, на истца и отвѣтчика, на обвиняемаго въ уголовномъ процессѣ. Представьте себѣ только консервативнаго судью, имѣющаго передъ собою ультракраснаго соціальдемократа или получающаго грошевое жалованье административнаго судью съ русской границы, который долженъ вынести свой приговоръ провинившемуся крезу. Всюду должно дѣйствовать по *закону*. Политическая тенденція, согласно которой «такихъ крамольниковъ и революціонеровъ» слѣдовало бы какъ можно дольше держать подъ замкомъ, здѣсь абсолютно недопустимо. Судья можетъ показывать свою лойяльность всюду, также и въ залѣ суда; но онъ не долженъ примѣшивать къ своему рѣшенію по дѣлу о дерзкомъ оскорбленіи Величества также и свои собственныя возмущенныя чувства, какъ убѣжденный монархистъ. Анархистъ не долженъ изъ *политическихъ* соображеній подвергаться болѣе строгому осужденію, чѣмъ кто-либо другой, совершившій такое же преступленіе. Правда, здѣсь въ отдѣльныхъ случаяхъ совершается много погрѣшностей, именно при опредѣленіи *мѣры наказанія*. При нашихъ человѣческихъ несовершенствахъ врядъ ли можно вполнѣ избѣжать такъ назыв. юридическихъ убійствъ, но во всякомъ случаѣ слѣдуетъ стремиться къ тому, чтобы число ихъ понизилось елико возможно. Нельзя не признать, что въ вѣрномъ примѣненіи мѣры наказанія заключается моментъ справедливости. Большинство упрековъ, выражаемыхъ нынѣ обыкновенно терминомъ «классовая юстиція», относится не столько къ вопросу о «виновности» или «невиновности», сколько къ вопросу о мѣрѣ наказанія. Свобода примѣненія ея неизбѣжна при разнообразіи уголовныхъ дѣлъ; съ другой стороны справедливость требуетъ *равномѣрнаго* судебнаго рѣшенія. Такимъ образомъ здѣсь возникаетъ чрезвычайно трудная проблема, для разрѣшенія которой требуется много такта и тонкое чувство справедливости. «Сущность правосудія заключается въ послѣдовательномъ, одинаковомъ въ одинаковыхъ случаяхъ примѣненіи права; сущность политики иная: она направляется въ каждомъ случаѣ согласно обстоятельствамъ, поэтому въ одинаковыхъ случаяхъ можетъ быть весьма различна. Если послѣдовательность главное требованіе хорошаго правосудія, то, наоборотъ, непослѣдовательность смотря по обстоятельствамъ является наибольшей политической добродѣтелью» (Шолленбергеръ). Таково отношеніе между политикой и юстиціей.

Наконецъ, намъ остается еще разсмотрѣть отношеніе между третьей функціей государства, *управленіемъ*, и практической политикой. Управленіе это прежде всего выполненіе законовъ, поскольку послѣднее не находится въ вѣдѣніи юстиціи. Дѣло идетъ о такой дѣятельности государства, которая заключается большей частью въ повтореніи уже ранѣе выполнявшихся актовъ, напр. въ собираніи податей, заботахъ о бѣдныхъ и т. д. Но управленіе, какъ его понимаетъ современная наука, не ограничиваетъ од-

нимъ лишь выполненіемъ законовъ. Въ кругъ ея вѣдѣнія входитъ все, что не составляетъ законодательства и юстиціи, безразлично, урегулировано-ли оно въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ положительнымъ спеціальнымъ закономъ, или нѣтъ. Управленіе, слѣдовательно, можетъ, руководствуясь цѣлесообразностью, прибѣгать къ такимъ государственнымъ дѣйствіямъ, для которыхъ не всегда имѣется спеціальное законное основаніе. Такимъ образомъ, управленіе является до извѣстной степени *такъ же* продуктивной творческой дѣятельностью, какъ и политика. Но вмѣстѣ съ тѣмъ она значительно отличается отъ практической политики. Ибо хотя управленіе и можетъ дѣйствовать, руководствуясь цѣлесообразностью, тѣмъ не менѣе всѣ дѣйствія его должны имѣть законную базу, если не непремѣнно спеціальное основаніе. Чтобы предпринять извѣстныя дѣйствія, оно должно имѣть общія полномочія. Чтобы управленіе ни дѣлало, это должно по меньшей мѣрѣ ему самому представляться юридически допустимымъ. Рѣшаясь на извѣстныя мѣры, исполнительная власть должна исходить изъ тѣхъ соображеній, чтобы эти мѣры соотвѣтствовали существующимъ законоположеніямъ. Управленіе представляетъ собою текущую государственную дѣятельность, какъ ее понимаютъ, опираясь на право и законъ, существующія власти. Напротивъ, политика не можетъ быть ограничена законными рамками, какъ управленіе, ей должна быть предоставлена большая свобода, чтобы она могла предпринимать вѣрные шаги и цѣлесообразныя дѣйствія. Политическій актъ отчасти предшествуетъ предписаніямъ права, регулирующимъ управленіе; затѣмъ идетъ дѣятельность, направленная къ созданію наиболѣе цѣлесообразныхъ административно-правовыхъ нормъ. Но отчасти политика стремится также къ улучшенію правовыхъ нормъ и учрежденій, которыми уже руководствуется управленіе, т. е. слѣдуетъ за послѣднимъ. Эта дѣятельность, направленная къ наиболѣе цѣлесообразному выполненію государственной функціи—управленія, и есть политика управленія. Когда полиція выдаетъ разрѣшеніе на торговлю спиртными напитками, или поддерживаетъ безопасность и порядокъ на дорогахъ, рѣкахъ, рынкахъ и въ промышленныхъ заведеніяхъ,—то все это лишь отрасли текущаго управленія, а не политика. Совершенно иное дѣло, когда государство, руководясь глубокими соображеніями, стремится провести мѣры управленія, направленныя къ поднятію благосостоянія низшихъ слосвъ населенія, когда оно преслѣдуетъ цѣль посредствомъ административныхъ актовъ помочь земледѣлію, ремесленникамъ, рабочимъ и т. д. Управленіе пользуется большей свободой, нежели юстиція, еще большей свободой пользуется политика.

Итакъ, практическая политика никогда не бываетъ политикой судебной, но либо политикой законодательной, либо политикой управленія. Объ послѣднія отрасли, смотря по предмету своего вѣдѣнія, могутъ носить различныя названія. Когда законодательная политика направляется главнымъ образомъ на экономическіе вопросы, то говорятъ объ экономической политикѣ. Такъ какъ экономическая область въ свою очередь подраздѣляется на множество различныхъ развѣтвленій, то каждому изъ послѣднихъ можетъ соотвѣтствовать особая политическая дѣятельность, такъ-что можно говорить о финансовой, налоговой, торговой, ремесленной политикѣ и т. д. Когда политика касается соціальныхъ отношеній, то говорятъ, хотя и не точно о соціальной политикѣ.

2. Противоположностью практической политики, связанной съ нею неразрывно, является ученіе о государственномъ искусствѣ. Начало теоретическаго отношенія къ политикѣ лежитъ въ глубокой древности. Человѣческая мысль очень рано наткнулась на вопросы, связанные съ творческой дѣятельностью въ государствѣ. Нельзя было не прійти къ научному воззрѣнію на государственную жизнь, размышляя надъ конечными и вели-

чайшими проблемами человѣчества. Ибо скоро стало очевидно, что государство и его жизнь относятся къ важнѣйшимъ предметамъ, достойнымъ и требующимъ разсмотрѣнія. Такимъ образомъ въ противовѣсъ политикѣ, какъ практической дѣятельности, возникаетъ *политика какъ теорія*. Она выростаетъ изъ двухъ корней: во первыхъ, изъ стремленія человѣка къ знанію, изъ потребности его оріентироваться во всѣхъ окружающихъ его важныхъ фактахъ физическаго и духовнаго міра (государство относится къ обоимъ). Культурный человѣкъ хочетъ понять и объяснить доходящія до его сознанія событія общественной жизни. Онъ хочетъ привести ихъ въ связь съ остальными своими представленіями и данными опыта. Другой корень научной политики—это практическая потребность. Очень скоро возникаютъ вопросы, какимъ образомъ лучше всего выполнить цѣли государства, какія для этого существуютъ средства. Соображаютъ, какъ лучше всего примѣнить эти средства, словомъ, какъ вести практическую политику и сдѣлать плодотворной государственную дѣятельность.

Со временъ классической древности понятіе политики, какъ науки, подверглось сравнительно немногимъ измѣненіямъ. Тѣмъ не менѣе въ теченіе вѣковъ такія измѣненія все-таки произошли. Эллины подразумѣвали подъ политикой знаніе *полиса* и дѣйствій его гражданъ, поскольку они касались государства-города. Политика была, слѣдовательно, ученіемъ о дѣятельности гражданъ, поскольку послѣдняя была направлена на этотъ полисъ. Античная политика, какъ наука, обнимаетъ: право, мораль и государственно-политическую дѣятельность. Еще Аристотель понималъ подъ политикой ученіе о государствѣ вообще. Вліяніе греческихъ воззрѣній было такъ велико, что и позже еще политику приравнивали ученію о государствѣ вообще. Этотъ взглядъ распространенъ еще и теперь. До сихъ поръ еще вся область государственныхъ наукъ означается у французовъ словами science politique или sciences morales et politiques, у итальянцевъ—scienza politica, у англичанъ—political science или politics. Характерно для этого воззрѣнія, что здѣсь не происходитъ никакой спеціализаціи дисциплинъ; подъ понятіе «политики» походятъ, какъ правовой, такъ и соціальный моментъ, политическія и юридическія, историческія и утопическія составныя части. Все это въ видѣ безраздѣльной массы перепутано еще у французовъ, итальянцевъ и англичанъ. Да и у нѣмцевъ въ этомъ отношеніи дѣло обстоитъ немногимъ лучше. Изъ новѣйшихъ историковъ Дальманъ, Вайтцъ и Трейчке написали выдающіяся сочиненія по политикѣ, и въ этихъ сочиненіяхъ они пренаивнѣйшимъ образомъ просто отождествляютъ ученіе о государствѣ съ политикой. Теперь это болѣе недопустимо.

Я считаю *научную политику ученіемъ о возможно лучшемъ выполненіи извѣстныхъ государственныхъ цѣлей, которое пріобрѣтается путемъ изслѣдованія и критики всѣхъ основъ и учрежденій (положенія (отношеній), средствъ, органовъ) государства съ точки зрѣнія цѣлесообразности, т. е. съ телеологической точки зрѣнія.* Можно сказать также вмѣстѣ съ Блюнчли, хотя это и будетъ, правда, неудовлетворительно, что политика, какъ наука, разсматриваетъ государство въ его жизни и въ его развитіи. Она указываетъ цѣли, къ которымъ направлены общественныя стремленія, и открываетъ пути, которые ведутъ къ этимъ цѣлямъ. Она взвѣшиваетъ средства, при помощи которыхъ можно достигнуть желанныхъ цѣлей. Она наблюдаетъ также дѣйствія права на совокупность всѣхъ обстоятельствъ и соображаетъ, какъ избѣжать вредныхъ дѣйствій, какъ устранить недостатки существующихъ учрежденій. Государственная жизнь, государственная практика, это какъ бы практическая политика. Право такъ же относится къ политикѣ, какъ спокойная опредѣленность отношеній къ живому движенію въ ней, какъ тѣло

къ дѣйствующему въ немъ духу. Политика, какъ наука, разсматриваетъ, согласно этой точкѣ зрѣнія, главнымъ образомъ, теченія и направленія государственной жизни. Нельзя не признать, что это воззрѣніе слишкомъ узко. Если трактовать политику только такимъ образомъ, то чрезвычайно трудно было бы отграничить ее отъ исторіи права и исторіи государства, ибо и послѣднія занимаются изученіемъ государства въ его жизни и въ его развитіи. Но кромѣ того, слѣдуетъ принять во вниманіе также соціальную, общественную сторону государства и государственныхъ явленій. Чисто юридическая точка зрѣнія ни въ коемъ случаѣ недостаточна; съ полнымъ основаніемъ требуютъ также соціальной точки зрѣнія. Съ Блюнчли можно согласиться только въ слѣдующемъ: политическая наука—это наука о средствахъ и цѣляхъ государства, ученіе, выражающееся въ наблюденіи государственныхъ явленій и въ опредѣленіи ихъ послѣдствій. Поэтому-то и нельзя признать справедливымъ, когда вопросъ о цѣляхъ выдвигается слишкомъ слабо, вопросъ же о средствахъ, при помощи которыхъ цѣли государства возможно полнѣе достигаются въ дѣйствительности, напротивъ, слишкомъ выставляется впередъ, какъ это дѣлаетъ Робертъ фонъ-Моль. И то и другое должно находить мѣсто въ равной степени, и нельзя также, подобно Гольтцендорфу, низводить понятіе политики до степени лишь осуществленія государственныхъ цѣлей. Его воззрѣніе ограничиваетъ глазъ такимъ кругозоромъ, изъ котораго политическая наука обязана выйти. Съ вѣрной точки зрѣнія, особый предметъ политики составляетъ критическое изслѣдованіе всѣхъ государственныхъ явленій и функцій. Всегда преобладаетъ особая точка зрѣнія на проблемы цѣли. На всѣхъ объектахъ наблюденія лежитъ какъ бы тѣнь вопроса о цѣлесообразности. Цѣлесообразно-ли это государственное явленіе? Правильно-ли выполнены эти функціи? Достигаютъ-ли эти учрежденія разумной цѣли? Это изслѣдованіе и критика всѣхъ государственныхъ состояній и отношеній, всѣхъ управителей и управляемыхъ, внутри общества образуетъ ту основу, на которой воздвигается практическій взглядъ на елико возможно лучшее выполненіе извѣстныхъ государственныхъ цѣлей.

3. Научную политику можно подраздѣлить на *общую* и *частную*. Общая научная политика ставитъ себѣ задачей обработку основныхъ ученій государственной жизни вообще, принимаетъ во вниманіе только проблемы, относящіяся къ области государственныхъ явленій, не взирая на опредѣленную, конкретную отрасль законодательства и управленія. Общая политика занимается государствомъ самимъ по себѣ, частная—тѣми или иными отдѣльными задачами внутри государства. Послѣдняя изучаетъ обыкновенно какой-либо отдѣлъ политической жизни съ точки зрѣнія цѣлесообразности, напр., финансовую, торговую, церковную, школьную политику и т. д. Постановка проблемы здѣсь, такимъ образомъ, не общая, а относящаяся лишь къ ограниченной области. Мнѣ кажется, будетъ цѣлесообразно прослѣдить въ общихъ чертахъ всѣ отдѣльныя отрасли управленія. Ихъ обыкновенно насчитываютъ пять: управленіе иностранными дѣлами, управленіе внутренними дѣлами, судъ, военное вѣдомство и финансы. Разсмотримъ сначала иностранныя дѣла въ связи съ военными. Къ этой области относятся дипломатическія сношенія, сухопутное войско и флотъ. Если мы охватимъ эти вопросы съ опредѣленной телеологической точки зрѣнія, то мы получимъ значительный и важный отдѣлъ политики, такъ назыв. высшую политику или политику иностранную и военную. Подъ *судебнымъ управленіемъ*, съ точки зрѣнія политики, подразумѣвается учрежденіе судовъ, елико возможно лучшее судопроизводство, причемъ нужно замѣтить, что суды занимаются не только разборомъ процессовъ. Дѣло можетъ итти также объ опекѣ, усыновленіи, дѣлахъ по наслѣд-

ству и раздѣламъ, регистраціи имуществъ, выдачи судебныхъ документовъ и т. д. Далѣе, къ судебному управленію относятся всѣ тѣ дѣйствія, которыя предпринимаются изъ соображеній административной цѣлесообразности, независимо отъ самаго правосудія. Область *финансоваго управленія* также слѣдуетъ разсматривать съ политическихъ точекъ зрѣнія. Здѣсь передъ нами цѣликомъ выступаетъ бюджетное право, политическое значеніе котораго извѣстно всякому. Въ правѣ народнаго представительства утверждать ежегодно въ видѣ одного общаго закона всѣ доходы и расходы государства заключается одинъ изъ важнѣйшихъ моментовъ участія народа въ управленіи государствомъ. Далѣе, возьмемъ всю налоговую систему, которая можетъ быть и всегда бываетъ предметомъ политическихъ обсужденій и дѣйствій. Это можетъ показаться легкимъ съ перваго взгляда. Но, прежде чѣмъ перейти къ политическому акту, необходимо ясно представить себѣ всю налоговую систему или въ конкретномъ случаѣ какую-либо часть ея, какъ въ историческомъ и юридически-догматическомъ, такъ и въ практическомъ отношеніи. Если мы хотимъ, напр., вести опредѣленную налоговую политику по вопросу о прусскомъ подоходномъ налогѣ, то при этомъ мы должны задать себѣ слѣдующіе вопросы: какъ выросъ этотъ подоходный налогъ исторически? Каковы его правовыя основы? Какъ обстоитъ вопросъ о немъ въ другихъ нѣмецкихъ или ненѣмецкихъ государствахъ? Затѣмъ слѣдуетъ взвѣсить политическія послѣдствія закона о подоходномъ налогѣ и только тогда, наконецъ, приступить къ политическимъ соображеніямъ и дѣйствіямъ. Послѣднія могутъ опять-таки быть весьма разнообразны. Можно стремиться устранить техническія затрудненія и ошибки, уменьшить слишкомъ сильное обремененіе налогомъ болѣе состоятельныхъ или, наоборотъ, менѣе состоятельныхъ слоевъ; можно ограничиться вопросомъ, не слишкомъ-ли сильно вмѣшательство общественной власти въ частныя отношенія и т. д. Этимъ, однако, еще не исчерпывается вопросъ о возможномъ, съ политическихъ точекъ зрѣнія, анализѣ финансоваго управленія: государственные долги, роспись, расходы, государственная отчетность, взятые съ точки зрѣнія цѣлесообразности могутъ также составить предметъ финансовой политики.

Наконецъ, разсмотримъ еще огромную область *внутренняго управленія*. Каждая отдѣльная вѣтвь ея можетъ быть разсматриваема съ точки зрѣнія политики. Небезполезно будетъ и здѣсь привести нѣсколько примѣровъ. Передъ нами открывается область управленія, направленнаго на поддержаніе порядка, безопасности и спокойствія. Сюда относится, между прочимъ, строительное дѣло, регистрація иностранцевъ, надзоръ за гостиницами и увеселеніями, вопросы о прислугѣ и о жилищахъ, вся область общественнаго здравія, а также дѣла о выселеніи иностранныхъ подданныхъ, право союзовъ и собраній. Возьмемъ вопросъ о надзорѣ за строительствомъ. Можно ли допустить въ предмѣстьяхъ большихъ городовъ только такія постройки, которыя похожи на виллы? Способствуетъ ли это разумному строительству, устраняется ли этимъ скученность построекъ, приносящая столько вреда большимъ городамъ? Или же этимъ нарушается право землевладѣльца на свободное пользованіе своимъ имуществомъ? Позволяютъ ли цѣна на землю и высота земельной ренты такой роскошный способъ застраиванія? Съ строительнымъ дѣломъ тѣсно связаны жилищный вопросъ и жилищная политика, о которыхъ въ послѣднее время возникла цѣлая литература. Что касается упомянутаго выше выселенія иностранцевъ, то напомнимъ здѣсь хотя бы объ отношеніи пограничныхъ съ Россіей провинцій Пруссіи къ польскимъ и русскимъ рабочимъ, а также на выселеніе безпокойнаго датскаго элемента изъ Шлезвига. Насколько такое отношеніе желательно и допустимо, это и предоставляется рѣшать политикѣ. Величай-

шую важность представляетъ, далѣе, право союзовъ и собраній и отношеніе къ нему администраціи. Въ послѣднее время неоднократно поднимался жгучій вопросъ, допустимы ли на народныхъ собраніяхъ въ Польшѣ пренія на польскомъ языкѣ. Конечно, предписываемое закономъ полицейское наблюденіе становится при такого рода преніяхъ, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ случаевъ, совершенно призрачнымъ. Кромѣ того, является также большая опасность, чтобы среди вполнѣ нѣмецкихъ областей государства не поселились довольствующіеся весьма низкимъ заработкомъ польскіе колонисты и не стали бы угрожать здѣсь нѣмецкому населенію. Въ провинціи Вестфаліи, какъ извѣстно, такая опасность существуетъ. Однако, эта политическая точка зрѣнія не должна вліять на юридическое рѣшеніе. Послѣднее должно лишь соблюдать, чтобы право союзовъ и собраній было подчинено тѣмъ ограниченіямъ, которыя указаны въ законѣ о союзахъ отъ 11 марта 1850 года. Въ послѣднемъ, однако, нѣтъ ограниченій, касающихся языка преній. Другіе вопросы осуществленія права союзовъ и собраній также слѣдуетъ разсматривать, какъ политическіе вопросы. Приведу еще примѣръ изъ области управленія, относящейся къ «безопасности и спокойствію». Вопросъ о прислугѣ тѣснѣйшимъ образомъ связанъ со всѣмъ нашимъ экономическимъ и соціальнымъ строемъ. Онъ не отличается особенной остротой тамъ, гдѣ нѣтъ недостатка въ сельскохозяйственныхъ рабочихъ или гдѣ онъ не особенно силенъ, т. е. гдѣ не наблюдается значительнаго ухода работы и работницъ на фабрики въ промышленные округа. Здѣсь жизнь въ качествѣ прислуги въ семьѣ является до нѣкоторой степени шагомъ впередъ сравнительно съ земледѣльческимъ трудомъ, и кромѣ того примѣръ болѣе утонченнаго, сравнительно съ деревенской жизнью, образа жизни «господъ» въ городахъ подымаетъ также обыкновенно и уровень жизни прислуги. Иное дѣло тамъ, гдѣ безпрерывно происходитъ переходъ огромныхъ массъ земледѣльческихъ рабочихъ къ фабричному труду, или также въ промышленныхъ областяхъ. Нельзя отрицать, что широкіе слои населенія, которые при иныхъ условіяхъ стали бы работать въ домашнемъ хозяйствѣ, предпочитаютъ послѣднему свободную, лишенную домашняго контроля, но опасную въ то же время для нравственности и развитія жизнь индустріальнаго рабочаго. Поэтому, требованія домашней прислуги, имѣющей возможность каждую минуту уйти на фабрику, въ настоящее время значительно поднялись, хотя работа ея не всегда соотвѣтствуетъ требованіямъ. Нѣсколько сглаживаетъ эти требованія притягательная сила большихъ городовъ, въ которыхъ, несмотря на возможность пристроиться къ промышленности, торговли или ремесламъ, предложеніе домашняго труда всегда превышаетъ спросъ. Всѣ соображенія, относящіяся къ положенію прислуги, правильное распредѣленіе ея между различными отраслями домашняго хозяйства, забота объ обязательномъ посѣщеніи ею школъ и т. д.,—все это можетъ составить предметъ политическаго разсмотрѣнія. Напомню также о стремленіяхъ къ урегулированію рабочаго рынка, къ обезпеченію безработныхъ и объ идеѣ страхованія отъ безработицы, затѣмъ также объ изданныхъ въ 1900 году въ Германіи постановленіяхъ относительно конторъ для найма прислуги и подысканія мѣстъ.

Мы привели только сравнительно небольшое число вопросовъ, связанныхъ съ внутреннимъ управленіемъ. Упомянемъ еще только наиболѣе важные. Отношеніе между государствомъ и церковью создаетъ церковную политику. Близкое отношеніе къ ней имѣетъ школьная политика. Какія трудности представляетъ послѣдняя, можно видѣть хотя бы изъ того, что въ Пруссіи, несмотря на предписаніе 26 конституціи, вслѣдствіе вѣроисповѣдныхъ и политическихъ противорѣчій, до сихъ поръ еще не удалось провести закона о всеобщемъ обученіи. Правила, регулирующія школьное

дѣло въ Пруссіи, основываются на законѣ о надзорѣ отъ 11 марта 1872 года и на законѣ о поддержаніи народныхъ школъ отъ 28 іюля 1906 г. Все же остальное предоставлено на усмотрѣніе властей,

Далѣе идетъ обширная область хозяйственной политики. Къ ея вѣдѣнію относятся земельная и лѣсная политика, промышленность, горное дѣло и торговля. Припомнимъ горячіе споры, по поводу вопроса, является ли Германія земледѣльческимъ или промышленнымъ государствомъ? Или: не представляетъ ли она собою ни то ни другое въ частности? Слово «промышленность» невольно вызываетъ передъ нашимъ взоромъ стремленія поднять такъ назыв. среднее сословіе, вновь оживить старинное цеховое устройство, ввести ремесленные дипломы, какъ онъ введенъ, напр., въ строительной промышленности закономъ 7 января 1907 года. Укажемъ вкратцѣ на то огромное значеніе, которое имѣетъ горное дѣло, особенно въ отношеніи вопроса о синдикатахъ и трестахъ, объ условіяхъ труда и вознагражденія горнорабочихъ. Вспомнимъ новый законъ о защитѣ горныхъ рабочихъ отъ 15 іюля 1905 года, прусскій законъ о рудокопахъ отъ 19 іюля 1906, законъ 19 іюня 1906 о выкупѣ за 31 милліонъ марокъ калійныхъ копей «Герцинія», и тотъ колоссальный споръ, который возникъ по поводу покупки акцій общества «Гибернія» прусскимъ государствомъ на сумму въ 69.500.000 мар. на основаніи закона 6 марта 1905 года. Что политика играетъ роль и въ области торговли, доказываютъ хотя бы переговоры относительно закона о таможенномъ тарифѣ отъ 25 декабря 1902 года, которыя вызываютъ въ памяти таможенное устройство и политику торговыхъ договоровъ, а съ послѣдними тѣсно связаны всѣ наши отношенія къ заокеанскимъ и другимъ государствамъ. Не забудемъ также монетнаго, банковаго дѣла, вопроса о мѣрахъ и вѣсахъ, широкой области сношеній по водѣ и сушѣ, биржъ, коммерческихъ консуловъ, торговыхъ палатъ, коммерческихъ судовъ.

Мы видимъ такимъ образомъ, что отраслей политики можетъ быть столько же, сколько и отраслей управленія. Эти отрасли управленія двигаются въ рамкахъ созданнаго для нихъ правового строя. Поэтому, одною изъ наиболѣе важныхъ предпосылокъ плодотворныхъ политическихъ изслѣдованій является знакомство съ правовыми основами даннаго вопроса. Но, кромѣ того, требуется также и точное знаніе *фактическихъ* условій. Послѣднія относятся особенно къ осуществленію отдѣльныхъ законоположеній, а также къ даннымъ опыта. Только послѣ этого слѣдуетъ взвѣсить всѣ послѣдствія, всѣ выгоды и невыгоды, освѣтить ихъ со всѣхъ сторонъ, измѣрить ихъ съ практическо-политической точки зрѣнія и, на основаніи всѣхъ этихъ фактовъ и юридическихъ понятій, вынести окончательное рѣшеніе. Результатомъ такого практическо-политическаго анализа можетъ быть укрѣпленіе существующаго учрежденія или, наоборотъ, упраздненіе его и замѣна его чѣмъ-либо новымъ. Каждая отдѣльная отрасль управленія можетъ стать такимъ образомъ предметомъ политики и именно, *частной* политики. *Политика управленія* подраздѣляется, поэтому, на столько же частей, сколько существуетъ отраслей управленія. Она отличается замѣчательнымъ богатствомъ содержанія. Область управленія торговлей превращается въ торговую политику, область управленія земледѣліемъ въ аграрную политику, управленіе финансами и налогами въ финансовую и налоговую политику и т. д., и т. д.

4. Кромѣ подраздѣленія на общую и частную, политика подраздѣляется также на *конституціонную или парламентарную политику* и на только-что разсмотрѣнную *политику управленія*. Съ принципіальной точки зрѣнія вся сумма *всѣхъ* названныхъ политическихъ отраслей, т. е. и политика управленія и конституціонная или парламентарная политика,

относится къ научной политикѣ. Подъ послѣдней подразумѣвается та творческая, цѣлесообразная государственная дѣятельность, которая относится къ вопросамъ существованія основныхъ учрежденій (фундаментальной организаціи) государства, т. е. къ «конституціонному» строю! Напротивъ, политика управленія содержитъ въ себѣ всѣ другіе предметы, которые могутъ быть подвергнуты научно-политическому анализу, т. е. все то, что не принимается въ разсчетъ конституціонной политикой. Этими двумя противоположностями и исчерпывается научная политика. Овладѣть всей областью политики выше силъ одного человѣка. Кромѣ того, и чисто фактически большое число частныхъ политическихъ отраслей сдѣлалось предметомъ спеціальныхъ наукъ. Такъ, напр., соціальная политика, церковная, торговая политика и т. д., и т. д. превратились въ самостоятельныя дисциплины. Финансовая политика связывается съ финансовой наукой, экономическая политика съ наукой о народномъ хозяйствѣ и т. д. Поэтому, уже изъ чисто фактическихъ основаній нельзя при изложеніи основъ научной политики касаться этихъ частей, относящихся къ спеціальной политикѣ управленія. Но помимо этого чисто внѣшняго и практическаго соображенія, уже изъ самого понятія частной политики управленія вытекаетъ необходимость принципіально не касаться здѣсь этой отрасли политики. Разъ мы хотимъ дать только введеніе въ политическую науку, то, конечно, мы не можемъ идти дальше основныхъ понятій. Послѣднія же заключаются въ конституціонной политикѣ, обзоръ проблемъ которой мы сейчасъ дадимъ. Впрочемъ, это чисто педагогическій вопросъ, насколько при изложеніи вопросовъ общей, конституціонной или парламентарной политики слѣдуетъ касаться также и отдѣльныхъ вопросовъ *частной* политики. Что касается настоящей книжки, то здѣсь не будетъ рѣчи объ отдѣльныхъ спеціальныхъ областяхъ политики, превратившихся въ самостоятельныя дисциплины; я поэтому не буду касаться здѣсь въ отдѣльности ни аграрной, ни торговой, ни промышленной политики и т. д.

* * *

Говорятъ, что слово политика слѣдуетъ употреблять только въ смыслѣ *государственной политики*. Но очевидно, что помимо послѣдней, соотвѣтственно территоріальному дѣленію, можетъ существовать также и иная политика. Напр., въ Восточной Пруссіи и въ Познани можетъ существовать особая, свойственная этимъ провинціямъ, политика и, соотвѣтственно этому, также ея духовное отраженіе, научная областная политика (политика въ вост.-прусск. провинціяхъ!). Желая придать этому понятію болѣе общій характеръ, можно назвать эту политику также *мѣстной*. Хотя такая политика во многихъ случаяхъ фактически существуетъ, но тѣмъ не менѣе, съ научной точки зрѣнія, ее слѣдуетъ разсматривать лишь какъ часть государственной политики.

Гораздо важнѣе понятіе *коммунальной политики*, которое основывается на особенности включенныхъ въ государство, но все-таки до извѣстной степени независимыхъ отъ него коммунъ. Эта коммунальная политика впервые возникла, лишь какъ результатъ самоуправленія, и развилась изъ довольно слабыхъ зачатковъ только послѣ основанія Германской имперіи; въ область коммунальной политики входятъ въ особенности финансовыя дѣла—городской бюджетъ, налоги,—далѣе попеченіе о бѣдныхъ, жилищный вопросъ, а также дѣятельность, вызванная соціальнымъ законодательствомъ, напр. общественное страхованіе отъ болѣзней, забота о городскихъ рабочихъ и т. п. Сюда же относится и проблема о регистраціи спроса и предложенія на трудъ, какъ слѣдствіе безработицы.

Начало научной обработки коммунальной политики уже положено. Упомянемъ только труды Дамашке «Задачи городской политики» (русск. пер. въ изд. тов. «Знаніе») и Тиссена и Тримборна «Sociale Tätigkeit des Gemeinden» («Соціальная дѣятельность общинъ»), 3-е изд. 1906 г. Первый разсматриваетъ вопросы народнаго образованія, особенно общеобразовательной народной школы, свободы преподаванія, высшихъ народныхъ школъ и гигіены; рабочіе вопросы, какъ-то—условія службы и вознагражденія, участіе въ прибыли, промышленные суды и камеры соглашенія, безработицу, регистрацію труда, городскія справочныя бюро; вопросы средняго сословія, подряды и промышленное образованіе; вопросъ о ростѣ ренты и объ юридическомъ и экономическомъ положеніи муниципальной земельной собственности, при чемъ Домашке высказывается въ пользу широкой земельной реформы; квартирный вопросъ, особенно надзоръ за квартирами и регистрація ихъ, упорядоченіе строительства, постройка домовъ муниципалитетами, жилищный вопросъ въ связи съ земельнымъ, городскія ипотеки, и, наконецъ, вопросы о налогахъ и городскихъ предпріятіяхъ. Тиссенъ даетъ обзоръ задачъ коммунальной соціальной политики, направленной въ пользу рабочихъ, приказчиковъ, мелкихъ ремесленниковъ и т. д., а также касается реформы жилищъ, попеченія объ общественномъ здравіи, о народномъ образованіи.

Наконецъ, намъ остается коснуться еще понятія *партійной политики*. Подъ послѣдней слѣдуетъ понимать сумму извѣстныхъ (касающихся государственныхъ и коммунальныхъ дѣлъ, вопросовъ конституціи и управленія) основныхъ положеній, установленіе извѣстныхъ направленій и опредѣленной тактики. Отсюда уже вытекаетъ, что партійная политика возможна только въ практическомъ, а не въ научномъ смыслѣ. Ибо эти широкія основныя положенія и эта тактика находятся въ постоянномъ процессѣ видоизмѣненія и не даютъ возможности придти къ какимъ-либо типическимъ понятіямъ. А безъ послѣднихъ не можетъ быть научнаго анализа. Совершенно иначе обстоитъ дѣло съ государствомъ, провинціей или общиной, которыя имѣютъ твердую территоріальную основу, а потому представляютъ прочный объектъ для научнаго наблюденія. Партійная политика колеблется въ зависимости отъ политическихъ актовъ, законопроектовъ, отношенія къ другимъ партіямъ, выборовъ и т. д.

IV.

Политика разума и политика чувства. Реальная и идеалистическая политика. Соціальные романы.

Много приходится слышать разговоровъ о *политикѣ чувства*, которой противопоставляютъ политику разума. Подъ первой подразумѣваютъ такую политику, которая подчиняется склонностямъ, реагируетъ на душевныя движенія и совершается, такимъ образомъ, за счетъ здраваго смысла. Въ большинствѣ случаевъ при этомъ индивидуальное нравственное чувство переноситъ свой масштабъ на вопросы политики: припомнимъ отношеніе нѣмецкаго населенія къ Англіи во время бурской войны, или симпатіи къ Японіи во время русско-японской войны. Дѣйствительно, этически-дѣйствующій человѣкъ прежде всего думаетъ не о себѣ, не о своей личной выгодѣ, онъ отдается во власть своихъ чувствъ, своихъ идеаловъ и имъ даетъ предпочтеніе передъ соображеніями собственной пользы. Однако, такая политика чувства никогда еще не приводила ни къ какому результату. Ибо жестокая дѣйствительность всегда заставляетъ страдать государ-

ство, когда на вопросы политики переносятся понятія индивидуальной этики, когда прежде всего думаютъ не о государствѣ и объ его выгодахъ, а умышленно или неумышленно дѣйствуютъ въ интересахъ чужой страны. Такимъ образомъ, политика разума является единственно вѣрной, особенно для государственныхъ людей; тѣмъ болѣе, что послѣдніе вовсѣ *не въ правѣ* давать волю своимъ чувствамъ, своимъ нравственнымъ симпатіямъ и антипатіямъ. Они дѣловые вожди націи, слуги государства и его интересовъ. Они не смѣютъ слѣдовать велѣніямъ своихъ чувствъ, какъ въ частныхъ дѣлахъ, а обязаны руководствоваться хорошо взвѣшенными интересами того общества, на пользу котораго направлена ихъ дѣятельность. Даже такіе, тѣсно связанные съ нравственностью вопросы, какъ забота о неимущихъ и бѣдныхъ, борьба государства съ соціальными бѣдствіями, и тѣ не должны разрѣшаться исключительно на основаніи побужденій сердца. Государственный человѣкъ долженъ прежде всего задать себѣ вопросъ, какъ относятся *интересы государства* къ вопросу о бѣдныхъ, къ соціальному вмѣшательству въ интересахъ рабочихъ или неимущихъ. Для такой политики разума существуетъ только одно важное правило: на первомъ планѣ стоитъ охрана самого государства. Только послѣ этого выдвигается вопросъ о соблюденіи матеріальныхъ интересовъ, а затѣмъ уже болѣе возвышенные культурные интересы. Правда, политика разума не означаетъ еще грубаго утилитаризма въ матеріалистическомъ смыслѣ. Полезно-практическое не должно вырождаться въ пошло-утилитарное. Значеніе идеалистическихъ моментовъ для государственной политики стоитъ внѣ сомнѣнія и не принимать ихъ во вниманіе, можетъ быть, такъ же непрактично, такъ же противно здравому смыслу, какъ и неиспользованіе какой-либо другой матеріально-полезной политической комбинаціи. Даже иллюзіи имѣютъ значеніе въ политикѣ и въ соціальной жизни, какъ это недавно (1904) показалъ Георгъ Адлеръ въ одной изъ своихъ остроумныхъ статей. *Оппортунистическая* политика—это отклоненіе отъ политики разума, и именно отклоненіе въ дурномъ смыслѣ. Она по существу руководствуется фактическими условіями и случайными обстоятельствами, тогда какъ политика разума поступаетъ согласно великимъ, незыблемымъ принципамъ.

Нѣчто отличное отъ политики чувства представляетъ *идеалистическая, идеальная политика*. Она указываетъ на опредѣленный идеалъ, поставленный государству, вообще, или на идеалъ опредѣленнаго государства. Государственный дѣятель, парламентъ или партія могутъ указать своему государству извѣстный идеалъ, напр., самоуправленіе при почти полномъ исключеніи бюрократіи, или же идеалистическая политика можетъ относиться лишь къ отдѣльнымъ учрежденіямъ внутри государства. Разница между идеалистической политикой и политикой разума заключается не въ цѣли ихъ; цѣль у нихъ можетъ быть одна и та же. Можно, напр., исходя изъ политики разума и идеалистической политики, желать введенія конституціи, подобной англійской. Рѣшающій моментъ заключается также и въ неосуществимости той или иной политики при данныхъ условіяхъ. Ибо то, что кажется недостижимымъ идеаломъ, иногда можетъ осуществиться очень скоро, напр., благодаря революціи или какому-либо государственному перевороту сверху, и наоборотъ, стремленія политики разума могутъ долго оставаться безъ исполненія. Разница между идеалистической политикой и реальной политикой или политикой разума заключается, поэтому, лишь въ чисто субъективномъ взглядѣ на осуществимость или неосуществимость данной политики, въ болѣе или менѣе идеальной точкѣ зрѣнія на разстояніе между идеей и ея выполненіемъ. Наконецъ, отъ идеалистической политики слѣдуетъ отличать политику *фантастическую*, «которая

сочиняетъ несуществующія обстоятельства и воодушевляется сновидѣніями» (Блюнчли). Въ то время какъ историческая реальная политика находитъ свое выраженіе въ политическихъ мемуарахъ, классическій примѣръ фантастической политики представляетъ литература *соціальныхъ романовъ*. Это тѣ фантастическія описанія идеальнаго государства, которыя разрушаютъ всю совокупность или основы государственныхъ и общественныхъ отношеній и затѣмъ вновь созидаютъ ихъ. Очень близко къ соціальнымъ романамъ подходитъ въ древности описаніе идеальнаго государства Платона, которое находится въ его книгахъ «О законахъ», «О государствѣ» и, наконецъ, также въ сочиненіи, носящемъ названіе «Атлантиды». Кромѣ этихъ произведеній соціальнымъ романомъ въ древности можно назвать еще «Киропедію» Ксенофонта. Въ средніе вѣка совершенно не было соціальныхъ романовъ по причинамъ, разбирать которыя здѣсь не мѣсто. Важнѣйшимъ соціальнымъ романомъ новаго времени является безсмертный романъ Томаса Мора «Утопія» (1516), который далъ популярное и сохранившееся до сихъ поръ названіе для всѣхъ произведеній этого рода. Кампанелла (итальянскій монахъ-доминиканецъ (1568 — 1639) написалъ романъ «Государство солнца» (Civitas solis), англійскій канцлеръ Гаррингтонъ также оставилъ соціальный романъ «Океана», который, правда, стоитъ далеко позади моровской «Утопіи». Напротивъ, блестящее произведеніе представляетъ «Исторія Северамбіи» Вэрасса (1677). Къ нему примыкаетъ малопонятный Фуаньи со своей книгой «Aventures de Jaques Sadeur» («Приключенія Жака Садера»). Къ этой же группѣ относятся «Гаргантюа» Раблэ (1547), «Базиліада» Морелли (1753) и «Путешествіе въ Икарію» Кабэ (1842). Въ новѣйшее время вновь оживилъ и породилъ цѣлую литературу соціальныхъ романовъ романъ Беллами «Черезъ сто лѣтъ».

V.

Система научной политики.

Научная политика занимается всѣми явленіями и дѣйствіями человѣческой жизни, связанными съ вопросами государственнаго бытія, т. е. съ возникновеніемъ и существованіемъ государства, его задачами и средствами, родомъ его организаціи, функціи и разчлененія. Отсюда вытекаютъ: а) основныя проблемы, названныя мною *проблемами бытія* государства, которыя въ теченіе тысячелѣтій составляли предметъ глубочайшихъ изслѣдованій, затѣмъ ученіе объ обоснованіи государства, важное значеніе котораго создаетъ анархизмъ, ибо послѣдній, какъ извѣстно, утверждаетъ, что никакая власть вообще, ни государственная власть въ частности не можетъ имѣть оправданія. Затѣмъ въ число проблемъ бытія входитъ отношеніе между государствомъ и правомъ. Одно не можетъ существовать безъ другого; но каково взаимное отношеніе ихъ другъ къ другу, это опять-таки составляетъ одну изъ труднѣйшихъ проблемъ политическаго мышленія. Далѣе, сюда относится б) *ученіе объ элементахъ государства*. Здѣсь говорится о *государственной территоріи*, о *націи* (въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ) и, наконецъ, о третьемъ элементѣ, *государственной власти*. Каковы были ея организація и форма въ прежнія времена, каковы онѣ въ отдѣльныхъ государствахъ теперь? Центробѣжна-ли государственная власть, или центростремительна, господствуетъ-ли въ ней централизація или децентрализація, абсолютна-ли она, или конституціонна, находится-ли она въ рукахъ одного лица, какъ въ монархіяхъ, или же

въ рукахъ нѣсколькихъ лицъ, какъ въ аристократіяхъ, или, наконецъ, въ рукахъ многихъ, какъ въ демократіяхъ. Все это, и то, что вытекаетъ изъ положенія и отношеній государства, критически освѣщается научной политикой. Изъ свойствъ государственной власти—изслѣдуется особенно возбуждающее много споровъ ученіе о суверенитетѣ.

Центральный пунктъ всей политики видѣли прежде в) въ *проблемѣ цѣли*. Въ настоящее время эта проблема, правда, значительно сдвинулась съ своего центральнаго мѣста, но и теперь еще она все-таки продолжаетъ имѣть важное значеніе. Далѣе трактуется г) ученіе о *конституціяхъ, формахъ и органахъ государства*. Я даю ему названіе *проблемы организаціи*. Государственные органы (руководители государства) суть глава государства и народное представительство, помощникъ ихъ—чиновничество. Предметъ научной политики должно составить разсмотрѣніе задачъ, положенія, значенія этихъ руководителей и помощниковъ. Наконецъ, слѣдуетъ разсмотрѣть еще д) ученіе о *функціяхъ* и ученіе объ *органахъ* государства.

Этотъ рядъ проблемъ вошелъ въ новѣйшую политическую науку. Однако, какъ это все ни значительно, есть еще большая группа, которая до сихъ поръ находилась въ положеніи пасынка. Лишь соціологія впервые, да и то въ самое послѣднее время, выдвинула здѣсь на основаніи новой постановки проблемы цѣлый рядъ новыхъ знаній. Сюда относятся: *а*) ученіе объ отношеніи государства къ отдѣльной личности, которая частью въ своей гражданской, частью въ своей политической сферѣ находится въ антагонизмѣ съ государственной властью. Далѣе дѣло идетъ *б*) объ отношеніи государства къ публичноправовымъ товариществамъ.

Наконецъ, какъ часть научной политики слѣдуетъ разсматривать также ученіе о *сущности политическихъ партій*. Правда, какъ я говорилъ уже, партійной политики, какъ научнаго понятія, не существуетъ; но возникновеніе партій, родъ ихъ дѣятельности и ихъ значеніе для общественной жизни не могутъ быть оставлены безъ вниманія научной политикой.

VI.

Задачи научной политики.

1. Задачу научной политики составляетъ изображеніе всей совокупности государственныхъ явленій во всѣхъ ихъ взаимоотношеніяхъ. Слѣдуетъ избѣгать односторонности, которая получается при разсмотрѣніи государственныхъ учрежденій и состояній каждаго въ отдѣльности. Всюду нужно выяснить: «какъ все сплетается въ одно цѣлое, какъ одно на другое дѣйствуетъ и одно другимъ живетъ!» Какъ разъ разнообразіе отдѣльныхъ отраслей управленія, богатство спеціальной административной политики, которая считается съ этимъ различіемъ отраслей управленія, обусловливаетъ, что теоретическая политика принимаетъ на себя трудъ объединить и связать эти отдѣльныя части. Политика какъ наука въ состояніи сдѣлать это потому, во-первыхъ, что ея задачу составляетъ дать обзоръ всей совокупности политическихъ стремленій и политическаго творчества. Политическій факторъ, государственный актъ или правовой институтъ выплываютъ тогда не обособленно, а разсматриваются, какъ бы съ высоты птичьяго полета, въ общей связи всѣхъ вещей. Объективному наблюдателю скоро становится очевиднымъ, что политическія идеи и стремленія имѣютъ относительно равное право на существованіе. Это открываетъ путь для пониманія обще-

ственныхъ дѣлъ и ставитъ препятствіе слѣпому групповому эгоизму, стремящемуся только къ собственной цѣли. Такъ научная политика должна бросить яркій свѣтъ въ круговоротъ партійныхъ битвъ; она должна уравнять путь для безпристрастнаго анализа фактовъ и дѣйствій въ государственной жизни, способствовать уравненію политическихъ противорѣчій. Точка зрѣнія безпристрастнаго наблюдателя облагораживаетъ также и политическое настроеніе. Для всякаго, выходящаго на арену жизни, полезно знать все, что необходимо для государства и его руководителей внѣ соображеній политическихъ партій. Ставъ на высшую точку зрѣнія соціальной справедливости, научная политика найдетъ также путь и къ достиженію второй задачи, именно къ созданію принциповъ, которые будутъ примѣнимы въ общественной дѣятельности безъ риска впасть въ доктринерство и односторонность; ибо развитіе принциповъ можетъ происходить только тамъ, гдѣ цѣлью является типическое, гдѣ все разнообразіе событій сводится, sine ira ac studio, безъ касательства личности и ея желаній, къ крупнымъ общимъ основнымъ явленіямъ.

2. Кромѣ того, Трейчке ставилъ задачей политики разсмотрѣніе съ исторической стороны всего того, чего желали, къ чему стремились и чего достигли народы въ политической жизни, или почему они того или другого не достигли. Но это, кажется мнѣ, относится скорѣе къ исторіи или къ философіи исторіи, въ которой особыя заслуги принадлежатъ лейпцигскому профессору Барту (Barth, «Philosophie der Geschichte als Sociologie», 1897) и берлинскому профессору Зиммелю (Simmel «Die Probleme der Geschichtsphilosophie», 1892, 2-е изд. 1906).

Установленіе нравственныхъ императивовъ также не относится, вопреки мнѣнію Трейчке, къ задачамъ политики. Дѣло въ томъ, что въ такомъ случаѣ мы должны будемъ связать анализъ дѣйствительности съ моралью; а здѣсь невозможно будетъ избѣжать преобладанія субъективныхъ моментовъ. Поскольку, наконецъ, дѣломъ политики является изысканіе историческихъ законовъ, это мы еще разсмотримъ въ другомъ мѣстѣ.

3. Далѣе, невозможно никакое установленіе догматовъ и законовъ касательно политической жизни. Было бы совершенно неправильно требовать отъ научной политики, чтобы она давала исчерпывающій и категорическій отвѣтъ на всѣ отдѣльные вопросы практической общественной жизни; но она безусловно должна способствовать ориентированію въ данныхъ условіяхъ и разсмотрѣнію, такимъ образомъ, вновь возникающихъ вопросовъ съ болѣе широкихъ, обобщающихъ точекъ зрѣнія.

4. Наконецъ, задачей научной политики не можетъ быть также служеніе какой-либо партіи. Она должна быть выше всякой партійности. Это не всегда было такъ. Отсюда и происходитъ нѣсколько непріязненное отношеніе къ политикѣ, какъ наукѣ. Всѣ стремленія наши должны быть направлены къ тому, чтобы разсѣять этотъ вредный предразсудокъ. И этимъ мы сразу же занимаемъ опредѣленное положеніе по отношенію къ тѣмъ политическимъ писателямъ, которые хотятъ дать научный анализъ трактуемыхъ здѣсь проблемъ съ опредѣленныхъ и уже заранѣе признанныхъ вѣрными точекъ зрѣнія. Ихъ произведенія не выходятъ изъ узкихъ предѣловъ ихъ партійной точки зрѣнія. Такая партійнополитическая литература имѣетъ два непріятныхъ признака. Во-первыхъ, строгое господство партійной программы и затѣмъ доктринерство, т. е. персоцѣнка односторонникъ правилъ и односторонняго опыта. Только немногимъ выдающимся личностямъ удалось избавиться отъ нихъ, напр., Дальману, Вайтцу, Молю, Блюнчли, Гнейсту и Гольтцендорфу.

VII.

Мѣсто политики среди наукъ.

Не выяснивъ точно положенія политики среди другихъ родственныхъ и примыкающихъ къ ней наукъ, нельзя выбраться изъ тѣхъ неясностей, которыя господствуютъ относительно политическихъ наукъ даже среди почти всѣхъ образованныхъ людей. Вмѣстѣ съ тѣмъ предлагаемый обзоръ дастъ въ самыхъ общихъ чертахъ *введеніе въ государственныя науки*.

I. Прежде всего обратимся къ вопросу объ *общемъ ученіи о государствѣ*. Понятіе о немъ установилось сравнительно недавно, такъ что въ настоящее время еще нельзя сказать, чтобы относительно его было достигнуто полное единодушіе. Древнѣйшая теорія приравнивала общее ученіе о государствѣ государственной философіи. Согласно этой теоріи, дѣло тутъ идетъ о такомъ *ученіи о государствѣ, которое строитъ свои идеи на представленіи разума, не касается опыта и стремится установить нѣчто идейно общее*. Знаніе историческихъ фактовъ и особыхъ государственныхъ учрежденій не подвигается тутъ впередъ. Свободно въ воздухѣ высится смѣлое зданіе идейной абстракціи.

Въ Германіи впервые далъ систематическое изображеніе общаго государствовѣдѣнія въ этомъ смыслѣ Іоаннъ *Альтузіусъ*. Его произведеніе «Политика» впервые появилось въ 1603 году. Онъ былъ первымъ нѣмецкимъ представителемъ систематической теоретической политики. Подъ «политикой» онъ подразумѣваетъ то, что мы называемъ общимъ государствовѣдѣніемъ. Заслуга Альтузіуса заключается въ томъ, что она изгнала изъ системы политики всѣ теологическія, моральныя и даже юридическія примѣси. Она стремится освободиться отъ теологическихъ и этическихъ представленій, которыя господствовали тогда въ государственныхъ наукахъ. Онъ находитъ *цѣль* политики какъ науки въ изображеніи наиболѣе цѣлесообразнаго устройства и поддержанія соціальнаго организма, и полагаетъ, что главный предметъ политики составляетъ изслѣдованіе возникновенія, сущности и составныхъ частей государственной власти, т. е. только часть того, что мы теперь считаемъ темой научной политики. Содержаніе общаго государствовѣдѣнія онъ находитъ посредствомъ противопоставленія его правовѣдѣнію. Послѣднее имѣетъ дѣло съ *фактическими* правами, нормами, политика же или общее государствовѣдѣніе съ *естественными* правами. Общимъ онъ называетъ это государствовѣдѣніе потому, что оно основывается на представленіи разума, не касается опыта и стремится установить нѣчто идейно общее, потому, что оно не вводитъ въ кругъ своихъ задачъ знаніе особыхъ историческихъ фактовъ и государственныхъ учрежденій. Эти выводы Альтузіуса характерны для той теоріи, которая приравнивала общее государствовѣдѣніе государственной философіи.

Въ теченіе всего XVII и XVIII вѣка общее ученіе о государствѣ, называвшееся въ то время также общимъ государственнымъ *правомъ*, считалось частью философіи. Это продолжается вплоть до полнаго развитія теоріи естественнаго права. Въ смыслѣ государственной философіи выраженіе «общее государствовѣдѣніе» употреблялось даже и во второй половинѣ XIX вѣка. Да и въ настоящее время это значеніе еще невполнѣ оставлено. Причина этого заключается въ двухъ идейныхъ теченіяхъ. Первое — это *католическое ученіе о государствѣ*. Оно основывается на нововведеніи Ѳомы Аквината. Онъ подраздѣлилъ существовавшее до тѣхъ поръ ius divinum (божественное право) на ius divinum въ тѣсномъ смыслѣ и на ius naturale (естественное право). Первое представляетъ собою *непосредственное* откровеніе воли божіей, заключающееся въ священномъ писаніи и въ цер-

ковномъ преданіи. Ius naturale, естественное право, имѣетъ въ Богѣ только свой *непрямой* источникъ, прямой же непосредственный источникъ его заключается въ человѣческомъ разумѣ. Этотъ прогрессъ далъ возможность создать иной взглядъ на исторію, чѣмъ тотъ, который опирался на библію и на писанія св. отцовъ. Этого естественноправового воззрѣнія до сихъ поръ еще придерживается католическое ученіе о государствѣ Савиньи, Катрейна и др.

Здѣсь же слѣдуетъ указать и на второе идейное теченіе. Это *соціологія*, т. е. ученіе о соціальныхъ формахъ человѣческаго общежитія. Государство также лишь *одна* изъ формъ общественности, а потому, по мнѣнію соціологіи, государство можно понимать только съ соціологической точки зрѣнія, т. е. съ точки зрѣнія общественной философіи. Общее государствовѣдѣніе представляетъ собою, поэтому, государственную философію. Важнѣйшимъ представителемъ этого взгляда является *Гумпловичъ*. Онъ является послѣдователемъ основателей общественной философіи. Таковыми являются Огюстъ *Контъ* («Cours de philosophie positive», 6 т. Парижъ, 1830—1842. Русскій переводъ «Курсъ положительной философіи» не оконченъ); статистикъ Кетлэ («Sur l'homme et le développement de ses facultés», 2 т. Парижъ. 1835); оба эти ученые являются позитивистами; съ біологической или эволюціонной точки зрѣнія смотритъ на данный вопросъ *Гербертъ Спенсеръ* («The principles of Sociology», 3 т. Лондонъ. 1876—1896); не на послѣднемъ мѣстѣ стоитъ Шеффле («Bau und Leben des socialen Körpers», 2-е изд. 2 т. 1896); далѣе важны также очерки по соціологіи Ахелиса (1899), Лоріа (1901), Эйслера, а также Штукенберга (англ., 2 т. 1903), Элейтеропулоса (1904), Шеффле («Abriss der Sociologie», 1906). Основными являются, далѣе, сочиненія: Лиліенфельда «Gedanken über die Socialwissenschaft der Zukunft» (5 т. 1873 и сл.), Летурно «La Sociologie d'après l'Ethnographie» (2-е изд. 1884), Ратценгофера «Die sociale Erkenntniss» (1898). (Не слѣдуетъ смѣшивать это соціологическое направленіе съ тѣмъ, которое сводится къ обществовѣдѣнію въ тѣсномъ смыслѣ и характеризуется именами *Лоренца ф.-Штейна* и *Риля*). Впрочемъ, у всѣхъ этихъ писателей обнаруживается тѣсная связь между общимъ государствовѣдѣніемъ и остальными соціальными и государственными науками. Въ концѣ концовъ, и на самомъ дѣлѣ разрѣшеніе многихъ проблемъ входитъ какъ въ тѣ, такъ и въ другія дисциплины. Нужно постоянно имѣть въ виду эту тѣсную связь отдѣльныхъ отраслей государственныхъ наукъ, разъ мы хотимъ отграничить *одну* изъ нихъ, именно общее государствовѣдѣніе. Границы между различными дисциплинами въ частностяхъ весьма спорны. Содержаніе отдѣльной государственно-научной дисциплины, а также ея задачу и методъ зачастую бываетъ довольно трудно отдѣлить отъ содержанія, задачи и метода родственной ей отрасли знанія.

Какое же положеніе по отношенію къ этой теоріи должны мы занять? Государственная философія, какъ таковая, должна быть отвергнута. Ибо государство—это явленіе земное, существующее во времени и пространствѣ. Оно составляетъ предметъ духовно-чувственнаго опыта. Этихъ фактовъ никакъ не можетъ понять отрѣшившаяся отъ дѣйствительности философская спекуляція. Нельзя конструировать a priori такое чисто-эмпирическое образованіе, какъ государство. Основныя понятія государства должны быть заимствованы изъ *реальнаго* міра государства. Мы должны съ открытыми глазами слѣдить за то подымающейся, то падающей волной политической жизни народовъ; *только*, основываясь на *реальномъ* наблюденіи, разлагающій и созидающій умъ, анализъ и синтезъ, можетъ узнать, какимъ историческимъ законамъ повинуется все, что намъ кажется случайнымъ и запутаннымъ. *Только* этимъ путемъ мы добьемся полезныхъ результатовъ.

Старая же теорія естественнаго права, при господствѣ которой общее государствовѣдѣніе считалось государственной философіей, добивалась чего-то совершенно иного. Она способствовала развитію доктринерскаго, далекаго отъ жизни способа мышленія. Чѣмъ же это объясняется? Намъ, живущимъ въ вѣкъ открытій и въ эпоху переоцѣнки чисто-матеріальныхъ благъ, кажется страннымъ, какъ это наука, желавшая заниматься государствомъ, избрала своимъ предметомъ не реальное государство, а выдуманное, конструированное. Во-первыхъ, это объясняется общимъ схоластическимъ направленіемъ мысли, а во-вторыхъ, самой сущностью естественнаго права, которое позади фактовъ дѣйствительности искало еще послѣднюю основную сущность вещей. Оно не довольствовалось эмпирически данными фактами и состояніями, а чувствовало еще позади нихъ нѣкоторую высшую справедливость, болѣе глубокій и послѣдній смыслъ. Поэтому и теперь, когда это направленіе уже совершенно нами оставлено, нельзя все-таки оцѣнивать его слишкомъ низко; ибо въ державномъ пренебреженіи матеріальныхъ вещей крылась возвышенная черта чистой духовности. Живя только ради идеи, люди презирали пошлыя мелочи обыденной жизни. Но пренебрегая мелочной дѣйствительностью, не желая сдѣлать ее предметомъ изслѣдованія и мышленія, философія естественнаго права перенесла всякую дѣйствительность въ туманную даль. Поэтому, доктринерство и преувеличеніе являются ея характерными признаками. Она не даетъ развиваться *историческому* воззрѣнію. Поэтому-то паденіе философіи естественнаго права совпадаетъ съ поворотомъ мысли въ историческомъ направленіи. Въ Германіи первымъ учителемъ историческаго мышленія былъ Гердеръ. Прежде думали только о томъ, что имѣетъ общее значеніе, теперь стали убѣждаться, что необходимо всѣ вещи, а въ томъ числѣ и государственныя явленія, разсматривать и изслѣдовать въ отдѣльности. Прежде былъ одинъ общій философски измышленный шаблонъ, въ который старались втиснуть всю дѣйствительность, какъ на прокрустово ложе. Теперь стали анализировать живую дѣйствительность каждаго *отдѣльнаго* государства, конкретной государственной формы, опредѣленнаго строя, позитивной государственной идеи. «И наука о государствѣ тоже становится, такимъ образомъ, при пробужденіи историческаго смысла, болѣе жизненной наукой. Но вмѣстѣ съ этимъ она перестала быть *государственной философіей*».

Совершенно иной вопросъ, что дѣлать освободившемуся отъ схоластики и естественнаго права общему государствовѣдѣнію съ философіей вообще, каково отношеніе ихъ другъ къ другу. Отвѣтивъ на этотъ вопросъ мы, несмотря на *отрицаніе государственной философіи*, установимъ тѣмъ не менѣе ея лежащія, правда, въ прошломъ заслуги *для* современнаго общаго ученія о государствѣ.

Другая теорія разсматриваетъ какъ предметъ общаго государствовѣдѣнія *отвлеченное государство*. Мы имѣемъ въ данномъ случаѣ дѣло не съ идеальнымъ изображеніемъ государства, не съ государствомъ, построеннымъ на основаніи заключеній разума. Отвлеченное государство возникаетъ скорѣе изъ *сравнительнаго разсмотрѣнія дѣйствительности*, изъ сравнительнаго анализа существующихъ государствъ. Противоположностью этого абстрактнаго государства является конкретное, опредѣленное государство, напр., прусское, баварское. Представителями этой второй теоріи являются *Зейдель*, *Лингъ* и *Розинъ*. Оттѣнокъ этого взгляда представляетъ воззрѣніе Борнгака. Эта теорія возникла изъ стремленія къ реалистическому воззрѣнію на государство. Она составляетъ противоположность чисто спекулятивному взгляду на государствовѣдѣніе. Она исходитъ изъ той правильной точки зрѣнія, что право и государство не мо-

гутъ быть конструируемы изъ природы человѣка посредствомъ разума, или изъ раціоналистическихъ философскихъ системъ. Государство по самому существу своему не поддается конструированію, согласно указаніямъ разума, его слѣдуетъ разсматривать только эмпирически.

Однако, и эта теорія не достигаетъ цѣли. Конечно, государство слѣдуетъ разсматривать эмпирически. Спекуляція внѣ времени и пространства не можетъ подвинуть впередъ ученія о государствѣ. Но спрашивается, *какія существуютъ средства для разсмотрѣнія эмпирическихъ фактовъ?* Положеніе опыта я не могу охватить руками, почерпнутое изъ дѣйствительности правило жизни я не могу—говоря грубо—попробовать на языкъ или понюхать. Содержаніе эмпирическаго факта можно выяснить только *путемъ соображенія и умственнаго разсмотрѣнія*. Такимъ образомъ, при изученіи общаго государствовѣдѣнія зачастую окажется, что *спекулятивная философія*, не заботящаяся о фактахъ дѣйствительности, абсолютно недостаточна; зато существенную пользу могутъ принести другія отрасли знанія, которыя, наблюдая и примѣняя данные дѣйствительностью факты государственной жизни, ищутъ свою задачу въ болѣе высокомъ познаніи *сущности* этихъ матеріальныхъ вещей. Недостаточно, если мы будемъ только копировать дѣйствительность, фотографировать ее; для государствовѣдѣнія недостаточно проводить только линіи, соотвѣтствующія контурамъ государственныхъ явленій. Требуется нѣчто большее: изъ эмпирическихъ фактовъ должно быть добыто идейное изображеніе, внутреннее содержаніе. Такимъ образомъ, эмпирическое разсмотрѣніе государства не означаетъ только его *внѣшняго* описанія. Его *сущность* слѣдуетъ познавать скорѣе *по внутреннимъ моментамъ*. Въ остальномъ различіе заключается, говоря точно, въ объектѣ: государственная философія *конструируетъ* государство, о которомъ она трактуетъ, считаясь только со своими взглядами и желаніями, а правильное, эмпирическое разсмотрѣніе государства исходитъ изъ *существующихъ* образованій. Однако и послѣднія можно изучать только посредствомъ соображенія и посредствомъ изслѣдованія, направленнаго на самую сущность ихъ. Такимъ образомъ, мы находимъ, что въ *извѣстныхъ* частяхъ государствовѣдѣнія для разрѣшенія проблемъ можетъ быть примѣнена только такая, если можно такъ выразиться, реалистическая философія. Это большею частью тѣ отдѣлы, которые относятся къ *основамъ* нашей науки и которыхъ нельзя охватить средствами одной лишь науки права, даже сравнительной. Мы увидимъ, напр., что для *сущности* государства остается лишь чисто психологическое объясненіе. Корни послѣднихъ проблемъ,—независимо отъ того, относятся-ли они къ макрокосмосу міра или къ микрокосмосу отдѣльнаго человѣка, или же, наконецъ, стремятся познать государство въ его глубочайшей сущности—проникаютъ глубоко въ общую почву глубочайшихъ и конечныхъ знаній, къ которымъ вообще способенъ человѣкъ. Конечный вопросъ о правѣ, конечный вопросъ о государствѣ и объ отношеніи того и другого другъ къ другу настолько же философскіе вопросы, какъ и вопросъ о справедливости въ земной жизни, вопросъ о смыслѣ человѣческаго существованія. Уже отсюда мы можемъ заключить, что общее государствовѣдѣніе касается не только однихъ чисто-юридическихъ вопросовъ; оно знаетъ не только—это выяснилъ Еллинекъ—ученіе о государственномъ *правѣ*, но также и соціальное государствовѣдѣніе, т. е. такое, которое занимается общественными отношеніями въ государствѣ, какъ таковыми, которое трактуетъ, слѣдовательно, не о чисто юридическихъ фактахъ, связанныхъ съ понятіемъ о государствѣ. И это соціальное государствовѣдѣніе помимо соціологіи находитъ существенную опору въ другихъ наукахъ, о которыхъ рѣчь будетъ ниже, и прежде всего въ философіи.

Но здѣсь выясняется и другая ошибка воззрѣнія Зейделя-Борнгака, которая состоитъ въ томъ, что оно напираетъ почти исключительно на правовую сторону нашей науки. Слѣдствіемъ этого является отрицаніе имъ дисциплины общаго государственнаго права. Здѣсь мы должны задать себѣ вопросъ, что значитъ общее государственное право, для того, чтобы правильно оцѣнить положеніе тѣхъ писателей, которые отождествляютъ общее ученіе о государствѣ съ сравнительнымъ, по мнѣнію которыхъ, слѣдовательно, предметъ общаго ученія о государствѣ составляетъ охарактеризованное выше отвлеченное государство.

Государственное право это ученіе о строѣ государства, о полномочіяхъ его руководителей и о государственной дѣятельности въ самомъ широкомъ смыслѣ. Всякое развитое государство, по крайней мѣрѣ современное, имѣетъ свое положительное государственное право. Многія основныя положенія позитивнаго государственнаго права общи для различныхъ государствъ одинаковой культуры. Существуетъ слѣдовательно *общее* содержаніе государственныхъ правъ. Такимъ образомъ возникла отрасль знанія, излагающая основы права, достигшія осуществленія въ отдѣльныхъ государствахъ. Эта дисциплина называется *общимъ государственнымъ правомъ* (конституція, королевская власть, парламентъ, чиновничество). По мнѣнію разсмотрѣнной здѣсь теоріи Зейделя, Линга и Розина общее *государствовѣдѣніе* имѣетъ ту же задачу, что и только-что охарактеризованное общее государственное *право*. Ибо эти писатели хотятъ изъ учрежденій и организацій различныхъ государствъ вывести то общее, что свойственно всѣмъ этимъ различнымъ образованіямъ. Такимъ образомъ, если придерживаться этой второй теоріи, то нужно отбросить или общее государствовѣдѣніе или общее государственное право. Борнгакъ вполнѣ послѣдовательно утверждаетъ, что общаго государственнаго права вообще не существуетъ. Ибо правомъ можетъ быть только то, что призвано непосредственно регулировать житейскія отношенія человѣка. Но это не имѣетъ мѣста относительно общаго государственнаго права.

Такое разсужденіе, однако, совершенно неправильно. Всякая дисциплина можетъ называться правомъ, разъ только отдѣльныя положенія ея когда-либо и гдѣ-либо въ государствѣ имѣли юридическое значеніе. Нельзя отказывать данной наукѣ въ названіи общаго государственнаго *права* потому, что соотвѣтствующее положеніе права не примѣняется *непосредственно* на практикѣ. Ибо всякое положеніе права по логической необходимости имѣетъ косвенное значеніе, именно по отношенію къ тому государству, изъ права котораго оно абстрагировано. Итакъ, мы остаемся при томъ мнѣніи, что существуетъ какъ общее государствовѣдѣніе, такъ и общее государственное право.

Представителями третьяго воззрѣнія относительно общаго государствовѣдѣнія является *Блюнчли*. По его мнѣнію, общее государствовѣдѣніе содержитъ въ себѣ всѣ элементы, общіе всѣмъ отдѣльнымъ частнымъ государственнымъ наукамъ; оно трактуетъ о тѣхъ вопросахъ, которые входятъ въ прежнюю государственную философію, политику, государственное, административное, національное право и т. д. Но со времени Блюнчли сущность государственныхъ наукъ значительно измѣнилась, предѣлы ихъ расширились и онѣ сдѣлались болѣе содержательны. Они вошли въ кругъ общественныхъ наукъ вообще. Поэтому ученіе Блюнчли болѣе недостаточно для объясненія многихъ сторонъ государственной жизни. Если взять всю совокупность идей, общихъ всѣмъ нынѣшнимъ государственнымъ наукамъ, то получилось бы несомнѣнно нѣчто, совершенно отличное отъ того, что подразумѣвалъ нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ Блюнчли. Но впрочемъ, даже если бы этого и не произошло, то и тогда мы не были бы въ состояніи

объяснить всѣ существенныя стороны государственной жизни, что собственно и составляло задачу общаго государствовѣдѣнія. Ибо то, что намъ удалось бы добыть этимъ путемъ, далеко недостаточно для пониманія болѣе глубокихъ основъ нашей науки. Если мы возьмемъ даже всѣ государственныя науки въ ихъ совокупности, то и послѣднія не будутъ вполнѣ въ состояніи разрѣшить проблемы государства. Для этого недостаточно, слѣдовательно, даже всѣхъ государственныхъ наукъ, а не то, что ихъ общихъ основъ. Намъ приходится считаться и кой-съ-чѣмъ другимъ, напр. съ психологіей и съ общественными науками.

Другія теоріи государственнаго права, напр., теорія Рема, утверждаютъ, что общее государствовѣдѣніе—это ученіе о государствѣ вообще, о государствѣ въ цѣломъ, а не объ отдѣльныхъ его частяхъ. Такой взглядъ, однако, слишкомъ узокъ. Въ общемъ государствовѣдѣніи приходится касаться также вопросовъ, которые не характеризуютъ государство, какъ извѣстную единицу, какъ цѣлое. Должно имѣть мѣсто также частное изслѣдованіе его органовъ, спеціальныхъ отраслей государственной дѣятельности. Само собой разумѣется, конечно, что при этомъ изслѣдованіи всегда нужно руководиться идеей государства, какъ единаго цѣлаго, все слѣдуетъ разсматривать съ точки зрѣнія государства, какъ такового, каждую деталь слѣдуетъ анализировать, имѣя въ виду цѣлое. *Въ чемъ же заключается вѣрное понятіе общаго государствовѣдѣнія?* Къ отвѣту на этотъ вопросъ намъ придется подойти окольнымъ путемъ. Всѣ тѣ науки, которыя трактуютъ объ явленіяхъ человѣческаго общежитія и которыя изслѣдуютъ послѣднее, т. е. соціальную жизнь, во всѣхъ направленіяхъ, называются *общественными или соціальными науками.* Къ нимъ принадлежатъ между прочимъ и государственныя науки. Ибо государство и общество не противоположны другъ другу: государство лишь *одна* изъ формъ общественности. Существуютъ общественныя формы меньшихъ размѣровъ, чѣмъ государство. Таковы корпораціи, союзы и пр. Но существуютъ также и общественныя организаціи, выходящія изъ предѣловъ государства, таковы международные союзы, наприм., для защиты интересовъ труда, авторскаго права и тому под. Поэтому государственныя науки, трактующія о государствѣ, представляютъ собою часть соціальныхъ наукъ. Государственными науками слѣдуетъ называть тѣ дисциплины, которыя занимаются изслѣдованіемъ государства и включенныхъ въ него союзовъ. Одну изъ государственныхъ наукъ составляетъ государствовѣдѣніе, которое въ свою очередь распадается на частное и общее. *Частное* государствовѣдѣніе занимается сравненіемъ отдѣльныхъ институтовъ государства вообще или съ какой-либо группой государствъ въ извѣстную эпоху. Частное государствовѣдѣніе стремится такимъ образомъ установить *типы* этихъ институтовъ. *Общее* государствовѣдѣніе имѣетъ задачей, напротивъ, установить *фундаментъ* всего государствовѣнія. Оно является, слѣдовательно, необходимой предпосылкой для частнаго государствовѣдѣнія, а также основой для общаго государственнаго права и всѣхъ остальныхъ дисциплинъ государственныхъ наукъ. Общее государствовѣдѣніе подвергаетъ научному анализу явленіе государства вообще, а также всѣ его существенныя жизненныя отправленія. «Конечные результаты добываются не изъ отдѣльныхъ явленій, а изъ всѣхъ историческихъ и соціальныхъ явленій государства вообще». Предметомъ изслѣдованія является, слѣдовательно, не отдѣльное государство, не опредѣленное, конкретное государственное существо, а государство въ его историческомъ развитіи; оно составляетъ объектъ изслѣдованія не только въ отношеніи своихъ правовыхъ, но также и соціальныхъ явленій.

Но, чтобы вполнѣ выяснить себѣ всѣ характерныя черты общаго

государствовѣдѣнія, мы должны отграничить его отъ большинства другихъ государственныхъ наукъ. Къ послѣднимъ относится 1) политическая исторія. Она трактуетъ о государственныхъ процессахъ съ точки зрѣнія государственнаго искусства, военныхъ событій, дипломатическихъ сношеній, при чемъ касается также и экономическихъ отношеній и культурнаго процесса. Отдѣльныя части политической исторіи мѣняются, смотря по направленіямъ, господствующимъ въ исторической наукѣ. (Ср. Bernheim «Lehrbuch der geschichtlichen Methoden», 3-е и 4-е изд. [1903]; его-же «Einleitung in die Geschichtswissenschaft», 1905). Къ государственнымъ наукамъ относится 2) соціальная исторія. Она занимается общественными процессами не *только* государства, но *между прочимъ также и* государства. Задачу обѣихъ наукъ составляетъ главнымъ образомъ описаніе, отыскиваніе фактовъ, передача свѣдѣній. Обѣ онѣ обнимаютъ государственныя и общественныя отношенія во всѣхъ направленіяхъ. Отличіе ихъ отъ общаго государствовѣдѣнія состоитъ въ слѣдующемъ: а) ихъ задачей являются еще иныя и болѣе далекія цѣли, чѣмъ изолированное государство въ его особыхъ проявленіяхъ. Изучая отдѣльныя группы государствъ и отношенія многихъ государствъ другъ къ другу, дѣлая предметомъ своего изслѣдованія политическія комбинаціи цѣлаго міра, занимаясь анализомъ религіозныхъ движеній, исторіей международныхъ сношеній или, напр., эпохи великихъ открытій – политическая и соціальная исторія выходятъ далеко изъ рамокъ отдѣльнаго государства. Онѣ занимаются, слѣдовательно, также государствомъ и государственными дѣлами, но не государствомъ, какъ таковымъ. в) По самому существу своему, политическая и соціальная исторія не могутъ обращать особаго и преимущественнаго вниманія на соціальныя отношенія именно государства. Они не даютъ большого преимущества государству, какъ таковому, сравнительно съ другими объектами историческаго изображенія. с) Это вовсе не дѣло соціальной исторіи и лишь въ ограниченномъ смыслѣ задача политической исторіи изслѣдовать государство въ его правовыхъ, юридическихъ основахъ и въ его государственноправовыхъ функціяхъ. Совершенно иначе относится къ этимъ тремъ пунктамъ общее государствовѣдѣніе. Его задачу составляетъ *исключительно* изображеніе и объясненіе фактовъ, относящихся къ государству. Оно занимается только имъ однимъ и не касается иныхъ соціальныхъ образованій. Отсюда слѣдуетъ далѣе, что общее государствовѣдѣніе хотя и занимается только государствомъ, тѣмъ не менѣе касается также и всего того, что относится къ государству и имѣетъ для него важное значеніе. Его интересуютъ соціальныя отношенія государства и только они; вмѣстѣ съ тѣмъ общее государствовѣдѣніе выдвигаетъ особенно правовый элементъ государственныхъ явленій. 3) Огромная область политической экономіи распадается на четыре части: а) *наука о народномъ хозяйствѣ*; она стремится установить причины и слѣдствія въ явленіяхъ хозяйственной жизни даннаго народа, постичь ихъ въ цѣломъ и въ ихъ внутренней связи, поскольку дѣло идетъ о матеріальныхъ потребностяхъ (Конрадъ). в) Частью политической экономіи является *экономическая политика*, которая трактуетъ съ политической точки зрѣнія о фактахъ установленныхъ наукой о народномъ хозяйствѣ. с) *Финансовая наука* находится въ связи съ финансовой политикой и занимается организаціей государственнаго финансоваго хозяйства и теоріей налоговъ. д) *Статистика* констатируетъ посредствомъ цифровыхъ систематическихъ массовыхъ наблюденій соціальныя и экономическія явленія въ государствѣ, а также путемъ установленія опредѣленныхъ группъ и сравненія ихъ между собою стремится узнать причины и слѣдствія этихъ явленій. Статистика въ свою очередь подраздѣляется на три части, статистику населенія, статистику

хозяйственной и статистику духовной культуры. Здѣсь мы не касаемся вопроса, насколько политическая экономія облегчаетъ задачу политики и общаго государствовѣдѣнія. Что касается статистики, то ея выводы, при осторожномъ отношеніи къ нимъ, могутъ давать твердыя основы для политическихъ мѣропріятій. Эти четыре части политической экономіи, именно общее ученіе о народномъ хозяйствѣ, экономическая политика, финансовая наука и статистика, упомянуты здѣсь только, какъ отдѣльныя дисциплины государственныхъ наукъ съ цѣлью отграничить ихъ отъ общаго государствовѣдѣнія. Такое отграниченіе происходитъ по двумъ направленіямъ: а) изслѣдованія политической экономіи, какой бы идейный характеръ они не носили, въ концѣ концовъ несомнѣнно содѣйствуютъ господству надъ фактическими внѣшними отношеніями въ государствѣ, напротивъ, общее государствовѣдѣніе представляетъ теоретическую науку въ тѣсномъ смыслѣ. Это, правда, не исключаетъ возможности господства его надъ практикой жизни, но послѣднее представляетъ собою уже дальнѣйшее слѣдствіе его выводовъ, а не первоначальное основное его назначеніе. Это первое фундаментальное отличіе. в) Кромѣ того, политическая экономія всегда, а статистика большей частью, охватываютъ экономическія стороны государственной жизни. Общее же государствовѣдѣніе обнимаетъ не только послѣднія, но всѣ вообще государственныя явленія, поскольку онѣ относятся къ сущности жизненныхъ функцій государства. Его задача, слѣдовательно, шире, чѣмъ простое объясненіе экономическихъ явленій. 4) Какъ къ государственнымъ наукамъ, такъ и къ юридическимъ, относится государственное въ тѣсномъ смыслѣ или конституціонное право, административное и международное право. Государственнымъ правомъ въ тѣсномъ смыслѣ или конституціоннымъ правомъ называется наука, излагающая право государственной организаціи и устойчивый государственный строй, покоящійся на общественно-правовомъ расчлененіи (національнаго организма). Напротивъ, административное право занимается функціями государства и показываетъ движеніе и порядокъ его дѣятельности при осуществленіи государственныхъ задачъ и цѣлей. Конституціонное и административное право вмѣстѣ называются также государственнымъ правомъ въ широкомъ смыслѣ. Наконецъ, международное право представляетъ собою совокупность правовыхъ нормъ, которыми опредѣляются права и обязанности государствъ, входящихъ въ извѣстную международную группу. Всѣ три дисциплины отличаются отъ общаго государствовѣдѣнія въ двухъ пунктахъ: а) въ томъ, что эти науки устанавливаютъ нормы, т. е. создаютъ правила человѣческаго поведенія въ отношеніи учрежденій государства или группъ государствъ. Ихъ путь, поэтому — путь *нормативнаго опредѣленія понятій*. Напротивъ, общее государствовѣдѣніе стремится установить и объяснить причинную связь явленій. Его путь, поэтому,—путь *познанія причинности* (Еллинекъ). Другими словами, государственное и административное право содержитъ нормы для отношеній государственной власти къ ея подданнымъ-гражданамъ, международное право содержитъ нормы для сношеній самостоятельныхъ государствъ между собою. Общее государствовѣдѣніе не содержитъ никакихъ юридическихъ правилъ, оно предъявляетъ только фактическіе моменты государственной жизни и спрашиваетъ объ ихъ причинахъ.

в) Второе отличіе заключается въ томъ, что государственное, административное и международное право постоянно касаются конкретныхъ государственныхъ образованій. Онѣ содержатъ въ себѣ положительное право, которое должно быть осуществлено и примѣнено. Напротивъ, общее государствовѣдѣніе, какъ познавательная наука, не обладаетъ непосредственной силой принудительно вліять на отношенія государственнаго общежитія.

Только теперь мы можемъ дать опредѣленіе общаго государствовѣдѣнія. *Это направленная къ познанію причинности теоретическая государственная наука, задачу которой составляетъ установить всю основу государственныхъ наукъ и изучить явленія государства во всѣхъ его существенныхъ направленіяхъ.*

Каково же отношеніе общаго государствовѣдѣнія къ политикѣ? Я буду слѣдовать здѣсь изслѣдованіямъ Еллинека. Общее государствовѣдѣніе стремится къ теоретическому познанію государственной жизни, къ изслѣдованію ея основного значенія, ея сущности, ея жизненныхъ функцій, оно довольствуется познаніемъ болѣе глубокой зависимости другъ отъ друга составныхъ частей и учрежденій государства. Политика идетъ дальше. Она уже возводитъ постройки изъ того матеріала, который создаетъ общее государствовѣдѣніе. Политика стремится вывести практическія слѣдствія, вытекающія изъ теоретическихъ знаній, утвержденій и объясненій общаго государствовѣдѣнія. Послѣднее изображаетъ данное, существующее, государственную жизнь въ состояніи покоя. Напротивъ, предметъ политики составляетъ государство въ движеніи, государство, какъ феноменъ, выясняющійся въ вѣчномъ потокѣ явленій. Общее государствовѣдѣніе старается найти точку покоя въ смѣнѣ явленій, политика по самому существу своему не можетъ дѣлать этого. Она направлена на будущее. Общее государствовѣдѣніе познаетъ явленія, политика оцѣниваетъ ихъ, критикуетъ ихъ. Общее государствовѣдѣніе спрашиваетъ, какъ все произошло?, политика же, какъ должно быть? Политика есть такимъ образомъ ученіе о томъ, что *должно* быть. Государствовѣдѣніе познаетъ сущность государственныхъ явленій. Оно даетъ факты познанія. Политика же критикуетъ, даетъ рѣшенія, оцѣнку. За всякой критикой, за всякимъ вопросомъ: «какъ должно быть?», находится опредѣленный масштабъ. Оцѣнивать можно только по отношенію къ опредѣленной цѣли. Если я желаю придать опредѣленную форму извѣстному государственному учрежденію, то, очевидно, я имѣю въ виду при этомъ какую-либо цѣль. Такимъ образомъ, политика разсматриваетъ государственныя явленія съ телеологическихъ точекъ зрѣнія. Недостаточно еще, что политика критикуетъ, анализируетъ, признаетъ или отбрасываетъ, при всемъ этомъ должна быть еще опредѣленная цѣль. Общее государствовѣдѣніе, напротивъ, представляетъ собою не телеологическую науку, а каузальную. Оно ищетъ причины, излагаетъ ихъ главнѣйшія черты, описываетъ и объясняетъ ихъ. Оно разсматриваетъ покойные, болѣе или менѣе твердые элементы общественной жизни. Его взоръ направленъ на прошлое. Политика, напротивъ, обращена къ будущему, она руководствуется цѣлями, стремится направить грядущую жизнь.

Несмотря на все это, въ дѣйствительности очень трудно отдѣлить другъ отъ друга общее государствовѣдѣніе и политику. У нихъ много общаго. Политика выводитъ слѣдствія изъ тѣхъ фактическихъ данныхъ, которыя вытекаютъ изъ изученія *сущности* государственныхъ явленій. Слѣдовательно, политика не можетъ существовать безъ основы общаго государствѣдѣнія. Послѣднее даетъ политикѣ основаніе для ея критическихъ операцій. Что критиковала бы политика, о чемъ она выносила бы свои рѣшенія, чтобы она измѣряла бы примѣнительно къ извѣстной цѣли, если бы общее государствовѣдѣніе не давало для этого матеріала?

Поэтому и въ дальнѣйшемъ предметы изслѣдованія обѣихъ наукъ въ значительной части, хотя далеко не вполнѣ, одни и тѣ же. Точки зрѣнія у нихъ, конечно, различны, но и только. *То, что есть*, о чемъ говоритъ общее государствовѣдѣніе, и *то, что должно быть*, о чемъ говоритъ политика, въ дѣйствительности очень трудно отдѣлить другъ отъ

друга. При изслѣдованіи какой-либо проблемы, напр., проблемы монархіи, демократіи, образованія партій, необходимо, конечно, объективно установить ихъ историческія и юридическія основы, а также указать ихъ соціальные элементы, но при этомъ совершенно немыслимо обойти также и слѣдующіе вопросы: Для чего все это? Какія задачи преслѣдуются монархіей, демократіей, партіями? Мы видимъ, такимъ образомъ, что при такомъ изслѣдованіи никакъ нельзя не принимать въ соображеніе стремленій и цѣлей. Слѣдовательно, рука объ руку съ теоретическимъ разсмотрѣніемъ идетъ—хотя, конечно, не всегда—телеологическое разсмотрѣніе. То, что есть, и то, что должно быть, суть совершенно различныя понятія. Но при научномъ обсужденіи они зачастую совпадаютъ. Это такъ и должно быть, ибо въ области государственныхъ наукъ мы всего менѣе можемъ ограничивать благороднѣйшее право умственной работы опредѣлять цѣнность и значеніе всего существующаго и занимать по отношенію къ нему опредѣленное критическое положеніе.

Этимъ однако еще не исчерпываются точка соприкосновенія обѣихъ наукъ. Хотя политика обращена къ будущему, общее государствовѣдѣніе къ прошлому, тѣмъ не менѣе существуетъ также политическій анализъ прошлаго; политическая и прагматическая исторія не что иное, какъ такое историческое изслѣдованіе, произведенное съ точки зрѣнія опредѣленныхъ стремленій, опредѣленныхъ цѣлей. Правда, такой политическій анализъ прошлаго дѣлается лишь для того, чтобы вывести изъ него извѣстныя полезныя указанія для настоящаго. Съ другой стороны, общее государствовѣдѣніе своимъ прагматическимъ изображеніемъ прошлаго и существующаго подготовляетъ почву для имѣющей опредѣленную цѣль дѣятельности политики. Наконецъ нужно указать еще одну общую черту. Общее государствовѣдѣніе дастъ понятія, факты познанія, но жизнь не довольствуется этими абстракціями: она доходитъ до нашего сознанія только путемъ политическаго анализа. Поэтому, «взглядъ на политически возможное вноситъ полезную поправку также и въ теоретическое изслѣдованіе». Политическая точка зрѣнія необходима и для общаго государствовѣдѣнія. Послѣднее всегда должно имѣть въ виду, можетъ ли то, что оно устанавливаетъ, объясняетъ и анализируетъ, имѣть также политическое значеніе, можетъ ли оно пустить корни въ дѣйствительности. Безъ этого абстрактныя представленія превращаются зачастую въ лишенныя всякой почвы настроенія.

Строго говоря, къ общему государствовѣдѣнію относятся только два ряда вопросовъ: исторія государственнаго типа и исторія государственныхъ теорій. Во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ предметы изслѣдованія обѣихъ наукъ вполнѣ совпадаютъ. Я не сомнѣваюсь, что въ непродолжительномъ времени исчезнетъ также и это различіе, и общее государствовѣдѣніе будетъ означать то же, что и «политика». Тогда будетъ только *одна* наука—политическая; но ей придется считаться съ особенностями современнаго государствовѣдѣнія, какъ въ отношеніи метода, такъ и относительно отмежеванія области изслѣдованія.

II.

Отношеніе политики къ *философіи* обнаруживается прежде всего въ происхожденіи; государственная философія это первая форма современнаго государствовѣдѣнія. Отклоненіе апріористическихъ построеній въ политической наукѣ означаетъ, что и нынѣ философская работа мысли еще имѣетъ значеніе для нея. Правда, для познавательной дѣятельности человѣка примѣнимы въ качествѣ основъ изслѣдованія только реальныя государственныя явленія, данныя учрежденія юридическаго и соціальнаго харак-

тера. Элементы *логическаго* и *гносеологическаго* изслѣдованія должны существовать въ фактахъ и функціяхъ государственной жизни. Поскольку, далѣе, философія является *ученіемъ о мировоззрѣніи*, постольку она не можетъ не отражать въ себѣ столь важной части дѣйствительности, какъ государство съ его разнообразными пестрыми жизнеотправленіями. *Психологія* также вноситъ свою долю въ разрѣшеніе проблемъ государствъ; *этика* разсматриваетъ въ особенности обязанности и предѣлы государственной власти. Большинство этическихъ системъ, напр., системы Вундта, Геффдинга, Паульсена, трактуютъ также о происхожденіи и сущности государства, о государственныхъ конституціяхъ и формахъ, объ объемѣ и границахъ государственной дѣятельности, о государствѣ, какъ правовомъ организмѣ и общественной единицѣ, о проблемѣ «права и морали», объ этическомъ значеніи государства и т. д. Одно изъ упомянутыхъ уже направленій государственныхъ наукъ, соціологія, признается современной государственной философіей, или соціальной философіей. Намъ остается разсмотрѣть здѣсь только связь между философіей и политикой.

Со времени *Конта* предметомъ соціологіи является соціальный элементъ, общественное явленіе, какъ таковые, оба какъ результатъ человѣческаго общежитія. Матеріаломъ для нея служатъ, поэтому, слѣдующія соціальныя образованія: языкъ, религія, мифы, обычаи и право, съ одной стороны, и все необозримое разнообразіе соціальныхъ союзовъ съ другой. Соціологія устанавливаетъ извѣстные факты, объясняетъ ихъ, стремится раскрыть ихъ дѣйствительныя причины и силы и формулировать законы. Достигаетъ ли она успѣха, это большой вопросъ. Примѣненіе біолого-естественно-научнаго и психологическаго метода оказывается, повидимому, мало плодотворнымъ. Естественныя науки подчиняются закону причинности; этого нѣтъ въ государственныхъ элементахъ и явленіяхъ. Естественныя науки имѣютъ дѣло съ количествами и качествами, событія общественной жизни, напротивъ, большей частью психологическаго рода. Далѣе, естествознаніе ищетъ и находитъ типическія правила. Однородность явленій при этомъ очевидна: индивидуальное не имѣетъ никакого значенія для закона природы. Совершенно иное въ области общественной жизни и политики. И здѣсь конечно, нельзя отрицать значенія массовыхъ движеній, какъ таковыхъ, и здѣсь, повтореніе извѣстныхъ явленій государственной жизни въ различныхъ формахъ имѣетъ въ себѣ нѣчто типическое, но все-таки большею частью сходна только внѣшняя форма, матеріальное же содержаніе обусловливается индивидуальными моментами. Политическая наука не можетъ, поэтому, перестать изслѣдовать индивидуальныя явленія сами по себѣ, и только въ рѣдкихъ случаяхъ ей удается подвести ихъ подъ типическіе законы. Далѣе, политика, какъ наука, выноситъ сужденія и анализируетъ явленія съ точки зрѣнія цѣлесообразности. Наоборотъ, естественно-научное изслѣдованіе совершенно не принимаетъ въ разсчетъ цѣлей даннаго явленія природы. Естественныя науки—науки исключительно каузальныя. Поэтому въ то время, какъ послѣднія должны констатировать строгое господство законовъ природы, политика свободно ставитъ себѣ цѣли.—Съ большой осторожностью слѣдуютъ примѣнять въ соціологіи также и психологическій методъ и при его помощи формулировать законы государственной жизни. Каузальность можетъ быть установлена въ психической жизни индивидуума,—хотя и это находится подъ большимъ сомнѣніемъ,—но ни въ коемъ случаѣ не въ жизни группы, общества, случайнаго скопленія людей. Понятіе массовой психологіи, народной души, имѣетъ значеніе лишь, какъ метафора, въ дѣйствительности же ему не соотвѣтствуетъ никакое конкретное явленіе. Существуютъ только дѣйствія, которыя мы пытаемся объяснить при помощи этой метафоры.

ЧАСТЬ II.

Государственный строй.

Глава первая.

Понятіе и сущность, естественныя и нравственныя основы, а также проблемы бытія государства.

I.

Понятіе и сущность государства.

На вопросъ о томъ, что такое собственно государство, даются различные отвѣты. Одни разсматриваютъ государство, какъ данный фактъ, съ которымъ приходится считаться (таковы Зейдель, Борнгакъ), другіе видятъ въ немъ часть естественнаго процесса, «по ту сторону добра и зла»; не мало мыслителей считаютъ его просто фактами несправедливаго господства. Антонъ Менгеръ (въ своемъ «Новомъ ученіи о государствѣ» и въ «Народной политикѣ») доказываетъ, что государство есть организація власти, въ которой господствующіе и имущіе являются повелителями, подчиненные и неимущіе—подданными. Новѣйшіе французскіе ученые, Дюгюи, Жезъ, Оріу, также считаютъ государство человѣческимъ групповымъ образованіемъ на ограниченномъ пространствѣ, въ которомъ болѣе сильные проявляютъ свою власть надъ болѣе слабыми. Къ этому взгляду близка соціологическая идея государства. Она разсматриваетъ государство, какъ совокупность властвующихъ и подчиненныхъ соціальныхъ группъ, взаимная борьба которыхъ способствуетъ прежде всего сохраненію государства, а затѣмъ такому его развитію, которое приводитъ въ согласіе условія существованія отдѣльныхъ группъ съ условіями существованія цѣлаго. Въ этой теоріи неоднократно выступаетъ противорѣчіе историческихъ воззрѣній, которыя обусловливаютъ явленія ежедневной жизни либо массовыми движеніями, либо индивидуальными силами.

Все это, однако, ничего не объясняетъ, ничего не доказываетъ, а даетъ лишь односторонніе утвержденія. Нельзя выяснить значенія звѣзднаго неба и закономѣрности движенія всѣхъ небесныхъ тѣлъ словами: они *существуютъ*. Столь же мало мы подойдемъ и къ сущности государства, если будемъ обозначать его лишь какъ фактическое явленіе, или станемъ принимать во вниманіе только (несомнѣнно *также* существенную) борьбу между общественными группами, которая ведетъ къ возникновенію управителей и управляемыхъ. Почему это во всѣ времена маленькой группѣ людей принадлежала власть надъ значительно превосходящей ее по численности и физической силѣ массой? Не имѣемъ ли мы здѣсь дѣло съ психологической проблемой вліянія и силой внушенія, которое существуетъ между управителями и управляемыми, проблемой, разрѣшеніе которой нельзя, конечно, найти только въ разумности, внутренней необходимости и исторически неизбѣжной правильности приказовъ власти.

Сущность государства, въ качествѣ однороднаго для всякаго мысленнаго воспріятія явленія, не можетъ быть познана, если мы остановимъ свое вниманіе исключительно на борьбѣ соціальныхъ факторовъ и на отдѣльныхъ моментахъ государственной жизни. Какъ повелитель и подданные образуютъ одно обособленное цѣлое и какимъ образомъ можетъ оно имѣть продолжительное существованіе?

Латинское слово status значитъ состояніе. На основаніи этого значенія многіе означаютъ государство (staat), какъ *состояніе*. Въ особенности естественное право объясняло положеніе отдѣльной личности, какъ гражданское состояніе, status civilis, въ противоположность status naturalis. Такъ какъ каждый индивидуумъ находится въ такомъ состояніи, то и само государство становится такимъ состояніемъ, и именно, состояніемъ властвованія; такъ учитъ не кто иной, какъ Кантъ. Оттѣнкомъ этого взгляда является воззрѣніе на государство, какъ на *отношеніе* господства. Но такое состояніе, такое отношеніе господства должно имѣть болѣе глубокую основу, которую и слѣдуетъ найти, разъ мы не желаемъ наивнымъ образомъ видѣть ее въ грубой силѣ, которая фактически, впрочемъ, находится на сторонѣ управляемыхъ; видимое отношеніе господства есть лишь симптомъ, важнѣйшая, но не исключительная форма государственной жизни, не сама эта жизнь. Государство не есть также воображаемая личность (persona ficta). Существуетъ не только индивидуальная воля, но также реальная общая воля, которая, однако, можетъ выразиться только, какъ соединеніе волевыхъ энергій руководителей государства и ихъ помощниковъ, т. е. тѣхъ индивидуумовъ, которыхъ основная организація общества предназначила для этого выраженія воли. Но для такого пониманія *дѣйствительной* государственной личности вовсе не нужно такъ называемой *органической теоріи*. Форма возникновенія общей воли представляетъ собою психологическое явленіе. Государство неправильно лишь характеризуютъ, какъ «*органическое* единство въ многообразіи образующихъ его индивидуальныхъ воль». Приравниваніе государства организму не ново. Старая органическая теорія разсматривала государство, какъ увеличеннаго человѣка, какъ естественный организмъ. Средневѣковому міровоззрѣнію эта аналогія была особенно близка, такъ какъ и церковь разсматривалась, какъ тѣло Христово. Естественное право, напротивъ, считало государство искусственнымъ созданіемъ индивидуума: государство, по его мнѣнію, обязано своимъ существованіемъ рѣшенію народа, общественному договору. Послѣ паденія естественнаго права снова возникаетъ ученіе о государствѣ, какъ объ организмѣ. Созданная исторической школой права органологическая теорія нашла затѣмъ важную опору въ ученіи о волѣ народа, какъ источникѣ права. *Современная* органическая теорія конца XIX вѣка недовольствуется чисто матеріалистическимъ сравненіемъ человѣческаго и государственнаго организма. Она «сознаетъ и отбрасываетъ тотъ грубый безпорядокъ, который несомнѣнно вносили старинныя теоріи съ кривыми изображеніями и мистическими сравненіями между соціальными и физическими организмами» (Гуго Прейсъ). Она разсматриваетъ государство, скорѣе, какъ особаго рода организмъ, какъ психическій коллективный организмъ. Этого взгляда придерживаются Гирке, Шеффле, а также Вундтъ; послѣдній принимаетъ «результатъ творчества», т. е. возникшій изъ цѣлаго ряда элементовъ продуктъ, который представляетъ болѣе, чѣмъ сумму этихъ элементовъ, который есть новое образованіе. Это, по мнѣнію Прейса, и является какъ разъ характерной чертой всѣхъ органическихъ образованій: части такъ вліяютъ другъ на друга, что это вліяніе выражается, какъ творческій результатъ, какъ единство во многообразіи. Психико-соціальное взаимоотношеніе органическихъ частей является жизненнымъ принципомъ психико-соціальныхъ организмовъ.

Человѣческій умъ имѣетъ склонность округлять, сглаживать противорѣчія; органическая теорія идетъ наперекоръ этой склонности. Послѣ того, какъ естественныя науки, казалось, одержали побѣду въ XIX вѣкѣ, заманчиво было перенести ихъ методъ мышленія на государственныя науки. Что государство есть единое цѣлое, это было ясно уже и ранѣе; всего

легче было, конечно, провести аналогію между нимъ и физическими организмами. Такимъ образомъ понятіе организма раздѣлилось на два подчиненныхъ понятія: физическій и соціальный организмы. Но въ дѣйствительности сколько-нибудь конкретное и далекое отъ мистицизма представленіе о соціальномъ организмѣ возможно лишь по аналогіи съ идеей физическаго организма. Напрасно современные органологи воображаютъ, что, примѣняя для объясненія государства только соціальный организмъ, они отбросили сравненіе съ организмомъ физическимъ. Что такое этотъ соціальный организмъ, если не признавать въ немъ двойника физическаго организма?

Но какъ обстоитъ дѣло съ самимъ физическимъ организмомъ? Понятіе послѣдняго, въ отличіе отъ механизма, нигдѣ научно не установлено. Въ концѣ концовъ, вмѣстѣ съ Кантомъ слѣдуетъ понимать его, какъ телеологически связанную сумму, слѣдующихъ другъ за другомъ въ пространствѣ и во времени явленій и процессовъ. Однако, это связываніе въ единое цѣлое представляетъ собою продуктъ нашей психики, гипотезу. Такимъ образомъ, самъ «физическій организмъ» нуждается еще въ научномъ объясненіи; какимъ же образомъ хотятъ строить на понятіи соціальнаго организма, которое еще только нужно объяснить, все ученіе о государствѣ? Нельзя, конечно отрицать значенія органической теоріи государства для процесса научнаго пониманія. Теорія государственнаго организма имѣетъ извѣстную цѣнность, какъ противовѣсъ чисто механическому индивидуалистическому толкованію. Давно уже пора было провозгласить ту мысль, что государство возникаетъ и развивается не благодаря волѣ отдѣльныхъ личностей и произвольно, а вслѣдствіе объективныхъ, независимыхъ отъ индивидуальной воли естественныхъ процессовъ. Перенесеніе признаковъ естественныхъ организмовъ на государство было тѣмъ болѣе легко, что и на самомъ дѣлѣ существуетъ много аналогій. Но наряду съ этимъ есть и весьма вѣскія различія. Государства вовсе не всегда возникаютъ *органическимъ путемъ*, что отнюдь *не* противорѣчитъ правильному взгляду, который говоритъ, что государства возникаютъ благодаря объективной необходимости, а не благодаря *субъективной волѣ*. Зачастую рѣшающими моментами являлись дипломатическіе переговоры (какъ Вѣнскій конгрессъ 1815 г., Берлинскій конгрессъ 1878 г.), нашествія, узурпаціи, войны, колонизаціи и т. п. Но какъ разъ эти событія и показываютъ все безсиліе индивидуальной воли противъ естественнаго процесса. Такимъ образомъ, при возникновеніи государства сознательная психическая дѣятельность играетъ весьма незначительную роль; но все-таки *извѣстная доля* вліянія ей принадлежитъ, тогда какъ во всякомъ организмѣ такое вліяніе *абсолютно* исключается.

Въ послѣднее время *Зейдлеръ* опредѣлилъ государство, какъ стадію развитія соціальныхъ формъ человѣка, на которой осѣдлый народъ является субъектомъ господства, обладающимъ верховнымъ правомъ надъ личностью, территоріей и органами государства. Личное господство—это право опредѣлять личную принадлежность къ данному обществу, а также родъ и объемъ власти надъ гражданами. Территоріальное верховенство—это право самому назначать себѣ территорію и властвовать исключительно внутри послѣдней. Верховенство органовъ государства состоитъ въ томъ, что правоположенія относительно организаціи и функцій составляющихъ его органовъ не даются государству какой-либо высшей властью. Хотя это верховенство органовъ государства и не даетъ повидимому, отличительныхъ признаковъ между отдѣльнымъ государствомъ и союзомъ государствъ, въ который это государство входитъ въ качествѣ члена, а съ другой стороны не отличаетъ также и этого отдѣльнаго государства отъ входящихъ въ него коммуналь-

ныхъ союзовъ, но тѣмъ не менѣе въ общемъ опредѣленіи выдвинуты важнѣйшіе моменты. Правда, Зейдлера не безъ основанія называютъ «криптоорганикомъ».

Правильная точка зрѣнія (Гирке, Еллинекъ и др.) разсматриваетъ государство, какъ коллективное или союзное единство, обладающее юридической личностью. Въ этомъ понятіи заключается мысль, что государство есть субъективированное существо, что оно представляетъ собою единое цѣлое, несмотря на множественность членовъ. Множественность же есть сумма входящихъ въ организацію инвидуумовъ, народъ. Хотя понятіе «народъ» и заимствовано изъ реальности, но тѣмъ не менѣе оно все-таки только понятіе. Ибо отдѣльные индивидуумы мѣняются и умираютъ, народъ же какъ цѣлое, не умираетъ. Однако, только въ демократіяхъ можно утверждать, что государство—это народъ, ибо въ нихъ нѣтъ никого, кто не принадлежалъ бы къ народу. Подобный взглядъ мы находимъ уже въ античномъ толкованіи государства, а средневѣковое государствовѣдѣніе зачастую высказываетъ ту мысль, что государство обусловливается только волей народа. Современное, воспринятое, а не открытое Руссо, ученіе о суверенитетѣ народа также стоитъ на этой точкѣ зрѣнія. Въ монархіяхъ монархъ, какъ таковой, исключается изъ народа, такъ что государство заключается въ этомъ дуализмѣ, который, однако, благодаря союзной природѣ государства, снова развивается въ единство. Этимъ устраняется также исторически объяснимое воззрѣніе, которое разсматриваетъ государство, какъ объектъ господства, субъектомъ котораго является государь. Впервые это мнѣніе было выражено Гоббсомъ, который старался дать этимъ научное обоснованіе англійскому абсолютизму. Народъ посредствомъ договора создалъ государство и, для избѣжанія войны всѣхъ противъ всѣхъ, перенесъ свою власть на государя. Французскій абсолютизмъ нашелъ своего наиболѣе краснорѣчиваго выразителя въ Боссюэтѣ, придворномъ проповѣдникѣ Людовика XIV. Въ Германіи же, до первой половины XIX вѣка, въ томъ же направленіи господствовалъ авторитетъ Галлера. Но въ послѣднее время Зейдель, а послѣ него Борнгакъ, стремясь къ реалистическому воззрѣнію на жизнь государства, пренебрегая всѣми психическими моментами господства и обращая вниманіе только на чувственно воспріемлемые элементы государства,—страну, народъ и повелителей—также сдѣлали государя субъектомъ, страну и народъ—объектомъ государства. Однако, отождествляя властителя съ государствомъ, эта теорія не даетъ объясненія, какимъ образомъ государство продолжаетъ существовать по смерти государя. Замѣняя же отдѣльнаго властителя институтомъ власти, какъ субъектомъ, она теряетъ ту реалистическую основу, на которой она якобы покоится. Ибо разсматривать сумму смѣняющихъ другъ друга властителей, какъ *одного* властителя, значитъ создавать такую же фикцію, какъ и другія.

Государство есть обладающая независимой верховной властью союзная личность или корпорація осѣдлыхъ людей, населяющихъ замкнутую территорію. Оно независимо; этимъ оно отличается отъ всякаго рода другихъ корпорацій, входящихъ въ него, или же выходящихъ за его предѣлы и имѣющихъ международное значеніе. Государство включаетъ въ себя осѣдлыхъ людей; ибо территорія является признакомъ не только культуры, но и всякаго государства. Кочующіе народы не образуютъ государства. Государство имѣетъ твердую организацію. Это также заключается въ понятіи союзнаго единства.

Послѣ всего сказаннаго ясно выступаетъ множественность органовъ въ государствѣ, отношеніе индивидуумовъ къ цѣлому. Цѣли, которыя на продолжительное время ставитъ себѣ государство, мыслимы и достижимы только при условіи этихъ корпораціонныхъ соединеній. Этимъ же объясняется и послѣдо-

вательность государственной жизни, несмотря на смѣну поколѣній. Ибо длительное существованіе возможно только благодаря единству. Оно связываетъ вмѣстѣ управителей и управляемыхъ. Здѣсь идетъ не борьба всѣхъ противъ всѣхъ, а дѣятельность, направленная къ уравненію всѣхъ противорѣчій, хотя жестокая необходимость всегда ставитъ непреодолимыя препятствія на пути къ идеальному справедливому равенству. Дѣятельность государства заключается не въ эксплоатаціи низшихъ классовъ высшими, а наоборотъ, въ разграниченіи сферъ дѣятельности тѣхъ и другихъ такимъ образомъ, чтобы возникло динамическое равновѣсіе цѣлаго. Природа не создала людей равными, поэтому болѣе умный, болѣе одаренный въ физическомъ, экономическомъ или духовномъ отношеніи всегда будетъ имѣть преимущество передъ менѣе одареннымъ. Цѣлью человѣческихъ стремленій не должно быть измѣненіе природы, а достиженіе возможнаго въ данныхъ предѣлахъ. Фантазіи о соціалистическомъ государствѣ будущаго никогда не прекратятся; они основываются на внутреннихъ побужденіяхъ человѣка строить явленія, согласно своимъ желаніямъ и надеждамъ, не взирая на жестокую дѣйствительность. Если даже въ будущемъ государство превратится въ «народное рабочее государство», то и тогда оно будетъ не чѣмъ инымъ, какъ справедливо конструированной въ единство множественностью лицъ, населяющихъ извѣстную территорію. Значеніе понятія юридической субъективности входитъ въ область морально-исторической личности государства. Переоцѣнка понятія государства привела къ не вполнѣ оставленной еще и теперь идеи о всемогуществѣ государства, которое проявляетъ себя не только во внѣшнихъ отношеніяхъ, но даже проникаетъ и во внутреннія дѣла человѣка, въ религію, искусство и мораль. Пережитки такого пониманія государства время отъ времени вызываютъ вновь радикальныя, бьющія дальше цѣли, государственныя фантазіи. Но уже въ концѣ XVIII вѣка даже въ Германію съ Хр. Вольфомъ, Шиллеромъ и В. фонъ-Гумбольдтомъ проникаетъ государственный идеалъ субъективизма. Только въ XIX вѣкѣ возникаетъ, особенно благодаря Фихте, Шеллингу и Гегелю, сильное индивидуалистическое теченіе въ различныхъ областяхъ политической и соціальной жизни. Но скоро этому теченію наноситъ сильный ущербъ соціализмъ и такъ называемый историческій матеріализмъ, который сильно преувеличилъ значеніе безразличной массы и, вмѣстѣ съ нею, соціалистически настроенной демократіи. Въ потокѣ современнаго развитія носятся остатки идеи государственнаго всемогущества, односторонне-индивидуалистическія побужденія и смутно, неясно сознаваемыя соціалистическія представленія о государствѣ, которыя находятъ себѣ сильную поддержку въ психологіи массъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, новѣйшій соціализмъ обнаруживаетъ склонность снова установить государственное всемогущество, которое должно служить на пользу якобы равнымъ и равноправнымъ индивидуумамъ; этотъ выводъ отрицается, правда, установленными соціалистическими идеалами будущаго. Куда же мы стремимся, куда приведетъ насъ все это? Какъ разрѣшатся всѣ эти разногласія, и какія духовныя и экономическія, внутреннія и внѣшнія силы окажутъ рѣшающее вліяніе на міръ современныхъ государствъ? Въ наши задачи не входитъ быть пророкомъ; да такая роль была бы и неблагодарна, и безполезна. Мы хотѣли только осторожно провести тѣ линіи, которыя составляютъ контуръ разсмотрѣнной нами картины сущности современнаго государства.

II.

Естественныя и нравственныя основы образованія и существованія государствъ.

I. По болѣе старому и въ существенныхъ чертахъ своихъ правильному воззрѣнію, элементами государства являются земля (территорія), люди и высшая власть. Послѣдняя носитъ психологическій характеръ и представляетъ собою явленіе внутренняго, а не внѣшняго міра. Но земля и люди тоже относятся также къ области явленій природы. Поэтому они являются не только правовыми, но и естественными элементами государства. Остановимся на этомъ подробнѣе. Уже Макіавелли, Бодинусъ (Бодэнъ) и Монтескье ясно сознавали, какое огромное значеніе для государственной жизни имѣетъ *положеніе* страны. Бокль научно изслѣдовалъ вліяніе, оказываемое естественными условіями на страну, а Карлъ Риттеръ, Ратцель и Ахелисъ повели дальше его работу въ этой области. Рѣшающую роль играетъ величина государства и климатъ его; размѣры государства оказываютъ вліяніе на форму государства и на организацію чиновничества; умѣренный климатъ наиболѣе способствуетъ развитію государственной жизни. Большое значеніе имѣетъ внѣшнее устройство поверхности страны. Государственная жизнь какой-либо страны находится въ тѣсной зависимости отъ того, расположена-ли данная страна на островѣ, полуостровѣ или материкѣ. Врядъ-ли кто-нибудь будетъ отрицать тотъ фактъ, что географическое положеніе Англіи или Японіи оказало сильное вліяніе на своеобразное развитіе этихъ странъ. Для развитія страны имѣетъ далѣе большое значеніе животный и растительный міръ, свойства и плодородіе почвы, расчлененіе страны, горы, пустыни, лѣса, болота, каналы, потоки; на берегахъ рѣкъ возникли наиболѣе древнія государства. Вспомнимъ Нилъ, Тигръ, Ефратъ, Гангъ. Особыми преимуществами обладаютъ береговыя страны (Греція, Англія). Мы не должны забывать также какое огромное значеніе имѣетъ море и обусловленное имъ мореплаваніе, міровая торговля, международныя сношенія. Какъ показываютъ наблюденія, страны, лежащія внутри материка, развиваются медленно, но за то лучше всего приспособлены къ созданію большихъ комплексовъ государствъ. Вообще для развитія страны крайне цѣнно разнообразное устройство поверхности. Близость къ морю стала для многихъ государствъ вопросомъ жизни. Слишкомъ большое плодородіе почвы неблагопріятно отражается на развитіи государственной жизни, такъ какъ населеніе дѣлается лѣнивымъ и равнодушнымъ; съ другой стороны, неплодородныя страны, гдѣ населеніе съ трудомъ добываетъ себѣ пропитаніе, прогрессируютъ тоже очень медленно. Равномѣрность географическаго положенія дастъ возможность развитію централизованной государственной власти. Скалистая страна служитъ прекраснымъ убѣжищемъ оппозиціонныхъ элементовъ, особенно при образованіи государствъ; она даетъ имъ возможность вести долгую, упорную борьбу. Крѣпости расположенныя на берегу Рейна, краснорѣчиво говорятъ намъ о томъ сопротивленіи, которое оказывало дворянство правительству. Но какъ ни тѣсно соприкасаются эти вопросы съ политикой, они не являются областью спеціальнаго изслѣдованія ея; она скорѣе въ данномъ случаѣ заимствуетъ результаты у политической географіи. Пользуясь изслѣдованіями Ратцеля, установимъ въ краткихъ чертахъ предметъ этой науки. Каждое государство представляетъ собою не только часть человѣчества, но и отрѣзокъ почвы. Развитіе государства состоитъ отчасти въ развитіи свойствъ его почвы. Политика, которая ведется по отношенію къ данной территоріи, всѣмъ извѣстна въ мирное время и, особенно, во

время войны. Обладаніе землей и власть надъ ней взаимно обусловливаютъ другъ друга. Только тогда, когда земля пріобрѣтена во владѣніе, на ней можетъ начаться культурная работа. По завоеваніи какой-либо страны государствомъ сейчасъ же возникаетъ слѣдующій вопросъ: какъ распредѣлена земля между гражданами государства, между отдѣльными группами. Въ связи съ этимъ возникаетъ вопросъ, какое вліяніе оказываетъ распредѣленіе земли на расчлененіе населенія. Различныя формы колонизаціи представляютъ собою также проблемы политической географіи. Государственныя отношенія кочевыхъ и полукочевыхъ народовъ, пастуховъ и земледѣльцевъ, народовъ, живущихъ въ густо населенныхъ или малонаселенныхъ странахъ, рѣзко отличаются другъ отъ друга. Наконецъ, для національнаго государства имѣетъ большое значеніе также и то, въ какой степени земля распредѣлена между отдѣльными національностями, живущими внутри государства. Кромѣ этихъ проблемъ, касающихся взаимнаго отношенія между землей и государствомъ, стоятъ проблемы историческаго движенія и роста государствъ, особенно проблемы завоеванія и колонизаціи. Значительное вліяніе на ростъ государства оказываютъ географическія представленія (такъ напримѣръ, появившаяся со времени французской революціи идея о томъ, что естественной границей Франціи является Рейнъ), религіозныя и національныя идеи. Далѣе, большое значеніе имѣетъ какъ естественное, такъ и политическое положеніе государства, ведущее къ хозяйственной и политической группировкѣ населенія; оно же, подъ вліяніемъ сталкивающихся интересовъ, является причиной долголѣтней вражды. Дальнѣйшую проблему Ратцель называетъ проблемой пространства. Возможность существованія крупныхъ государствъ или, наоборотъ, мелкихъ государствъ, расположенныхъ на небольшомъ пространствѣ (мелкое государство, городъ-государство), получаетъ здѣсь своеобразное освѣщеніе. Сюда же относится и ученіе о границахъ, т. е. ученіе о сущности и развитіи политическихъ, условныхъ и естественныхъ морскихъ, рѣчныхъ и горныхъ границахъ, а также вопросъ о переходѣ отъ суши къ морю, вопросъ о побережьяхъ, полуостровахъ и перешейкахъ въ ихъ государственно-политическомъ значеніи. Сюда же относится вопросъ о важности острововъ и островныхъ колоній, далѣе связь между строеніемъ горъ и образованіемъ государства, между долиной и низменностью, лѣсомъ, степью и политическими формами. Къ этой же области относится вопросъ о положеніи государства вблизи моря, вопросъ о развитіи мореплаванія, о значеніи морского флота, объ измѣненіяхъ и исключительномъ преобладаніи этого послѣдняго фактора и о связанной съ этимъ торговой и колоніальной политикѣ. Сюда же относится и разсмотрѣніе соціально-политическаго значенія рѣкъ и озеръ и вообще гидрографическихъ условій.

Важнымъ вспомогательнымъ средствомъ политической науки является *народовѣдѣніе*. Оно пытается, какъ говоритъ Ахелисъ, установить исторію развитія человѣческаго рода на основаніи первыхъ зачатковъ культурной жизни; предметомъ его изслѣдованія являются, особенно, религія, миѳологія, право, нравственность, искусство и хозяйство. Понятіе «исторія развитія» охватываетъ не только всѣ матеріальные, но и духовные факторы. Подъ вліяніемъ этихъ факторовъ развились различныя ступени человѣческаго сознанія. Психическая работа человѣчества обнаруживается, какъ въ религіозныхъ, миѳологическихъ представленіяхъ и обрядахъ, такъ и въ слѣдствіяхъ, вытекающихъ изъ представленія и обычая, въ основахъ соціальныхъ и семейно-правовыхъ институтовъ; классическимъ примѣромъ послѣднихъ является кровная месть, родство и бракъ. Народовѣдѣніе изучаетъ далѣе начатки техники и искусства, богослуженія, танцевъ, музыки и пѣсни. Дѣлая эту массу отдѣльныхъ явленій предметомъ закономѣрнаго

изслѣдованія, народовѣдѣніе, какъ это утверждаютъ представители его, даетъ намъ ясное доказательство того, что въ духовной жизни народовъ имѣютъ мѣсто извѣстныя типическія явленія универсальныя примитивныя формы, которыя повторяются въ своихъ типичныхъ основныхъ чертахъ. Политика же необходима должна быть знакома съ этими типическими явленіями, поскольку они имѣютъ отношеніе къ государству и обществу.

II. Второй естественной основой государства является *человѣкъ*. Человѣкъ имѣетъ значеніе опять-таки съ физической, психической и нравственной стороны. Тутъ на первую очередь выдвигается образованіе, профессія, характеръ, стремленіе къ достиженію цѣли и т. д., а также вопросъ о принадлежности къ той или иной расѣ. Дѣло въ томъ, что извѣстныя расы способны къ государственной жизни, тогда какъ другія неспособны къ ней. Проблема о расахъ является одной изъ наиболѣе трудныхъ и въ то же время, какъ теперь же можно сказать, наиболѣе неблагодарныхъ проблемъ. Людвигъ Штейнъ попытался доказать, что раса можетъ служить принципомъ классификаціи человѣчества, но что на расовыхъ различіяхъ нельзя строить законовъ, какъ это утверждаютъ сторонники расовой теоріи. Правда, всѣ сужденія, основанныя на дѣленіи на расы, могутъ намъ разсказать о томъ, на какія расы дѣлится человѣчество, но они не смогутъ объяснить намъ, что должно быть, чего мы можемъ ожидать въ будущемъ. «Попытка разобраться въ исторіи съ такъ называемой расовой точки зрѣнія обоснована не съ большей логичностью, чѣмъ объясненія крыльевъ бабочки». При этомъ Штейнъ занимаетъ еще среднее мѣсто между двумя крайними лагерями: одну крайность составляютъ дилетанты, для которыхъ «раса» является всѣмъ, и которые, какъ сказалъ Еллинекъ, пользуются многочисленными антропологическими и этнологическими гипотезами для того, чтобы придать научный характеръ своимъ жалкимъ политическимъ и соціальнымъ потугамъ; а въ другую крайность ударяются пользующіеся міровой извѣстностью изслѣдователи, которые съ ироническ ой улыбкой объявляютъ, что раса представляетъ собою не что иное, какъ пустую фразу, фетишъ, игру понятіями. Къ ихъ мнѣнію присоединяется, между прочимъ, Ницше, который говоритъ слѣдующее: «предостереженіе: не имѣй дѣла съ человѣкомъ, имѣющимъ какое-либо отношеніе къ обманчивой, лживой расовой теоріи». А вотъ что говоритъ по вопросу о расѣ Рудольфъ фонъ Іерингъ: «если-бы колыбели народовъ были подмѣнены, то семиты превратились бы въ арійцевъ, а арійцы—въ семитовъ».

III. Такъ какъ государство можетъ существовать только тамъ, гдѣ имѣетъ мѣсто продолжительная совмѣстная жизнь отдѣльныхъ семействъ, живущихъ на одной территоріи и преслѣдующихъ одинаковыя культурныя цѣли, то важнѣйшей естественной основой государства является *семья*. Основу семьи составляетъ бракъ. По опредѣленію римскаго права, сохранившемуся до нашихъ дней, бракъ представляетъ собою соединеніе мужчины и женщины, совмѣстное сожительство на всю жизнь; на него смотрятъ, какъ на учрежденіе божественнаго и человѣческаго права. Это опредѣленіе понятія брака, претерпѣвшее въ теченіе времени лишь незначительное измѣненіе, по крайней мѣрѣ теоретически осталось въ силѣ для правовой жизни всѣхъ культурныхъ народовъ. Однако уже здѣсь ясно видно, что человѣкъ всегда ошибочно считалъ *свою* семейную организацію нормальной, человѣческой. Дѣло въ томъ, что новѣйшія изслѣдованія показали, что воззрѣніе, изъ котораго возникло вышеуказанное опредѣленіе, не правильно, такъ какъ оно обобщаетъ отличительные признаки брака, ставшіе рѣшающими для такъ называемаго вѣка цивилизаціи. Въ самомъ дѣлѣ, моногамія не представляетъ собою единственную и первоначальную форму брака, какъ это утверждаетъ традиціонное юридическое опредѣленіе:

брака. Религіозная и этическая потребность въ продолжительномъ и, въ извѣстномъ смыслѣ, обособленномъ сожительствѣ супруговъ представляютъ собою результатъ умственнаго и нравственнаго культурнаго развитія. Отсюда слѣдуетъ, что и послѣдняя часть опредѣленія понятія брака, восхваляющая бракъ, какъ человѣческое и божеское учрежденіе, не выдерживаетъ критики съ исторической точки зрѣнія и основана на незнакомствѣ съ фактами исторіи развитія.—Наука имѣетъ очень смутное понятіе *о первоначальныхъ формахъ* семьи. Это тѣмъ болѣе досадно, что господствующее до послѣдняго времени юридическое опредѣленіе брака надо признать крайне туманнымъ и расплывчатымъ, поскольку оно предъявляетъ притязаніе на всеобщее историческое признаніе. Изслѣдованія о первоначальной формѣ семьи не разсѣяли окончательно этого тумана. Очень многіе изслѣдователи считаютъ первой ступенью семейной жизни состояніе безпорядочнаго смѣшенія половъ, полнѣйшей распущенности въ половомъ отношеніи, тутъ, каждый мужчина является мужемъ каждой женщины. Если допустить «животное» происхожденіе человѣка (а это въ настоящее время должно было-бы признаваться всѣми), то мнѣніе, будто человѣкъ въ половомъ отношеніи долженъ былъ раньше стоять на низшей, животной ступени, пріобрѣтаетъ извѣстную степень *вѣроятности*; но не дальше. Вполнѣ правильно указывали на то, что ни у одного народа нельзя установить состоянія *полнѣйшей общности половъ*. Однако, не надо забывать, что въ данномъ случаѣ врядъ-ли можетъ быть рѣчь полномъ доказательствѣ той или иной гипотезы, такъ какъ мы имѣемъ тутъ дѣло съ фактами доисторической жизни человѣка. Для образованія научнаго убѣжденія здѣсь уже достаточно наличности болѣе или менѣе значительнаго числа признаковъ, говорящихъ за ту или иную первоначальную форму брака.

Послѣ болѣе или менѣе вѣроятнаго состоянія безпорядочнаго смѣшенія половъ, наступаетъ форма семейныхъ отношеній, при которой одинъ мужчина живетъ съ нѣсколькими женщинами (полигамія или многоженство) или одна женщина живетъ съ нѣсколькими мужчинами (поліандрія или многомужество). Послѣдняя форма брака встрѣчается обыкновенно у очень бѣдныхъ народовъ, первая—у богатыхъ или, по меньшей мѣрѣ, состоятельныхъ народовъ. Полигамію можно встрѣтить у всѣхъ восточныхъ народовъ. Въ Германіи полигамія господствовала еще во времена каролинговъ. Меровинги устраивали себѣ настоящіе гаремы. У Карла Великаго былъ цѣлый рядъ побочныхъ женъ, о чемъ онъ говоритъ, совершенно не стѣсняясь. Въ Великобританіи полигамія тоже господствовала въ это время. Во Франціи она продолжала существовать до XIII столѣтія. Въ Германіи послѣ тридцатилѣтней войны полигамія была даже официально разрѣшена.

Раздѣленіе брака на эндогамію и эксогамію часто подвергалось нападкамъ; но оно должно сохраниться въ силѣ. Эндогамія заключается въ томъ, что браки могутъ быть заключаемы только внутри одного племени и рода, или въ границахъ извѣстной территоріи. Эксогамія представляетъ собою явленіе, противоположное эндогаміи. Во всякомъ случаѣ, эндогамія способствовала сохраненію, облагораживанію и прогрессированію отдѣльныхъ расъ, тогда какъ эксогамія часто была причиной хозяйственнаго упадка и физическаго вырожденія. Мнѣ незачѣмъ распространяться здѣсь о томъ, какое огромное значеніе имѣетъ это для государства.

Морганъ и *Бахофенъ*, являющіеся компетентными изслѣдователями, склоняются къ тому мнѣнію, что въ періодъ полигаміи и поліандріи господствовало такъ называемое материнское право. Оно заключалось въ томъ, что родство считалось по материнской линіи. Это объясняется трудностью опредѣленія, кто отецъ дѣтей. Поэтому семью составляютъ мать, ея сестры и братья (поскольку у нихъ одна общая мать) и дѣти матери.

Отецъ ребенка не принадлежитъ къ этой семьѣ; онъ относится къ группѣ, въ которой находятся его сестры и братья, родившіеся отъ одной матери, и племянницы и племянницы. На этой ступени развитія семьи заключались браки между сестрами и братьями, и ихъ нравственное чувство не было оскорблено кровосмѣшеніемъ, о которомъ мы говоримъ теперь съ такимъ ужасомъ. Исторія культуры даетъ намъ вѣскія доказательства существованія материнскаго права; но оно существовало не у многихъ народовъ. Еще и теперь остатки материнскаго права уцѣлѣли, какъ въ нравахъ и обычаяхъ, такъ и въ миѳахъ и преданіяхъ.

Соціалистическая литература придаетъ материнскому праву слишкомъ большое значеніе. Съ этимъ было связано невѣрное представленіе, заключавшееся въ томъ, будто вначалѣ женщина пользовалась по крайней мѣрѣ, такими же правами, какъ и мужчина, и что только позднѣе, подъ вліяніемъ капиталистическаго способа производства и общественнаго порядка, она заняла подчиненное положеніе. По мнѣнію соціалистовъ, равноправіе половъ можетъ быть достигнуто только тогда, когда рабочій классъ будетъ у власти. Противъ теоріи материнскаго права выступили *Брентано*, *Ратцель*, *Пельманъ* и *Георгъ фонъ Беловъ*. Они основываются на томъ, что нельзя считать явленія, которыя могутъ быть результатомъ позднѣйшаго развитія или вырожденія, остатками первобытнаго состоянія. Нельзя не считаться съ этимъ возраженіемъ. Однако мы не должны забывать, что у дикихъ народовъ встрѣчаются такія формы брака, которыя обнаруживаютъ большое сходство съ семейными отношеніями, господствовавшими въ первобытныя времена у нѣкоторыхъ, теперь уже культурныхъ народовъ. Такимъ образомъ, мысль о родствѣ обоихъ явленій напрашивается сама собой. Далѣе важно отмѣтить то, что многіе факты семейной, общинной и государственной жизни, не подлежащіе сомнѣнію съ исторической точки зрѣнія, могутъ быть лучше всего объяснены при посредствѣ теоріи материнскаго права.

Не подлежитъ сомнѣнію, что матріархатъ (материнское право) уступалъ мѣсто патріархату (отцовское право) только подъ вліяніемъ какихъ-либо чуждыхъ, постороннихъ обстоятельствъ. Но это не говоритъ противъ материнскаго права; безъ посторонняго вліянія переходъ къ патріархату не совершился бы совсѣмъ, или совершился бы не такъ скоро и не въ тѣхъ формахъ, какъ это случилось. Противники теоріи материнскаго права требуютъ доказательства того, что матріархатъ былъ общей формой и необходимой ступенью развитія въ исторіи семьи у всѣхъ народовъ; такого доказательства имъ нельзя представить, но во всякомъ случаѣ, современныя изслѣдованія заставляютъ насъ скорѣе предположить, что первоначальной основой семьи были не мужъ и жена, а мать и дитя. Естественная народная физіологія признавала кровное родство только между матерью и ея ребенкомъ. Отца ребенка въ началѣ невозможно было установить. Его даже не считаютъ производителемъ ребенка; позднѣе на него смотрятъ, какъ на защитника и кормителя семьи. Вначалѣ средства существованія доставлялись женщиной, которая исполняла также всю работу по хозяйству. Мужчина только временами приносилъ домой дичь и рыбу. Женщина была, слѣдовательно, болѣе продуктивна, и этимъ объясняется ея самостоятельное, свободное положеніе. Противъ этого факта нельзя ничего возразить. Такимъ образомъ, вышеупомянутое воззрѣніе на кровное родство, т. е. чисто отвлеченный моментъ сливается съ хозяйственнымъ моментомъ, съ добываніемъ женщиной жизненныхъ средствъ. Оба эти момента вполнѣ достаточно объясняютъ тотъ фактъ, что наслѣдство переходило отъ матери къ ея дѣтямъ и къ тѣмъ лицамъ, у которыхъ была общая съ нею мать.

Въ періодъ господства развитаго материнскаго права зять въ большинствѣ случаевъ живетъ у тещи и тѣмъ самымъ увеличиваетъ ея хозяйственныя силы, ея вліяніе, ея авторитетъ. Послѣ того, какъ люди перешли къ осѣдлому образу жизни, вліяніе тещи должно было еще больше окрѣпнуть. Дѣло въ томъ, что хозяйственная дѣятельность женщины вскорѣ соединяется съ идеальной дѣятельностью. Женщина приноситъ ежедневную жертву, слѣдитъ за огнемъ очага и становится, такимъ образомъ, жрицей. Благодаря этому, авторитетъ ея растетъ. Картина жизни измѣняется только тогда, когда мужъ начинаетъ доставлять въ большемъ количествѣ средства существованія; это можетъ быть результатомъ умѣнья владѣть оружіемъ на охотѣ, или слѣдствіемъ захвата земли. Мужъ дѣлается господиномъ и властелиномъ хозяйства; вскорѣ онъ хочетъ стать и господиномъ семьи, которую онъ постепенно беретъ подъ свою защиту. Такимъ образомъ, материнское право исчезло не подъ вліяніемъ перемѣны взгляда на кровное родство; установленіе родства между отцомъ и ребенкомъ совершилось значительно позднѣе. Материнское право было устранено мужчиной, пріобрѣвшимъ силу и власть. Теперь зять не живетъ уже больше у тещи, а устраиваетъ свой собственный домъ. Вслѣдствіе этого авторитетъ тещи долженъ по необходимости пасть. Этимъ объясняется тотъ фактъ, что въ народномъ умѣ сложилось крайне прочное представленіе о сердитой и ворчливой тещѣ.

Крайне важнымъ съ культурно-исторической точки зрѣнія является тотъ фактъ, что только въ періодъ господства патріархата возникла идея о необходимости цѣломудрія для дѣвушки. Женщинѣ, добывавшей жизненныя средства въ большемъ или въ такомъ же количествѣ, какъ мужчина, не для кого было беречь свою дѣвственность. Цѣлый рядъ фактовъ убѣждаетъ насъ въ томъ, что частое сближеніе женщины съ отдѣльными мужчинами служило мѣриломъ ея преимуществъ. Это означало, что ея симпатіи добиваются многіе мужчины. Только мужчина, обладавшій извѣстнымъ достаткомъ, могъ сдерживать ее въ этомъ отношеніи и развивать въ ней болѣе чистые нравы. Когда матеріальный перевѣсъ переходитъ на сторону мужчины, то само собой разумѣется, что обычной формой заключенія брака становится похищеніе женщинъ (умыканіе). Съ развитіемъ культуры умыканіе, связанное различными непріятностями, уступило мѣсто мирному договору. Такимъ образомъ возникъ обычай вознаграждать семью, изъ которой была взята женщина. Покупка женъ была затѣмъ замѣнена обычной въ наше время формой брака. Постепенно, съ ростомъ вліянія церкви, бракъ сталъ сопровождаться традиціонными формальностями, которыя для насъ окружены ореоломъ чего-то святого и освящены долголѣтнимъ обычаемъ. Конечно, въ прежнія времена эти формальности носили болѣе грубый характеръ. Онѣ состояли, напримѣръ, въ томъ, что невѣста должна была обойти вокругъ домашняго очага, лица, принадлежащія къ семьѣ жениха и невѣсты, должны были пить и ѣсть изъ одной посуды, невѣстѣ передавались извѣстные символы. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ невѣста, стоя на колѣняхъ, должна была въ знакъ своего подчиненія класть передъ образомъ домашняго бога ея жениха пучекъ палокъ. Часто самъ женихъ подводилъ свою невѣсту къ очагу дома, гдѣ, по старому народному воззрѣнію, должны были жить духи умершихъ членовъ семьи. Такъ какъ этотъ очагъ служилъ въ тоже время и алтаремъ дома, то выраженіе «вести невѣсту къ алтарю» тогда, какъ и теперь, было обозначеніемъ совершившагося заключенія брака. Хозяйственное значеніе этой формы брака ясно бросается въ глаза. Собственность предполагаетъ наличность семьи. Безъ семьи нѣтъ собственности. При групповомъ бракѣ нѣтъ частной собственности, и господствующія тутъ понятія о собственности крайне туманны. Но, съ возникновеніемъ моногамическаго брака, собствен-

ность должна была стать тоже индивидуальной, т. е., коммунистическая собственность должна была уступить мѣсто частной собственности. Трудно рѣшить вопросъ, была ли моногамія причиной измѣненіе формы собственности, или, наоборотъ, моногамія является результатомъ измѣненія этихъ экономическихъ отношеній. Ясно только одно, а именно, что съ того момента, какъ собственности стали придавать извѣстное значеніе, долженъ былъ совершиться переходъ отъ матріархата къ патріархату; съ этого момента должна была образоваться новая форма семьи, находившейся подъ властью обладавшаго извѣстной собственностью мужчины.

Идея нерасторжимости брака и супружеской любви является слѣдствіемъ моногаміи и знаменуетъ собою высокую степень культуры. Въ понятіи полигаміи лежала уже идея расторжимости брака. Но при легкой расторжимости брака, семейная жизнь значительно раскалывалась. При полигаміи не могло быть и рѣчи о тѣсной связи между мужчиной и женщиной, такъ какъ мужчинѣ приходилось имѣть дѣло съ различными женами. Безъ сомнѣнія, полигамія или поліандрія вездѣ предшествовала моногаміи, т. е. вездѣ экстенсивная семейная жизнь предшествовала интенсивной семейной жизни. Семья не является основнымъ нравственнымъ союзомъ; такую роль играетъ родъ. Родовой союзъ оказываетъ значительно большее вліяніе, чѣмъ семья; онъ возникъ раньше семьи и заставляетъ мужчину всецѣло отдаваться ему. Но это обстоятельство задерживаетъ также развитіе семейнаго чувства. Это лучше всего подтверждается тѣмъ фактомъ, что въ языкахъ многихъ народовъ нѣтъ словъ для обозначенія акта заключенія брака, свадьбы. У дикихъ народовъ родство различается значительно точнѣе, чѣмъ у культурныхъ людей. Отсюда также слѣдуетъ, какъ сильно было чувство принадлежности къ семьѣ. Постепенно авторитетъ рода падаетъ, и полигамія уступаетъ мѣсто моногаміи. Въ зависимости отъ времени и мѣста моногамія развивается изъ полигаміи (бракъ одного мужчины съ нѣсколькими женщинами) или изъ поліандріи. Тутъ играютъ роль религіозные, нравственные, климатическіе, политическіе, экономическіе и физическіе факторы. Здѣсь мы остановимся только на двухъ послѣднихъ факторахъ. Экономической причиной было, съ одно стороны, то, что полигамическимъ группамъ стало недоставать матеріальныхъ средствъ для пропитанія многихъ женъ, а съ другой—то, что улучшились матеріальныя условія поліандрическихъ группъ, наличность которыхъ всегда можно было считать признакомъ бѣдности даннаго народа. Что касается физическаго мотива, то, какъ мнѣ кажется, здѣсь, должно быть, играли роль отчасти вырожденіе и импотентность мужчинъ, отчасти то, что мужчины хотѣли примѣнять свои физическія силы внѣ области семейной жизни. По обычному мнѣнію, моногамія съ ея индивидуальной супружеской любовью, съ основнымъ требованіемъ нерасторжимости брака, является конечной формой брака. Моногамія представляетъ собою продолжительное сожительство мужчины и женщины, основанное на добровольномъ желаніи совмѣстно выполнять серьезныя жизненныя задачи. На ней строится домашняя жизнь, не ограничивающаяся обоюдными правами и обязанностями супруговъ. Моногамія является основой родительскихъ отношеній къ дѣтямъ и обратно, отношеній, имѣющихъ такое огромное значеніе для права, общества и государства. Бракъ и взаимныя отношенія между родителями и дѣтьми составляютъ семейную жизнь.

Послѣ всего сказаннаго вполнѣ ясно, что семья имѣетъ такое же значеніе для государства, какъ клѣтка для организма. Государство не можетъ существовать безъ семьи. Прочной основой государства можетъ быть только семья, связанная узами общихъ интересовъ, обладающая религіознымъ и нравственнымъ міросозерцаніемъ и ведущая здоровый и естественный образъ жизни. Семья является основой всей нашей куль-

туры. Семья даетъ государству матерей, способныхъ къ размноженію населенія, и трудолюбивыхъ мужчинъ, могущихъ встать въ защиту государства. Увеличивая свое собственное благосостояніе, семья въ то же время способствуетъ процвѣтанію всего государства. Въ семьѣ чудеснымъ образомъ слились эгоизмъ и альтруизмъ. Идеи, необходимыя для блага государства, могутъ зародиться и развиться въ уютной семьѣ, а не въ холодной общественной жизни. Особенности каждой отдѣльной семьи препятствуютъ тому, чтобы жизнь государства приняла неглубокій шаблонный характеръ; оно обнаруживаетъ къ этому большую склонность потому, что предъ лицомъ его всѣ граждане должны пользоваться одинаковыми правами. Только семья даетъ начало разнообразію, только она заставляетъ людей бороться, пробивать себѣ дорогу къ жизни и въ то же время толкаетъ ихъ по пути прогресса. Всякія нападки на семью въ высшей степени не умны; но изъ этого не слѣдуетъ, что они должны быть преслѣдуемы закономъ. Дѣло въ томъ, что всякіе такіе нападки не могутъ принести никакого вреда; тутъ жизнь не подчиняется теоріямъ и идеямъ, а развивается въ силу неумолимыхъ законовъ природы.

Съ этой точки зрѣнія мы смотримъ и на такъ называемую *свободную любовь*. Мы не можемъ отрицать того, что нерасторжимость брака является причиной всевозможныхъ бѣдъ и ведетъ къ взаимному закрѣпощенію лицъ, міросозерцанія которыхъ рѣзко расходятся. Причиной отрицательнаго отношенія мужа къ женѣ или наоборотъ можетъ быть или невѣрное представленіе о характерѣ супруга, составленное *до* заключенія брака, или ошибочный взглядъ на свои собственныя физическія и нравственныя потребности. Но отчужденіе между супругами можетъ быть также результатомъ различныхъ ошибокъ, совершенныхъ въ теченіе брачной жизни; можетъ тоже случиться, что тутъ не виноватъ ни одинъ изъ супруговъ! Въ этомъ то и заключается трагизмъ положенія. Чѣмъ выше культура, тѣмъ тоньше, запутаннѣе становятся взаимныя отношенія супруговъ, и тѣмъ больше шансовъ увидѣть разбитыми свои идеалы и надежды. Современная форма брака даетъ крайне недостаточное разрѣшеніе этимъ недвусмысленнымъ фактамъ и вытекающимъ изъ нихъ трудностямъ. Вѣдь весь нашъ разводъ представляетъ собою не что иное, какъ палліативъ. Католическое представленіе о нерасторжимости брака основано на очень высокомъ принципѣ. Вѣдь то положеніе церкви, согласно которому бракъ не расторжимъ даже въ случаѣ сильнаго разлада между супругами, не является первичной основой принципа нерасторжимости брака; первичной основой было желаніе упрочить бракъ, оказать вліяніе на продолжительность его. Оно такъ и дѣйствуетъ на тѣхъ супруговъ, которые представляютъ себѣ бракъ нерасторжимымъ, считаютъ себя связанными на всю жизнь. Но этотъ принципъ крайне трудно примѣнимъ къ фактическимъ жизненнымъ условіямъ. При заключеніи брака, и въ періодъ брачной жизни дѣйствуетъ такъ много разумныхъ доводовъ, такъ много чистыхъ и не затуманенныхъ ощущеній, что разводъ не представляетъ собою обычнаго явленія нашей жизни. Въ этомъ отношеніи свободная любовь имѣетъ большое преимущество передъ обычной формой брака. Бракъ, въ которомъ внутренняя связь между супругами нарушена, не можетъ считаться нравственнымъ. Основой такъ называемой свободной любви является воззрѣніе, по которому мужъ и жена должны жить вмѣстѣ только до тѣхъ поръ, пока имѣются на лицо внутреннія предпосылки брака. На свободную любовь нельзя смотрѣть, какъ на конкубинатъ. Это уже слишкомъ. Если дѣло идетъ о высоко развитыхъ въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ личностяхъ, обнаружившихъ склонность къ совмѣстной жизни, то такой союзъ можно, если не признать, то во всякомъ

случаѣ понять. Но такая чистая свободная любовь встрѣчается крайне рѣдко. Въ большинствѣ случаевъ всѣ такіе браки основаны на грубой чувственности. По большей части въ самомъ такомъ бракѣ лежитъ уже зародышъ разлада и внутреннихъ неурядицъ. Возможность расторжимости брака въ каждый моментъ, придаетъ ему неопредѣленный, непрочный характеръ. Но онъ оставляетъ обѣимъ сторонамъ полнѣйшую свободу дѣйствія, въ особенности по отношенію къ обществу. Отрицательной стороной такого брака является также слѣдующее: подъ вліяніемъ какого либо событія, затрагивающаго душевную жизнь обоихъ супруговъ, между ними происходятъ серьезныя разногласія, сгладить которыя нѣтъ никакой возможности, между тѣмъ въ теченіе брачной жизни эти разногласія могли бы быть постепено устранены, причемъ наличность дѣтей играла бы здѣсь не послѣднюю роль. Въ связи съ этимъ противъ свободной любви говоритъ еще то обстоятельство, что здѣсь дѣтямъ удѣляется очень мало вниманія, конечно, если онѣ вообще имѣются или желательны. Наконецъ, судя, по крайней мѣрѣ, по случаямъ, имѣвшимъ до сихъ поръ мѣсто, мы не можемъ скрывать того, что свободная любовь не отличается продолжительностью, и что цѣлью ея является не совмѣстное выполненіе серьезныхъ жизненныхъ задачъ, а (за рѣдкимъ исключеніемъ) удовлетвореніе извѣстныхъ, иногда очень утонченныхъ наслажденій, покоящихся на различіи половъ. Во всякомъ случаѣ, опытъ доказываетъ намъ, что только въ бракѣ достигаютъ своего полнаго развитія нѣкоторыя черты характера, и въ особенности многія черты мужского характера. Извѣстныя существенныя черты женскаго характера тоже развиваются только въ теченіе спокойной, нравственной брачной жизни. Въ концѣ концовъ, государство не можетъ отказаться отъ того требованія, чтобы при заключеніи брака были соблюдены извѣстныя внѣшнія формальности, будетъ ли это носить церковный, или свѣтскій характеръ, это—вопросъ второстепенной важности.

IV. Вышеприведенныя разсужденія заставляютъ насъ остановиться немного подробнѣе на *женскомъ вопросѣ* вообще. Что касается положенія женщинъ у различныхъ народовъ, то у восточныхъ народовъ на женщину смотрѣли, какъ на низшее существо. Еще и теперь она является рабыней мужчины, хотя у нѣкоторыхъ народовъ ея рабское положеніе не сразу бросается въ глаза. У грековъ, по крайней мѣрѣ, въ Аѳинахъ честная женщина не пользовалась никакими правами. Безъ сомнѣнія, обычаи и нравы востока оказали вліяніе на соціальное положеніе греческой женщины. Изъ исторіи мы знаемъ, что въ Греціи играли нѣкоторую роль лишь незамужнія женщины и женщины легкаго поведенія. Единственными женщинами, оказывавшими вліяніе на политическую жизнь страны, были гетеры; это были веселыя, красивыя женщины, превосходившія по своему уму и образованію остальныхъ женщинъ. Еще и теперь въ Аѳинахъ женщина ведетъ поразительно затворническій и уединенный образъ жизни. Иначе обстояло дѣло въ Спартѣ, гдѣ въ періодъ паденія строгихъ нравовъ встрѣчались мужественныя женщины, которыя сыграли не послѣднюю роль въ окончательной гибели Спартанскаго государства. Изъ современныхъ европейскихъ народовъ французская женщина (если здѣсь вообще, допустимо обобщеніе), отличается наибольшей веселостью, любезностью и энергіей. Этими свойствами, можно объяснить также отчасти характеръ французскаго мужчины. Во всей Европѣ только у однихъ французовъ грубая и тонкая половая жизнь, поэзія любви и отношенія къ женскому полу приняли такія блестящія, изысканныя и художественныя формы. Въ Англіи и Америкѣ женщина пользуется полной свободой. Такъ какъ уровень умственнаго развитія мужчинъ, превратившихся въ какія-то машины для добыванія денегъ, сравнительно не высокъ, то женщину тамъ склонны переоцѣнивать. Въ Англіи до сихъ поръ еще

численно превосходятъ браки по любви. Въ общемъ, какъ въ Англіи, такъ и въ Америкѣ можно встрѣтить много энергичныхъ женщинъ, занимающихся также и умственной дѣятельностью.

Что касается нѣмецкой женщины, то тутъ невозможно говорить о какомъ-либо однородномъ типѣ. Разнообразіе культурныхъ условій Германіи исключаетъ возможность обобщенія. Здѣсь также развился патріархатъ надъ вещами и семьей. Отцу семьи подчинены, какъ жена и дѣти, такъ и рабы. Въ составъ тѣснаго семейнаго круга входили всѣ лица, объединенныя общимъ домашнимъ хозяйствомъ, причемъ тутъ рѣшающимъ моментомъ было не кровное родство, а право господина дома. Рабы считались его полной собственностью, а право обладанія женой и дѣтьми называлось Munt и близко подходило къ понятію опеки. Въ такъ называемой первобытной Германіи, отецъ имѣлъ право дарить и продавать своихъ дѣтей и жену. Старо германское слово ê (отъ котораго произошло нѣмецкое слово Ehe-бракъ) означаетъ одновременно и «право», и «связь». Этимъ какъ-бы указывается на двойственный характеръ брака, который является какъ правовымъ, такъ и нравственнымъ учрежденіемъ. Отсюда вытекаетъ положеніе нѣмецкой женщины въ исторіи. Если, послѣ окончательнаго укрѣпленія моногаміи, она и отступила на задній планъ, то все же ея одухотворяющая сила и дѣятельность ясно отражаются въ соціальной жизни вплоть до реформаціи. Въ эту эпоху мы видимъ цѣлый рядъ выдающихся женщинъ, принимающихъ участіе также и въ общественной жизни. Однако въ Германіи гармоническому развитію женскаго характера препятствовали различныя обстоятельства. Только въ послѣднее время, подъ вліяніемъ революціонныхъ стремленій 18 вѣка, съ одной стороны, и выступленія на общественную арену рабочихъ классовъ, съ другой, весь женскій вопросъ сталъ носить совершенно иной характеръ.

V. Современный *женскій вопросъ* является не только экономическимъ и соціальнымъ, но и этическимъ и культурнымъ вопросомъ, а поскольку дѣло идетъ о положеніи женщины въ современномъ частномъ и публичномъ правѣ, этотъ вопросъ носитъ также и политически-правовой характеръ. Обратимъ сначала вниманіе на то значеніе, какое выборъ профессіи *замужней* женщиной имѣетъ для семьи и для государства. Первоначальной и наиболѣе естественной обязанностью женщины является долгъ супруги и матери, размноженіе человѣческаго рода, забота о дѣтяхъ и воспитаніе ихъ. Область женщины—это семейная жизнь. Современная жизнь представляетъ собою не только нравственный союзъ, но и (несмотря на различія въ системѣ имущественнаго права), имущественный союзъ и союзъ для добыванія средствъ существованія; и здѣсь женщина, какъ экономическій факторъ, играетъ не меньшую роль, чѣмъ мужчина. Но картина рѣзко измѣняется съ того момента, какъ женщина перестаетъ видѣть цѣль своей жизни въ хозяйствѣ и въ воспитаніи дѣтей. Рѣшающимъ моментомъ здѣсь можетъ быть извѣстная склонность къ другимъ занятіямъ, а очень часто—крайняя нужда. Послѣднее обстоятельство заставляетъ прибѣгать женщинъ къ изученію наукъ и искусствъ, или отдавать свои силы торговлѣ и промышленности и поступать на службу въ качествѣ продавщицъ въ магазины или въ качествѣ работницъ на фабрики. Въ такихъ случаяхъ семейная жизнь не представляетъ уже собою больше тѣснаго сожительства, тутъ болѣе или менѣе рѣзко проявляется индивидуальность каждой стороны. Интересы супруговъ въ большинствѣ случаевъ различны; общность интересовъ можетъ имѣть мѣсто только въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда оба они работаютъ на одномъ и томъ же поприщѣ, напримѣръ, когда они оба занимаются медициной, музыкой, искусствомъ и т. п. Если женщина принуждена заниматься внѣ дома, то отъ этого неизбѣжно страдаетъ ея

семейная жизнь и налагаемыя этой жизнью хозяйственныя, педагогическія и нравственныя обязанности; дѣло особенно ухудшается, если имѣются дѣти. «Материнство и умственный трудъ» взаимно исключаютъ другъ друга, какъ это неопровержимо показали въ своей книгѣ А. Герхардъ и Елена Симонъ (1903 г.). Правда, исключеніемъ изъ этого правила являются отдѣльныя, особенно энергичныя женщины, которыя въ состояніи заниматься одновременно и хозяйствомъ и наукой или искусствомъ. Но даже и такія сильныя личности страдаютъ въ данномъ случаѣ извѣстной половинчатостью, причемъ такая жизнь неизмѣнно сопровождается значительнымъ ослабленіемъ физическихъ и умственныхъ силъ. Конечно, не слѣдуетъ ни отрицать, ни умалять значеніе такихъ женщинъ. Здѣсь дѣло идетъ о томъ, какое вліяніе оказываетъ такая женщина на семью. И отвѣтъ на этотъ вопросъ не будетъ отраднымъ. Вопросъ получилъ-бы совершенно иное освѣщеніе, если-бы мы могли установить, способствуетъ-ли такая женская дѣятельность, вредно отражающаяся на семейной жизни, развитію высшихъ формъ культуры, прогрессу науки и искусства, говоря иными словами, имѣетъ-ли она положительное или отрицательное значеніе для всей соціальной жизни. Здѣсь мы должны имѣть въ виду только отдѣльный конкретный случай, обобщенія не допустимы. Здѣсь должны быть приняты въ расчетъ всѣ условія, при которыхъ женщинѣ приходится заниматься умственнымъ трудомъ. Передъ нами встаетъ цѣлый рядъ вопросовъ, напримѣръ: можетъ-ли женщина работать такъ же продуктивно, какъ мужчина въ той же области науки или искусства? Въ чемъ заключается специфическое своеобразіе мыслительныхъ способностей женщины, выбирающей своей профессіей занятіе умственнымъ трудомъ?

Степень вліянія, оказываемаго на семью самостоятельно зарабатывающей женщиной, зависитъ отъ того, насколько ея профессія заставляетъ ее забрасывать хозяйство, мужа и дѣтей, и отдавать всѣ ея силы экономическому предпріятію, гдѣ она работаетъ. Хотя здѣсь нельзя выставлять общихъ положеній, однако ясно, что вся эта проблема задѣваетъ, главнымъ образомъ, лицъ, принадлежащихъ къ рабочему классу (границы котораго крайне неопредѣленны) и къ такъ называемому мелкому мѣщанству; но здѣсь зато она съ страшной силой захватываетъ повседневную жизнь и опредѣляетъ, какъ участь настоящаго, такъ и надежды грядущихъ поколѣній. Чѣмъ сильнѣе развито рабочее законодательство, тѣмъ благопріятнѣе протекаетъ развитіе. Съ 1891 года въ Германіи запрещенъ женскій ночной трудъ, а рабочій день ограниченъ для женщинъ одиннадцатью часами. Мы вправѣ ожидать, что примѣненіе женскаго ночного труда вскорѣ будетъ запрещено во всѣхъ странахъ; до сихъ поръ улучшенію положенія женщинъ работницъ сильно препятствовала интернаціональная конкуренція.

Тутъ мы подходимъ уже ко второму основному вопросу: какія внѣшнія экономическія причины заставляютъ женщинъ, особенно бездѣтныхъ, самостоятельно зарабатывать средства существованія? Женскій трудъ, женское движеніе и эмансипація женщинъ находятся въ тѣсной связи другъ съ другомъ. До половины XVIII вѣка занятіе хозяйствомъ вполнѣ удовлетворяло женщину. Она занималась въ то же время и домашнимъ производствомъ (напримѣръ, тканьемъ). Однако послѣднее занятіе вскорѣ перешло къ мужчинѣ. Несмотря на наличность многихъ геніальныхъ женщинъ, несмотря на рыцарское отношеніе къ ней, развившееся особенно въ вѣкъ рококо, въ Европѣ на женщину вездѣ смотрѣли, какъ на несовершеннолѣтнюю. Въ этомъ отношеніи французская революція тоже внесла измѣненія. Въ 1786 году философъ *Кондорсэ* требовалъ уравненія правъ женщины во всѣхъ областяхъ. Въ 1792 году *Теодоръ фонъ Гиппель* въ своей

книгѣ «Объ улучшеніи соціальнаго положенія женщины» (Teodor von Hippel, «Ueber die bürgerliche Verfassung der Weiber») высказывалъ такія же мысли. Въ этомъ же году появилось знаменитое сочиненіе англичанки *Мэри Уольстонкрафтъ* «Защита правъ женщины» (Mary Wollstonecraft «The Vindication of the rights of Women»). Признавая естественную разницу между полами въ физіологическомъ, психическомъ и умственномъ отношеніяхъ, она требуетъ прежде всего реформы женскаго воспитанія. У насъ, по ея словамъ, воспитываютъ не женщинъ, а свѣтскихъ дамъ; ихъ учатъ приличіямъ, но не внушаютъ имъ нравственныхъ взглядовъ на жизнь; ихъ стремленіе направляется на пустыя, никуда не годныя мелочи, но не на серьезныя жизненныя цѣли. Ихъ забавляютъ всевозможными игрушками, развлекаютъ всякими пріятными вещами, вмѣсто того, чтобы пріучать ихъ трудиться, а свободное время посвящать искусству, природѣ и наукѣ. Такимъ образомъ вырастаютъ слабыя, безсмысленныя существа; ихъ воспитатели—мужчины, впослѣдствіи попрекаютъ ихъ этой слабостью и отсутствіемъ способности мыслить. Благодаря существующимъ условіямъ воспитанія, онѣ фактически стали малоцѣнными членами общества. Мы не должны судить о женскомъ полѣ по теперешнимъ представительницамъ его. Сначала надо дать женщинѣ возможность примѣнить всѣ ея силы, и только тогда можно опредѣлить, какова степень ея умственнаго и нравственнаго развитія. Съ разумно воспитанными женщинами нельзя обращаться, какъ съ рабынями, и онѣ должны пользоваться такими же правами, какъ и мужчины. Послѣ уничтоженія цеховой системы во Франціи была объявлена свобода промышленности (1791 г.), что благопріятно отразилось на женщинѣ. Въ XIX вѣкѣ домашнее хозяйство теряетъ свое значеніе фактора производства; натуральное хозяйство окончательно уступаетъ мѣсто денежному хозяйству, техническія преобразованія и условія средствъ сообщенія обусловливаютъ появленіе новой формы народнаго хозяйства, при которой удовлетвореніе необходимыхъ ежедневныхъ потребностей при помощи домашняго способа производства представляетъ уже безполезную трату силъ. Такимъ образомъ, значительная часть прежняго женскаго труда становится излишней. Сначала женщины становятся домашними работницами, т. е. исполняютъ данные имъ промышленникомъ заказы у себя на дому; трудъ ихъ оплачивается очень низко, но все же онѣ могутъ смотрѣть за своимъ хозяйствомъ и воспитывать дѣтей. Картина рѣзко мѣняется, когда женщина поступаетъ въ контору, на фабрику, въ магазинъ. Женскій вопросъ, особенно экономическая сторона его, созданъ тѣмъ, что женщинѣ приходится искать самостоятельный заработокъ. То, что пишутъ объ эмансипаціи женщинъ *Жоржъ Зандъ* и *Джонъ Стюартъ Милль*, не идетъ въ данномъ случаѣ въ счетъ, такъ какъ они касаются только нравственной и интеллектуальной стороны вопроса. Приведемъ нѣсколько цифръ, иллюстрирующихъ значеніе экономической стороны женскаго движенія. Въ 1895 году, въ сельскомъ хозяйствѣ Германіи, въ которомъ женскій трудъ издавна игралъ большую роль, было занято 5,32 милліона мужчинъ и 2,72 милліона женщинъ; сравнительно съ 1882 годомъ, примѣненіе женскаго труда увеличилось на 8,06%. Въ промышленности и въ горномъ дѣлѣ въ 1895 году было занято 6,76 милліоновъ мужчинъ и 2,52 милліона женщинъ. Число послѣднихъ сравнительно съ 1882 годомъ возросло на 34,97%. Въ торговлѣ въ 1895 году было занято 1760000 мужчинъ и 580000 женщинъ. Сравнительно съ 1882 годомъ число послѣднихъ возросло на 94,43%. На государственной службѣ занималось (включая сюда лицъ, занимавшихся свободными профессіями) $^1/_6$ милліона женщинъ. Наемнымъ трудомъ мѣняющагося характера жили $^1/_6$ милліона мужчинъ и $^1/_5$ милліона женщинъ. Число лицъ женскаго пола, находившихся въ услуженіи, равнялось $1^1/_2$ мил-

ліонамъ. Позднѣйшихъ цифръ, особенно данныхъ переписи 1900 года, мы, къ сожалѣнію, не можемъ еще привести. Но все же можно съ увѣренностью сказать, что примѣненіе женскаго труда въ торговлѣ и промышленности сильно возросло за послѣднее время. Того, кто въ наши дни утверждаетъ, что у женщинъ-пролетарокъ и женщинъ, принадлежащихъ къ мелкому мѣщанству, не можетъ быть женскаго вопроса, уже однѣ вышеприведенныя цифры ставятъ въ глупѣйшее положеніе. Иначе обстоитъ дѣло у среднихъ и высшихъ общественныхъ классовъ. И здѣсь экономическій моментъ играетъ извѣстную роль. Въ 19 вѣкѣ ухудшилось также и экономическое положеніе женщинъ, принадлежащихъ къ этимъ классамъ. Возможность выйти замужъ уменьшилась уже тѣмъ, что въ одной Германіи по переписи 1 декабря 1900 года имѣлось 27737247 мужчинъ и 28629931 женщинъ, т. е. женщинъ было почти на одинъ милліонъ больше, чѣмъ мужчинъ. Большое значеніе имѣетъ также и ростъ арміи и чиновничества въ послѣдніе пятьдесятъ лѣтъ, причемъ увеличилось не только число чиновниковъ, состоящихъ на государственной или коммунальной службѣ, но и число чиновниковъ, занятыхъ въ частныхъ, торговыхъ и промышленныхъ предпріятіяхъ. Денегъ, зарабатываемыхъ этими лицами, въ большинствѣ случаевъ, хватаетъ только на то, чтобы вести образъ жизни, соотвѣтствующій занимаемому ими положенію; о какихъ-либо сбереженіяхъ, откладываніи на черный день, не можетъ быть и рѣчи. Правда, благодаря родству съ состоятельными семьями, особенно заключенію браковъ между чиновничествомъ и богатымъ промышленнымъ классомъ, достигается извѣстное уравненіе капиталовъ; но для нашихъ разсужденій это не имѣетъ никакого значенія. Безвыходное положеніе милліона женщинъ, не имѣющихъ возможности выйти замужъ и тѣмъ самымъ жить безъ заботъ, должно каждому бросаться въ глаза.

Не подъ вліяніемъ идеологическихъ представленій, а въ силу необходимости, женщины стали стремиться къ поднятію уровня женскаго воспитанія и образованія, и требовать предоставленія имъ все болѣе и болѣе широкихъ областей дѣятельности. Если женщинѣ удается одержать верхъ надъ сословными предразсудками, господствующими въ среднихъ и высшихъ буржуазныхъ слояхъ, и найти себѣ занятіе, то часто оказывается, что она недостаточно подготовлена для данной профессіи, особенно если послѣдняя требуетъ какихъ либо спеціальныхъ техническихъ знаній. Такимъ образомъ, возникаетъ излишекъ предложенія женскаго труда въ тѣхъ областяхъ дѣятельности, для которыхъ не требуютъ особенной подготовки и интеллигентности; а это ведетъ за собой паденіе заработной платы. Въ высшихъ и среднихъ слояхъ въ своеобразной формѣ сливаются такимъ образомъ экономическіе и идеальные моменты. Если женщина не имѣетъ серьезнаго занятія, не обращаетъ особаго вниманія на семью и хозяйство, то она старается заполнить свою жизнь тѣми безсмысленными занятіями, которыя подталкиваютъ ее къ фривольности, къ погонѣ за женихами, къ безполезному и непланомѣрному чтенію романовъ и т. п. Женщина забавляется никуда негодными рукодѣльями, дѣлаетъ видъ, что занимается музыкой или живописью, флиртуетъ—вотъ чѣмъ наполнена ея жизнь. Стремленіе корчить изъ себя какое-то высшее существо нигдѣ не проявляется такъ рѣзко, какъ у ничѣмъ не занятыхъ женщинъ; поэтому то такъ противна лживость ихъ поступковъ, ихъ такъ называемые идеалы. Такія женщины отравляютъ общество, они являются отчасти виновницами общественнаго лицемѣрія; такія женщины унижаютъ искусство и настоящую серьезную литературу. На этой почвѣ пышно разцвѣтаетъ аффектированная мечтательность, суевѣріе и общественная ложь. Поэтому чистыя женщины стараются вырваться изъ этой обстановки, изъ этой душной и тлетворной

атмосферы самообмана. Онѣ не хотятъ висѣть тяжелымъ бременемъ на шеѣ своихъ родныхъ и предпочитаютъ честный самостоятельный трудъ. Къ этому присоединяется также и то, что общество крайне нуждается въ разумной дѣятельности женщинъ. Широкое поле благородной дѣятельности женщинамъ открываетъ уходъ за больными (до начала женскаго движенія проявляли свою дѣятельность лишь религіозные ордена), а также призрѣніе бѣдныхъ и сиротъ, соціальная работа другого рода, каковы борьба съ алкоголемъ, съ паденіемъ нравственности, устройство учрежденій, способствующихъ благосостоянію *рабочаго* класса и педагогическая дѣятельность. Женское движеніе крайне разносторонне, но основныя требованія его все же можно свести къ нѣсколькимъ пунктамъ. Д-ръ *Кэте Ширмахеръ* въ своемъ сочиненіи «Die moderne Frauenbewegung». Ein geschichtlicher Ueberblick 1905 г. («Современное женское движеніе». Историческій очеркъ) формулировала ихъ слѣдующимъ образомъ:

1. Въ области воспитанія и образованія: предоставленіе женщинамъ возможности получать такое же образованіе, какъ мужчинамъ.

2. Въ области труда: свобода женскаго труда и одинаковое съ мужчиной вознагражденіе за одинъ и тотъ же трудъ.

3. Въ области гражданскаго права: полное уравненіе замужней женщины въ правахъ. Отмѣна всякаго исключительнаго опредѣленія, направленнаго противъ женскаго пола (регламентація). Правовая отвѣтственность мужчины по вопросу о половыхъ отношеніяхъ.—Публичное право: женское избирательное право.

4. Въ соціальной области: признаніе высокой цѣнности соціальнаго женскаго труда и признаніе несовершенства, жестокости и односторонности существованія привилегіи мужчинъ.

Въ общемъ, мы должны смотрѣть на женскій вопросъ, какъ на крупное соціальное движеніе. Ясно, что здѣсь дѣло идетъ о развитіи силъ, имѣющихъ большое нравственное значеніе. Несмотря на всевозможныя нелѣпости и крайности, женское движеніе все же обнаруживаетъ высокій идеализмъ, стремленіе къ лучшему. Правда, требованіе равноправія, выставляемое женщиной, надо понимать cum grano salis (съ извѣстной оговоркой). Развитію женщины поставлены извѣстныя естественныя границы, какъ въ психологическомъ и физіологическомъ, такъ и въ соціальномъ отношеніяхъ. Здѣсь, какъ и вездѣ, гдѣ развивается общественная жизнь, мы должны удерживаться отъ какихъ-либо предсказаній; мы можемъ только высказывать сужденія, составленныя на основаніи спокойныхъ и безпристрастныхъ наблюденій. Женское движеніе имѣетъ здоровый корень; оно вскорѣ устранитъ тѣ крайности, которыми страдаетъ всякое молодое движеніе, и, по всей вѣроятности, завоюетъ симпатіи большинства мужчинъ, возстающихъ (отчасти по вполнѣ понятнымъ причинамъ) въ настоящее время противъ него.

VI. Разбираясь въ ученіи объ естественныхъ основахъ государства, мы не можемъ обойти молчаніемъ слѣдующій вопросъ, послужившій недавно предметомъ горячихъ споровъ: въ какомъ отношеніи находятся принципы эволюціонной теоріи къ политическому развитію и законодательной дѣятельности государствъ? Для рѣшенія этого вопроса былъ объявленъ конкурсъ, идейными вдохновителями котораго были профессора Циглеръ, Конрадъ и Геккель. Подъ общимъ заглавіемъ «Natur und Staat. Beiträge zur naturwissenschaftlichen Gesellschaftslehre» («Природа и государство. Очерки по естественной исторіи общества») появился цѣлый рядъ сочиненій. Хотя благодаря этому было предпринято много цѣнныхъ изслѣдованій, но все же нельзя не сознаться въ томъ, что весь вопросъ былъ поставленъ невѣрно, и *что какъ разъ для науки о политикѣ* это не дало результатовъ.

[Ср. *Iellinek* «Allgemeine Staatslehre» стр. 73 (Іеллинекъ «Общее ученіе о государствѣ») и *Tönnies*: «Zur naturwissenschaftlichen Gesellschaftslehre»; («Къ вопросу объ естественно-научной соціологіи») Schmollers Iahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft. Книга 29, 30. См. также возраженіе *Schallmayer*'а, помѣщенное въ томъ же журналѣ, книга 30, стр. 1]. Болѣе полезно изслѣдованіе *Равица* «Первобытная исторія, исторія и политика» (Rawitz. «Urgeschichte, Geschichte und Politik») и *Кульнбека* «Естественныя основы права и политики» (Kuhlenbeck «Natürliche Grundlagen des Rechts und der Politik»). Вопросъ о значеніи дарвиновской теоріи происхожденія для человѣческой общественной жизни и общественнаго права прекрасно разобралъ *Ремъ* (Rehm) въ своей статьѣ подъ заглавіемъ «Эволюціонная теорія и соціальное право» («Deszendenztheorie und Sozialrecht»), помѣщенной въ «Hirth's» Annallen» за 1906 г. Такъ какъ всякій прогрессъ въ области культуры по необходимости ведетъ къ ослабленію естественнаго подбора, то каждый отдѣльный человѣкъ, а также общество и государство должны стремиться къ созданію искусственнаго подбора. Политика по отношенію къ народонаселенію со стороны частныхъ лицъ, общества и государства должна быть направлена не только на увеличеніе числа людей, но и на качественное улучшеніе ихъ. Дарвиновская догма происхожденія является научнымъ подтвержденіемъ также и того, что нѣтъ закона природы, обуславливающаго равенство индивидуумовъ.

III.

Возникновеніе и прекращеніе государствъ.

I. Первичное возникновеніе государствъ. Мы должны разсматривать возникновеніе государствъ съ точки зрѣнія исторіи развитія. «Государствомъ» надо считать всякую форму организаціи, которая носитъ характеръ господства. Нельзя безъ оговорокъ пользоваться признаками развитаго, особенно современнаго, государства. Важнѣйшей основой возникновенія государства является сила, причемъ государство можетъ возникнуть путемъ военнаго завоеванія и подчиненія, или путемъ захвата земли и колонизаціи. Послѣдняя основа возникновенія государства является господствующей почти у всѣхъ колонизаторскихъ народовъ; такъ же обстояло дѣло и при пріобрѣтеніи Германіей своихъ колоній, хотя, конечно, съ населеніемъ завоеванныхъ областей заключаются извѣстные договоры. Въ настоящей книгѣ мы не можемъ остановиться на частностяхъ колонизаціи.

Возникновеніе государства многими приписывалось вмѣшательству бога. Такого мнѣнія придерживались въ средніе вѣка и въ эпоху реформаціи. Но въ настоящее время это представленіе отвергнуто наукой, такъ какъ оно не можетъ быть обосновано. Во всякомъ случаѣ, ни одна форма конституціи и ни одинъ факторъ государственной власти не можетъ претендовать на божественное происхожденіе, какъ это напр., въ XIX вѣкѣ дѣлалъ *Шталь*, высказывавшій мнѣніе о божественномъ правѣ монархіи. Наиболѣе вліятельной долгое время была теорія, по которой государство обязано своимъ происхожденіемъ договору. Отъ Гроція до Руссо господствовало мнѣніе, что государство можетъ быть основано только путемъ договора, независимо отъ того, шло ли дѣло объ основаніи цѣльнаго государства, или народъ заключалъ договоръ съ той цѣлью, чтобы подчинить себя монарху. Но тутъ мы не должны забывать, что съ чисто исторической точки зрѣнія нельзя доказать возникновеніе государства путемъ договора. Но, даже если государство и могло возникнуть путемъ договора, то существованіе его абсолютно независимо отъ этого договора, а зависитъ

только отъ дѣеспособности государственной власти. Вѣдь лица, заключившія первоначальный договоръ, не являются безсмертными участниками его, и если бы эта теорія была вѣрна, то съ ихъ смертью государство должно было бы рухнуть. Наконецъ, договоръ представляетъ самъ по себѣ уже правовой актъ. Отсюда слѣдуетъ, что право должно было существовать до того, какъ былъ заключенъ договоръ, на основаніи котораго образовалось государство. Но право, можетъ существовать только тамъ, гдѣ при посредствѣ высшей силы, т. е. при посредствѣ государственной власти, можетъ быть установленъ правовой порядокъ. Такимъ образомъ, при заключеніи договора должно было уже существовать государство; слѣдовательно, договорная теорія заключаетъ сама въ себѣ противорѣчіе.

Правильнымъ мы считаемъ то воззрѣніе, согласно которому государство не является продуктомъ права; возникновеніе государства представляетъ собою историческій фактъ. Основой государства является семья; затѣмъ въ теченіе многихъ поколѣній оно становится постепенно родовымъ государствомъ. Оно покоится на семейной общности и на племенныхъ союзахъ. Но эта фактическая совмѣстная жизнь и совмѣстная дѣятельность должна быть еще дополнена чувствомъ законности и правовой нормой. Такимъ образомъ, всякое образованіе государства связано съ образованіемъ правъ, такъ что право и государство съ самаго начала находятся въ тѣсной связи другъ съ другомъ.

II. Крайне важна форма возникновенія государствъ изъ другихъ государствъ. Два или нѣсколько государствъ сливаются въ одно, т. е. изъ нѣсколькихъ самостоятельныхъ государствъ образуется новое единое государство. Такимъ образомъ государственная индивидуальность каждаго изъ слившихся совершенно уничтожается, она растворяется въ новомъ государствѣ. Точно также изъ одного государства могутъ образоваться нѣсколько государствъ, примѣромъ чего могутъ служить отпаденіе Нидерландовъ отъ Бельгіи. Нѣсколько колоній могутъ образовать цѣльное государство, причемъ каждая изъ нихъ будетъ играть въ немъ роль провинціи. Измѣненія могутъ произойти путемъ завоеванія или государственнаго переворота, который можетъ принять форму революціи (Италія), дипломатическаго соглашенія, какъ обстояло дѣло въ Сербіи, Румыніи въ 1878 году. Но характеръ возникновенія государства не даетъ намъ никакого права заключить объ опредѣленной формѣ конституціи.

III. Что касается прекращенія государства, то все, что мы можемъ сказать о немъ, вытекаетъ непосредственно или посредственно изъ того, что было сказано о возникновеніи и измѣненіи государства. Если государство является результатомъ сліянія двухъ, бывшихъ до того времени самостоятельными, государствъ, то одновременно съ этимъ гибнутъ данныя самостоятельныя государства, и т. д. Причины прекращенія государствъ такъ же разнообразны, какъ причины возникновенія ихъ. Причиной прекращенія государства можетъ быть изгнаніе народа изъ его области (переселеніе народовъ), война, завоеваніе одного государства другимъ (такъ, напр. въ 1866 г. Пруссія завоевала Ганноверъ, Франкфуртъ на Майнѣ и др.). Конечно, государство гибнетъ въ результатѣ завоеванія лишь въ томъ случаѣ, когда оно цѣликомъ попадаетъ въ руки завоевателя; юридическая личность прежняго государства должна быть устранена. При раздѣлѣ, государство можетъ тоже погибнуть; такъ обстояло дѣло съ Польшей; оно можетъ также погибнуть подъ вліяніемъ того, что оно должно подчиниться другому государству, а также вслѣдствія физическаго вымиранія народовъ, классическимъ примѣромъ чего можетъ служить паденіе Римской Имперіи.

IV.

Ученіе объ основаніи государства.

Мы ищемъ разумнаго и исчерпывающаго основанія возникновенія государства. Государство часто отвергается нѣкоторыми людьми. Вспомнить хотя бы о поборникамъ простой общественной организаціи и объ анархистахъ. Въ защиту существованія государства приводились различные доводы.

Религіозное міросозерцаніе оправдываетъ существованіе государства въ силу его божественнаго происхожденія и устройства. По заповѣди божьей, всякая отдѣльная личность обязана признавать государство. Это воззрѣніе очень старо и распространено, но оно не выдерживаетъ критики. Дѣло въ томъ, что оно, въ конечномъ счетѣ, означаетъ не обоснованіе государства, а подчиненіе его церкви. Оно противорѣчитъ нашимъ современнымъ воззрѣніямъ на свѣтскую власть и на значеніе государственной власти. Оно опирается, главнымъ образомъ, на авторитетъ выдающихся писателей, особенно, отцовъ церкви и потому черпаетъ заключающуюся въ немъ силу не изъ разумнаго и научнаго наблюденія, а изъ глубокихъ тайниковъ человѣческаго чувства. Эта теорія находится на плохомъ счету у науки еще потому, что самыя противоположныя партіи могутъ одинаково ссылаться на ученіе о божественномъ происхожденіи государства, на святое писаніе и на заповѣдь Бога; въ самомъ дѣлѣ, изъ нея можно вывести самыя противорѣчивыя теоріи, носящія на первый взглядъ характеръ истины. Религіозная теорія также отрицаетъ государство: она или подчиняетъ его церкви, или видитъ въ немъ побужденіе къ грѣху, или вызываетъ своими крайними требованіями элементы и движенія, разрушающія государство. Въ наши дни соціалдемократія и анархисты твердо убѣждены въ томъ, что функціей религіи является только укрѣпленіе конкретной силы и условій эксплуатаціи, и что она готова заключить союзъ съ грубой силой, на которой, по ихъ мнѣнію, зиждется сущность государства.

Другіе ученые выставляютъ такъ называемую физическую теорію или теорію силы. По этой теоріи существованіе государства обосновывается тѣмъ, что господство болѣе сильныхъ и подчиненіе болѣе слабыхъ считается неизбѣжнымъ закономъ природы, вслѣдствіе чего приходится покоряться государству. Эта теорія имѣетъ тоже долгую исторію развитія; ее придерживались Гоббсъ, Спиноза, Людвигъ фонъ-Галлеръ, а въ настоящее время—представители новѣйшаго соціализма, особенно марксисты. Соціализмъ считаетъ современное государство, главнымъ образомъ, классовымъ государствомъ и машиной для подчиненія угнетенныхъ и эксплуатируемыхъ классовъ. Но такой взглядъ, основанный на эволюціонной теоріи, противорѣчитъ самому себѣ, такъ какъ сообразно этой теоріи само классовое государство представляетъ собою лишь фазу развитія, которая будетъ устранена въ результатѣ эволюціи. Эта теорія и въ другихъ отношеніяхъ не подходитъ для обоснованія государства [1]). Если государственная власть представляетъ собою только вопросъ силы, то этимъ самымъ ей дается уже право на осуществленіе всякаго переворота. Если современные властелины господствуютъ, опираясь лишь на свою власть, то порабощенные сами стремятся къ достиженію этой власти, чтобы, въ свою очередь, стать

[1]) Не будучи согласны съ высказываемыми авторомъ взглядами, мы тѣмъ не менѣе оставляемъ ихъ неизмѣнонными ввиду того, что возраженія, дѣлаемыя профессор. Штиръ-Зомло соціалистическому взгляду на государство, приводятся также и другими теоретиками государственнаго права; читатель же, знакомый съ соціалистической литературой, безъ труда сумѣетъ опровергнуть ихъ.

Прим. пер.

властелинами. Слѣдовательно, физическая теорія является какъ бы призывомъ къ постоянной революціи, побужденіемъ къ постоянной борьбѣ между низами и верхами общества, между частью и цѣлымъ. Она не можетъ служить обоснованіемъ государства еще потому, что она лишена какой-либо этической силы и не въ состояніи установить или объяснить связь между субъектомъ и объектомъ государственной власти.

Третье воззрѣніе носитъ названіе *правовой теоріи*. Она расчленяется на три различныя вѣтви. Первая вѣтвь тожественна съ теоріей договора, которая обосновываетъ государство мнимымъ consensus omnium (общимъ согласіемъ), на основаніи котораго зиждется государство. Эта теорія не выдерживаетъ критики уже по одному тому, что договоръ можетъ имѣть мѣсто только тамъ, гдѣ установленъ правовой порядокъ, а это возможно только въ государствѣ. Фактически нигдѣ и никогда не можетъ быть доказано возникновеніе государства путемъ договора. Второй вѣтвью правовой теоріи является такъ называемая патріархальная теорія. Эта теорія смотритъ на государство, какъ увеличившуюся семью, отецъ считается властелиномъ всего и всѣхъ. Это наивное и не обоснованное фактами воззрѣніе не приходится въ настоящее время даже опровергать. Третій подвидъ правовой теоріи составляетъ такъ называемая патримоніальная теорія. По этому воззрѣнію существованіе государства обосновывается тѣмъ, что оно покоится на правовомъ порядкѣ, охраняющемъ собственность и представляетъ собою продуктъ права. Цѣль государства заключается въ охраненіи общественнаго правового порядка. Хотя эту теорію можно понять съ исторической точки зрѣнія, но тѣмъ не менѣе мы не можемъ согласиться и съ ней. Дѣло въ томъ, что она не можетъ объяснить, откуда взялись это право и правовой порядокъ, къ защитѣ которыхъ она призвана. Она признаетъ также до-государственное право, которое однако никогда не существовало.

Уже у Платона и Аристотеля мы можемъ найти *этическое* обоснованіе государства; это воззрѣніе раздѣлялось особенно Христіаномъ Вольфомъ, Фихте и Гегелемъ, а также и болѣе новыми философами права. Это воззрѣніе покоится на нравственной идеѣ, что только внутри государства человѣческая личность можетъ достигнуть полнаго и высокаго развитія. Но эта этическая теорія тоже не выдерживаетъ критики. Единственно правильной является *психологическая теорія*. Она признаетъ, что государство представляетъ собою историческую необходимость, и что оно поэтому не можетъ быть результатомъ произвольнаго волевого акта человѣка. Она исходитъ далѣе изъ того факта, что вся государственная жизнь представляетъ собою не что иное, какъ выраженіе человѣческихъ дѣйствій, а эти послѣднія, вслѣдствіе стремленія человѣка къ общенію, нуждаются въ опредѣленной организаціи. Какъ бы ни былъ простъ человѣческій союзъ, будь онъ заключенъ для обороны и нападеній или для созидательной работы, онъ всегда нуждается въ извѣстной организаціи. Но эта организація не можетъ носить чисто фактическій характеръ. Она не можетъ вылиться исключительно въ нормы сношеній. Надежда на то, что этическія свойства людей, ихъ эгоистическіе интересы, ихъ разумъ будутъ сами собою въ состояніи установить равновѣсіе всѣхъ силъ, дѣйствующихъ одна противъ другой, представляетъ собою простое ослѣпленіе. Какъ насъ учитъ исторія, необходима наличность правовой защиты, установляющей разъ на всегда каждому отдѣльному человѣку границы, внутри которыхъ онъ можетъ дѣйствовать. Тамъ, гдѣ въ основу соціальныхъ учрежденій кладется индивидуальная «разумная» воля безъ какого-либо участія правового принужденія, тамъ, въ конечномъ счетѣ, мы имѣемъ дѣло не съ чѣмъ инымъ, какъ съ господствомъ силы. Дѣло въ томъ, что нѣтъ

масштаба, по которому предполагаемую разумную волю одного лица можно было бы отграничить отъ предполагаемой разумной воли другого лица. Только правовой порядокъ, *стоящій надъ всѣми индивидуумами* и обладающій полной властью и неограниченнымъ господствомъ, можетъ гарантировать каждому его свободу по мѣрѣ общественныхъ измѣненій и въ результатѣ борьбы различныхъ соціальныхъ группъ.

Вторая глава.

Элементы государства.

I.

Область государства.

1. Государство зиждется на физическомъ, матеріальномъ субстратѣ; только внутри извѣстныхъ пространственныхъ границъ оно можетъ проявить свою власть. Область государства представляетъ собою необходимый признакъ государства. Правовое значеніе сказывается въ отрицательномъ направленіи въ томъ, что въ данной области не можетъ господствовать какое-нибудь другое государство или какая-нибудь другая личность безъ разрѣшенія государства—властелина; въ положительномъ направленіи—въ томъ, что всѣ, живущіе въ этой области, будь это подданныя государства или иностранцы, подчинены государственной власти; даже, если связь, сдерживающая ихъ, не особенно крѣпка. Такимъ образомъ, государство, являясь территоріальной корпораціей, отличается тѣмъ самымъ отъ церкви, сферой вліянія которой служитъ духовная, внутренняя сторона человѣческой личности. Коммуны являются тоже территоріальными корпораціями, но онѣ получили свои права отъ государства, отъ котораго онѣ находятся въ зависимости. Политическіе и общественные союзы, художественные союзы, сословныя представительства не представляютъ собою, какъ и церковь, территоріальныхъ корпорацій; если они въ отдѣльныхъ случаяхъ и имѣютъ власть надъ человѣческой личностью, то все же эта власть никогда не покоится на территоріальной основѣ.

2. Государственная дѣятельность можетъ проявляться только въ границахъ опредѣленной области. Дѣло въ томъ, что въ одной и той же области высшая власть можетъ находиться только въ рукахъ *одного* какого-нибудь государства. Но все же имѣются исключенія. Это имѣетъ мѣсто при такъ наз. кондоминатѣ (совмѣстномъ государствѣ), когда одна какая-нибудь область является собственностью нѣсколькихъ государствъ; такое положеніе дѣлъ называется также Coimperium; примѣромъ можетъ служить Шлезвигъ-Гольштейнъ, который отъ 1864 до 1866 года находился въ рукахъ Пруссіи и Австріи, Баденское озеро, которымъ въ настоящее время владѣютъ граничащія съ нимъ государства, Боснія и Герцеговина, гдѣ господствуютъ Австрія и Венгрія. Исключеніе изъ этого правила составляетъ также *союзное государство*. Союзное государство, какъ и составляющее его каждое отдѣльное государство, пользуется властью надъ данной областью. При протекторатѣ и суверенитетѣ мы имѣемъ дѣло не съ первоначальнымъ, а съ производнымъ территоріальнымъ верховенствомъ, такъ какъ это верховенство обусловлено самоограниченіемъ государства, допускающаго его.

Сущность протектората заключается въ учрежденіи покровительства надъ внѣ-европейской страной, стоящей на болѣе низкой ступени политической и культурной жизни, причемъ государственная власть этой страны

остается въ силѣ, несмотря на всевозможныя фактическія и правовыя ограниченія. Протекторатъ представляетъ собою средство расширенія колоніальныхъ границъ государства. Англійская ость-индская компанія подготовила для Англіи учрежденіе протектората въ Индіи; она заключаетъ въ 1757—1791 г. г. и позднѣе между 1800—1833 г. г. договоры съ индійскими князьями; къ этимъ, главнымъ образомъ, торговымъ договорамъ присоединяются договоры относительно уступки земли, а также иногда и наступательные и оборонительные союзы. Типическими признаками такихъ договоровъ являются уплата дани англичанамъ, охраненіе англійскихъ интересовъ въ Индіи, путемъ административнаго контроля со стороны Англіи, укрѣпленіе англійскаго господства при помощи военной силы, назначеніе намѣстника, установляющаго гражданскій и уголовный судъ и обладающаго властью вводить таможенные налоги.

Немногимъ отличаются договоры, заключенные Нидерландами съ индійскими князьями, напримѣръ, съ Ассамскимъ княземъ (1846 г.). Сущность его заключается въ признаніи суверенитета нидерландскаго короля, объявленіе о принадлежности къ области нидерландской Индіи, запрещеніе уступки земель другимъ государствамъ, ограниченіе свободы договора съ ними. Подъ протекторатомъ Франціи находится Танти (1874 г.), Тунисъ (1881 и 1883 г. г.). Франція является представительницей этихъ государствъ во внѣшнихъ сношеніяхъ, оставляя имъ извѣстную свободу дѣйствія во внутреннемъ управленіи. Мадагаскаръ, находившійся раньше подъ протекторатомъ Франціи, сталъ съ 1896 года французской колоніей. Подъ протекторатомъ Италіи находится Санъ-Марино (съ 1862 г.), подъ протекторатомъ Англіи—Афганистанъ (съ 1879 г.).

Сюзеренитетъ означаетъ верховенство одного государства надъ другимъ, суверенитетъ котораго вслѣдствіе этого въ значительной степени ограничено. Такъ, подъ сюзеренитетомъ Турціи до 1866 года находились дунайскія княжества Молдавія и Валахія, до Берлинскаго конгресса 1878 года Сербія, и еще теперь—Болгарія и Египетъ. Правовыя отношенія къ Египту не измѣнились и послѣ фактическаго занятія Египта англичанами, имѣвшаго мѣсто въ 1882 году. До 1806 года Египетъ пользовался широкой независимостью; но затѣмъ сюзеренитетъ былъ юридически оформленъ, благодаря договорамъ между Англіей, Россіей, Австріей и Пруссіей, заключеннымъ 15 іюля 1840 года (Франція присоединилась къ нему въ 1841 г.) и благодаря фирманамъ 1841, 1873 и 1879 г. г. Египетъ независимъ въ извѣстныхъ границахъ. Вице-король назначается султаномъ и обладаетъ правомъ собирать подати. Египетская армія въ правовомъ отношеніи является частью турецкаго войска, и законы и договоры Турціи имѣютъ силу также и для Египта.

Сюзеренами надъ республикой Андоррой являются Испанія и Франція, Франція является сюзереномъ Камбоджи (1863 и 1883 г.) Англія является сюзереномъ трехъ государствъ на островѣ Борнео (съ 1888 г.) и Занзибарскаго султанства. Вслѣдствіе завоеванія, Англія считаетъ себя суверенным владѣльцемъ Судана. Наконецъ, съ 1898 года высшая власть надъ островомъ Куба находится въ рукахъ Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки.

3. Территорія государства охватываетъ не только поверхность земли, но и слои, находящіеся подъ нею, принципіально «вплоть до центра земли!». Это имѣетъ практическое значеніе въ горномъ дѣлѣ, при прокладываніи подземныхъ ходовъ, туннелей (желѣзныя дороги) и т. п. Воздухъ, находящійся надъ поверхностью земли, относится тоже къ территоріи государства. Это имѣетъ значеніе при проложеніи телеграфныхъ и телефонныхъ проводовъ, при воздухоплаваніи; отграниченіе области государства

въ этомъ направленіи важно на случай войны, а такъ же для выясненія положенія нейтральныхъ государствъ.

4. *Размѣры* территоріи государства имѣютъ также политическое значеніе. Увеличивающаяся плотность населенія ставитъ различныя препятствія людямъ разныхъ профессій и уменьшаетъ возможность добыванія средствъ пропитанія, особенно, если производительная сила страны не соотвѣтствуетъ потребностямъ, и если необходимъ постоянно увеличивающійся ввозъ продуктовъ. Тогда то возникаетъ проблема перенаселенія, причемъ мы должны замѣтить, что и тутъ мы всегда имѣемъ дѣло лишь съ относительнымъ перенаселеніемъ; и одновременно съ этимъ возникаетъ вопросъ объ *эмиграціи*, *расширеніи колоній* и въ недавнее время *имперіализмѣ*. Мы уже мимоходомъ коснулись сущности колоній. Что касается сущности эмиграціи, то мы только укажемъ читателю на нѣкоторыя цифры. Въ Германіи наблюдается постоянный приростъ населенія. Въ 1871 году въ ней насчитывалось $40^1/_2$ милліоновъ жителей, въ 1904 году—$59^1/_2$ милліоновъ. 1 Декабря 1905 года населеніе Германіи равнялось 60605183 человѣкамъ. Ежегодный приростъ населенія равняется, въ среднемъ, полумилліону; въ послѣдніе годы онъ достигаетъ даже 800000. Компетентные ученые находятъ невозможнымъ установить органическую связь между приростомъ населенія и эмиграціей. Большинство изъ нихъ не хочетъ ничего и слышать о перенаселеніи. Причиной эмиграціи, по ихъ мнѣнію, является не перенаселеніе, а совершенно другія обстоятельства. Безъ сомнѣнія, экономическія причины играютъ тутъ не послѣднюю роль. Въ періодъ времени между 1820 и 1870 г. г. въ одну только Америку эмигрировало 2,368,493 нѣмца. Послѣ основаніи Германской имперіи также 90—95% эмигрантовъ направились въ Соединенные Штаты. Цифры колеблются между 18,240 въ 1877 г. и 206,189 въ 1881 году. Промышленный подъемъ Германіи ослабилъ эмиграцію. Въ 1908 году изъ Германіи эмигрировало 33,649 въ 1904 году—2,608,5 лицъ. Что касается имперіалистскаго движенія, то ни въ коемъ случаѣ нельзя отрицать его политическаго и хозяйственнаго значенія.

II.

Народъ.

I. Народъ въ правовомъ смыслѣ. Народъ представляетъ собою сумму отдѣльныхъ лицъ, входящихъ въ составъ государства, совокупность членовъ государства, субъектъ государственной власти. Но народъ является также объектомъ государственной власти. Крайне важна, какъ активная, такъ и пассивная сторона взаимоотношенія государственной власти и народа. Оттѣняя послѣднюю сторону, мы приходимъ къ отожествленію государства и правительства и, въ концѣ концовъ, къ теоріи силы, такъ какъ каждая группа лицъ, принадлежащихъ къ государству, стремится къ достиженію власти. Между властителями и подданными существуетъ только политическое, но не правовое противорѣчіе. Это противорѣчіе покоится на расчлененіи отчасти активныхъ, отчасти пассивныхъ группъ, составляющихъ государственный союзъ. Въ дѣйствительности же властители представляютъ собою тоже народъ, такъ какъ они являются носителями общей воли, и ихъ существованіе немыслимо безъ отдѣльныхъ членовъ государственной корпораціи.

II. Народъ въ правовомъ смыслѣ не тожественъ съ народомъ въ естественномъ смыслѣ, съ національностью: со временъ Манцини подъ этимъ терминомъ понимаютъ естественную совмѣстную жизнь людей,

объединенныхъ между собой общимъ происхожденіемъ, общими нравами, обычаями, мѣстопребываніемъ, языкомъ, иногда религіей и сознающихъ себя одной соціальной единицей. Но это классическое опредѣленіе произвольно и крайне неясно. Почти ни у одного западноевропейскаго народа нельзя доказать полную общность происхожденія. Напротивъ, этнографическое изслѣдованіе обнаруживаетъ вездѣ смѣшеніе различныхъ расъ и родовъ. Чѣмъ больше людей входитъ въ составъ какой-нибудь національности, тѣмъ сильнѣе увеличивается различіе въ нравахъ и обычаяхъ. Общность языка тоже не можетъ играть рѣшающей роли, такъ какъ лица, говорящія на одномъ и томъ же языкѣ, могутъ не принадлежать къ одной и той же націи; такъ напримѣръ, лица, говорящія по англійски въ Америкѣ, Африкѣ и Азіи,—не англичане. Господство одной и той же религіи во всемъ государствѣ является только признакомъ недостаточной дифференціаціи и невысокой ступени культуры; рука объ руку съ ростомъ культуры идетъ развитіе индивидуальностей, что влечетъ за собой расколы въ религіозной жизни страны. Такимъ образомъ, отъ всѣхъ моментовъ, опредѣлявшихъ понятіе «національность», осталось въ силѣ только одно, а именно, что данные люди смотрятъ на себя, какъ на одну соціальную единицу. Этотъ моментъ, покоящійся на шаткомъ чувствѣ, является въ данномъ случаѣ рѣшающимъ и имъ можно объяснить значеніе національнаго чувства, его усиленія и притупленія. Съ исторической точки зрѣнія національное чувство было необходимой реакціей противъ наполеоновскаго мірового царства, противъ неправильно понятаго гуманизма вѣка просвѣщенія и послѣдней гегемоніи классиковъ въ концѣ восемнадцатаго вѣка.

Разница между народомъ въ правовомъ смыслѣ и народомъ въ естественномъ смыслѣ заключается въ томъ, что первый можетъ заключать въ себѣ различныя національности; такъ обстоитъ, напримѣръ, дѣло съ Австро-Венгріей, гдѣ имѣется много національностей. Съ другой стороны, одна какая-нибудь національность можетъ находиться подъ властью нѣсколькихъ государствъ, напримѣръ, славяне. Мы не можемъ признать правильнымъ то мнѣніе, согласно которому всякій народъ имѣетъ право основать для себя государство.

Щ. Характернымъ признакомъ новѣйшаго культурнаго развитія является признаніе каждаго отдѣльнаго лица субъектомъ правъ по отношеніи къ государству. Этимъ самымъ устанавливается наличность субъективныхъ публичныхъ правъ. Тотъ, кто отрицаетъ ихъ, защищаетъ всемогущество государства. Но тотъ, кто признаетъ существованіе субъективныхъ публичныхъ правъ, имѣетъ въ своихъ рукахъ два вѣскихъ аргумента: историкополитическое развитіе и позитивное право. Что касается перваго, то средніе вѣка теоретически, а абсолютное государство на практикѣ придерживались того взгляда, что государство сосредоточиваетъ въ себѣ всю власть и обладаетъ по отношенію къ подданнымъ только правами. Феодализмъ, смѣшивавшій публичное и частное права, тоже не могъ проложить путь понятію субъективнаго публичнаго права. Но зачатки теоріи субъективныхъ публичныхъ правъ имѣются уже въ средніе вѣка, а именно, въ договорахъ, которые заключались между государственной властью, съ одной стороны, и отдѣльными подданными, сословными группами, представителями профессій—съ другой. Исходной точкой этой теоріи служатъ льготныя грамоты и свидѣтельства, которыя пытались установить опредѣленный modus vivendi между властителями и страной. Ученіе объ индивидуальномъ правѣ свободнаго исповѣданія вѣры, возникшее подъ вліяніемъ реформаціи и религіозныхъ войнъ, особенно горячо защищалось въ Англіи и Шотландіи. Положительное признаніе это право получаетъ особенно въ американскихъ колоніяхъ Англіи. Хотя въ *Petitions of Right* 1626 года

и въ *Bill of Rights* 1689 года формально и признаются старыя права англійскаго короля, фактически же тутъ не только подтверждаются прежнія права страны, но и устанавливаются разграниченіе власти между короной и парламентомъ. Теоретики естественнаго права, особенно Локкъ, видѣли въ свободѣ выраженіе самой сущности человѣка и требовали установленія границъ для государственной власти, предназначенной для защиты жизни, свободы и собственности. Въ восемнадцатомъ вѣкѣ англійскій юристъ Блэкстонъ придалъ этимъ идеямъ форму правовыхъ нормъ. Конституціи американскихъ колоній Англіи, сдѣлавшихся суверенными, начинаются обыкновенно съ декларацій или биллей правъ (Declaration of Right, Bill of rights). Во Франціи, по предложенію Лафайетта, 26 августа 1789 года была издана декларація правъ человѣка и гражданина, которая была введена во всѣ слѣдующія французскія конституціи. Затѣмъ идетъ бельгійская конституціонная хартія 1831 года, конституціонная хартія 1848 и 1849 гг. въ Германіи и Австріи и почти всѣ нѣмецкія конституціи, за исключеніемъ конституціи Германской имперіи.

Такимъ образомъ, правовой порядокъ предоставилъ каждому кругъ интересовъ, защищаемый правомъ, и призналъ каждое лицо субъектомъ правъ по отношенію къ государству. Независимо отъ этого историко-политическаго развитія, существованіе субъективныхъ публичныхъ правъ признано всѣми отдѣльными государствами, которыя ввели административную юстицію. Дѣло въ томъ, что предпосылкой административной юстиціи является ограниченіе государственной власти закономъ и право каждаго индивидуума отстаивать свое публичное право даже противъ государственной власти. Мы не можемъ раздѣлить мнѣній Лабанда и Отто Майера, которые утверждаютъ, что субъективнаго публичнаго права вообще не было, что имѣлись только рефлексы извѣстныхъ публичныхъ правъ и что этимъ создано только состояніе сравнительной обезпеченности по отношенію къ государственной власти, которая сама по себѣ абсолютна. Эта теорія не можетъ выяснить сущности рефлективнаго права; она также не въ состояніи выставить какіе-либо вѣскіе доводы противъ вышеприведенныхъ основаній, говорящихъ за существованіе субъективныхъ публичныхъ правъ.

IV. Другимъ объективнымъ признакомъ народа является то, что члены народа признаютъ себя подданными государства. Правда, съ ростомъ культуры государство, по своей сущности, можетъ регулировать до извѣстной степени лишь *внѣшнія* правленія общественной жизни и не можетъ подчинить внутреннюю жизнь человѣка какимъ-либо законодательнымъ актамъ. Что касается внутреннихъ жизненныхъ условій, обычаевъ, морали и религіи, то на нихъ оно не можетъ распространить свою власть. Во внѣшней жизни каждое отдѣльное лицо является въ большинствѣ случаевъ подданнымъ государства. Оно можетъ быть 1. Природнымъ жителемъ 2. Иностранцемъ. Иностранецъ принимается въ расчетъ: а) постольку, поскольку онъ обладаетъ земельной собственностью за границей, в) постольку, поскольку онъ поселился въ данной странѣ, с) постольку, поскольку онъ только проживетъ въ данной странѣ. Но рѣшающую роль играетъ всегда намѣреніе вернуться на родину.

Имя «гражданинъ» употребляется въ смыслѣ подданнаго, обладающаго политическими правами, слѣдовательно, такъ наз. активнаго полноправнаго гражданина. Подданство можетъ быть пріобрѣтено или на основаніи принципа территоріальности, т. е. на основаніи принципа территоріальной власти, или на основаніи, такъ называемаго, принципа персональности, т. е., въ зависимости отъ принадлежности родителей къ данному государству. Въ первомъ случаѣ человѣкъ считается подданнымъ государства потому, что постоянно живетъ въ немъ. На основаніи принципа

личной власти рѣшающимъ моментомъ является *происхожденіе* отъ подданнаго государства. Послѣдній принципъ господствуетъ въ государственной практикѣ новѣйшаго времени. Но оба эти принципа могутъ быть комбинированы такъ, что для родившихся за границей дѣтей подданныхъ имѣетъ силу принципъ персональности, а въ остальныхъ случаяхъ принципъ территоріальнаго верховенства. Но человѣкъ можетъ пріобрѣсти подданство не только путемъ рожденія, но и путемъ легитимаціи и натурализаціи. Это можетъ быть или особымъ правовымъ дѣйствіемъ, административнымъ актомъ или результатомъ вступленія въ бракъ, поступленія на государственную службу. Прекращеніе подданства можетъ произойти тоже различнымъ образомъ. И здѣсь рѣшающую роль играетъ принципъ персональности или территоріальности. Для Германіи въ данномъ случаѣ имѣетъ силу законъ 1 іюня 1870 года. Несогласованность законодательствъ различныхъ государствъ приводитъ къ тому, что одинъ и тотъ же человѣкъ можетъ быть подданнымъ нѣсколькихъ государствъ (sujet mixte), или ни одно государство не захочетъ имѣть его своимъ подданнымъ. Принадлежность къ нѣсколькимъ государствамъ представляетъ собою аномалію и, для устраненія вытекающихъ отсюда трудностей, государства неоднократно заключали между собою договоры; между Германіей и Сѣверной Америкой такіе договоры были заключены при посредничествѣ Банкрофта (такъ наз. банкрофтскіе договоры). Подданному противопоставляется иностранецъ. Его положеніе, въ сравненіи съ подданнымъ, хуже въ томъ отношеніи, что онъ не имѣетъ права на постоянное пребываніе въ государствѣ и можетъ всегда быть высланъ за предѣлы данной страны.

III.

Государственная власть.

Третьимъ признакомъ государства является прочная организація его, высшая власть, государственная власть. Хотя другіе союзы внутри государства и образуютъ единицы и должны имѣть волю, являющуюся верховной въ границахъ этого союза, но эти не государственные союзы не могутъ собственною властью осуществлять свое господство, и всякій индивидуумъ можетъ въ любой моментъ уклониться отъ ихъ власти. Такъ обстоитъ дѣло съ всевозможными союзами, акціонерными обществами, религіозными и свѣтскими общинами, съ округомъ, провинціей. Въ противоположность имъ, государство обладаетъ насильственной, высшей, безусловной властью, отъ которой подданный можетъ уклониться только съ разрѣшенія его самого. Однако такое положеніе существуетъ только съ момента консолидаціи новѣйшаго государства; въ средніе вѣка существовали многочисленные союзы не-государственнаго характера, особенно союзы сословныхъ представителей, которые являлись средоточіемъ власти, враждебно относившейся къ государству. Но въ настоящее время государству подчинены, какъ сословныя представительства, такъ и общины, округа и провинціи. Власть не-государственныхъ факторовъ никогда не можетъ быть первоначальной, она всегда производна. Поэтому естественно-правовая теорія муниципальной власти (pouvoir municipal), имѣвшая особенное значеніе во время французской революціи и господства коммуны и игравшая большую роль во французской литературѣ революціонной эпохи и въ Бельгіи, не вѣрна. Въ нѣмецкихъ конституціонныхъ территоріяхъ имѣется еще и теперь отзвукъ этой pouvoir municipal: въ конституціяхъ (по крайней мѣрѣ отчасти) признанъ принципъ *права самоуправленія*.

Такимъ образомъ, государство является высшей земной силой; его

власть фактически неограничена, такъ какъ нѣтъ высшей силы, которой оно было бы подчинено. Однако, государство само себя ограничиваетъ конституціей и законами. Государство имѣетъ полное право объявить свои законы недѣйствительными; но пока они существуютъ, имъ должны подчиняться не только подданные, но и сама государственная власть. Это вытекаетъ, съ одной стороны, изъ самой природы государства, которое складывается изъ отдѣльныхъ членовъ и необходимымъ условіемъ котораго является взаимное дѣйствіе частей и цѣлаго. Съ другой стороны, изъ того, что право стоитъ надъ государствомъ, вытекаетъ самоограниченіе государства. Государство является не только чисто фактической властью; сущностью государства является установленіе правового порядка вообще. Поэтому въ установленіи конституціи и изданіи законовъ заключается дѣятельность, свойственная сущности государства. Власть государства ограничена кромѣ того его собственной волей (особенно въ международномъ правѣ), а также потребностями и цѣлями государства. Игнорированіе этой возможности ограниченій покоится на томъ, что ученые обыкновенно искали только внѣшнихъ силъ, которыя были бы въ состояніи ограничить государственную власть; а такія внѣшнія силы не могли быть найдены. Но ограниченіе государственной власти основано на внутреннихъ моментахъ, на потребности рѣзко отграничить сферу индивидуальной дѣятельности и общественной власти. Юридическое ограниченіе государственной власти не заключается въ нравственныхъ законахъ; они представляютъ собою лишь фактическую границу, такъ какъ государство не является выполнителемъ нравственнаго порядка и носителемъ этическихъ постулатовъ, хотя оно представляетъ собою частичное явленіе нравственнаго мірового порядка. Съ этой точки зрѣнія и надо относиться къ проблемѣ «*Государство и мораль*». Имѣется и должна имѣться государственная мораль, отличная отъ индивидуальной морали; она должна отличаться отъ нея, такъ какъ условія существованія государственнаго союза совершенно иныя, чѣмъ условія существованія отдѣльнаго человѣка. Возвышенныя требованія «этической культуры» разбиваются уже по одному тому, что государства нашей вселенной должны постоянно конкурировать, враждовать и бороться другъ съ другомъ, или по меньшей мѣрѣ, между ними должны происходить столкновенія на почвѣ противоположности интересовъ. Чѣмъ больше міровыя сношенія, міровая торговля, стремленіе къ расширенію границъ, тѣмъ ожесточеннѣе эта борьба. И *это такъ и должно быть*, такъ какъ борьба составляетъ смыслъ жизни. Несмотря на вышеуказанную возможность самоограниченія, государственная власть является *высшей* державной властью. Слѣдующіе четыре признака являются характерными для государственной власти: а) она всеобъемлюща. Это проявляется въ двухъ направленіяхъ. Государство можетъ регулировать всѣ условія, касающіяся его территоріи и подданныхъ; и по содержанію своему государственная власть тоже всеобъемлюща. Поэтому мы находимъ здѣсь излишнимъ перечислять отдѣльныя функціи и правомочія государственной власти и, особенно, ея различныя верховныя права. в) Государственная власть является верховной властью. с) Государственная власть также суверенна. Мнѣніе, что суверенитетъ является *свойствомъ* государства, высказано сравнительно недавно. Обыкновенно суверенитетъ отожествляютъ съ государственной властью. Это неправильно. Наблюдая исторически понятіе суверенитета, мы увидимъ, что онъ является свойствомъ государства.

По *Аристотелю*, важнѣйшимъ характернымъ признакомъ государства является его аутаркія (самодостаточность Autarkia), благодаря которой оно становится союзомъ, дополняющимъ человѣка. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ понятіемъ самоудовлетворенія, самодостаточности государства, ко-

торое не имѣетъ ничего общаго съ суверенитетомъ. Въ Римѣ представленіе о суверенномъ государствѣ осталось чуждымъ, такъ какъ практическіе римляне находили неудобнымъ возбуждать вопросъ о самостоятельности союзныхъ народовъ. Но уже и здѣсь вопросъ, кто является высшей властью въ государствѣ, кто, слѣдовательно, является носителемъ или органомъ, фактически всемогущей государственной власти, рѣзко отграничивается отъ вопроса о томъ, независимо ли само по себѣ государство. Несмотря на это, *средніе вѣка* заимствовали съ различными измѣненіями эту теорію и выставили теорію perfecta communitas, которую признавалъ еще и Гроцій. Въ *новѣйшемъ государствѣ* понятіе суверенитета явилось результатомъ борьбы государства съ а) церковью, в) съ имперіей, с) съ крупными ленными властелинами и d) съ вошедшими въ настоящее время въ его составъ корпораціями. Что касается феодализма, то онъ является носителемъ власти сеньора и врагомъ самостоятельнаго государства. Во Франціи главнымъ образомъ власть бароновъ была такъ велика, что французское королевство было вынуждено, подъ страхомъ политическаго уничтоженія, образовать единое государство. Благодаря гуманизму и реформаціи, свергнувшей съ трона церковное владычество, французской коронѣ удалось создать единое государство. Итоги предшествовавшаго развитія подводитъ *Бодэнъ*. По его мнѣнію, государство является упорядоченнымъ господствомъ надъ множествомъ домохозяйствъ, обладающее суверенной, т. е., во внѣ и внутри высшей и независисимой властью. До него суверенитетъ обозначалъ внѣшнюю независимость, и только у него «souverain» изъ сравнительной степени превращается въ превосходную, superioritas—въ suprema potestas. Отсюда—souverenitas, суверенитетъ. Но, такъ какъ суверенитетъ, по опредѣленію Бодэна, носилъ вначалѣ исключительно отрицательный характеръ и означалъ, что государство независимо отъ власти церкви, имперіи, сословій, то Бодэнъ попытался вложить въ него положительное содержаніе. Но здѣсь онъ ставитъ на одну доску съ государственной властью права лица, обладающаго суверенной властью. Бодэнъ строитъ понятіе о содержаніи суверенитета слѣдующимъ образомъ: онъ считаетъ государственныя функціи, являвшіяся въ то время привелегіей французскаго короля, привилегіями государственной власти *вообще* и обобщаетъ этотъ взглядъ. Такъ же обстояло дѣло и въ Англіи, гдѣ уже норманскій король Вильгельмъ старался укрѣпить государственную власть, урѣзанную сословнымъ представительствомъ. Теорія высшей власти государства пробиваетъ себѣ путь значительно позднѣе, а именно, когда Гоббсъ попытался объяснить содержаніе суверенитета государственными цѣлями и снабдилъ понятіе суверенитета привилегіями, которыми фактически обладалъ англійскій король. Точно также Локкъ обобщилъ англійскія государственныя отношенія въ той ихъ формѣ, какую они приняли послѣ революціи 1688 года. Начиная съ 17 вѣка въ Англіи замѣтно вліяніе теоріи Бодэна. Съ этого времени всякая государственно-правовая теорія обнаруживаетъ тенденцію придать понятію государственной власти положительное содержаніе, и, такимъ образомъ, теорія постепенно возводитъ всѣ права, которыми фактически обладалъ монархъ на степень такихъ правъ, которыми монархъ долженъ обладать; слѣдовательно монархъ объединяетъ въ себѣ всю власть. Такъ прокладываетъ себѣ путь идея *абсолютизма*, господствовавшая до французской революціи. Она, какъ это ни странно, часто ищетъ себѣ опору въ идеѣ *народнаго суверенитета*, въ которомъ нерѣдко видятъ источникъ суверенитета князей. Народъ является выразителемъ общей воли, но для того, чтобы избѣжать всеобщей борьбы всѣхъ противъ всѣхъ, онъ передаетъ свою власть *одному* лицу, властелину. Суверенитетъ князей достигаетъ апогея своего развитія въ 17, 18 и, нако-

нецъ, въ 19 столѣтіи, подъ вліяніемъ такъ называемаго монархическаго принципа, который провозгласилъ подавленіе всѣхъ оппозиціонныхъ княжескому абсолютизму элементовъ и дѣйствовалъ сообразно этому. Съ возникновеніемъ германскаго союза (1815 годъ) этотъ принципъ сталъ рѣзко противорѣчить народному суверенитету, что повлекло за собой гоненіе, направленное противъ всякой демократической политики. Но княжескій, національный и народный суверенитетъ все это лишь красивыя слова, прикрывающія различныя политическія стремленія. Юридическимъ понятіемъ является понятіе суверенитета государства, который представляетъ собою свойство государственной власти, дѣлающее ее высшей властью въ странѣ. Крайне ошибочно видѣть въ суверенитетѣ свойство безграничности, такъ какъ государственная власть ограничивается своей собственной волей, свободной въ правовомъ смыслѣ, государственными цѣлями, затѣмъ союзной природой государства, наконецъ, необходимостью правовой организаціи и самоограниченія государства; въ то же время она не перестаетъ быть государственной властью. Поэтому суверенитетъ является способностью къ правовому самоопредѣленію. Онъ не тожественъ съ государственной властью, онъ представляетъ собою только свойство ея; онъ не является также выраженіемъ всемогущества и безграничности государства.

Такимъ образомъ, на вопросъ, является ли суверенитетъ въ старой, данной ему Бодэномъ, формулировкѣ существеннымъ признакомъ государственной власти, мы должны отвѣтить отрицательно. Средневѣковое «отдѣльное государство», надъ которымъ красовался имперскій орелъ, не было суверереннымъ государствомъ, но оно было въ то же время государствомъ. Могущественныя государства находились въ ленныхъ отношеніяхъ къ другимъ государствамъ, но все же они оставались государствами. Ни Ганзейскіе города, заключавшіе государственные союзы, ни властелины отдѣльныхъ государствъ не являются суверенными; но всѣ они, безъ сомнѣнія, обладали государственной властью. Поэтому строй современныхъ союзныхъ государствъ не связанъ съ старымъ понятіемъ суверенитета. Союзное государство представляетъ собою тоже государство. Суверенитетъ, т. е. способность правового самоопредѣленія и самоограниченія не является рѣшающимъ моментомъ государства, какъ такового. Въ дѣйствительности, только союзное государство обладаетъ суверенитетомъ.

Четвертымъ признакомъ государственной власти является недѣлимость ея. Недѣлимость власти вытекаетъ изъ представленія объ единствѣ государства и имѣла большое значеніе, какъ противовѣсъ патримоніально-частноправовому воззрѣнію, господствовавшему вплоть до 16 вѣка. Современное публично-правовое познаніе государства основано на идеѣ его недѣлимости. И только съ этой точки зрѣнія государство не является чѣмъ то сливающимся съ личностью монарха и не представляетъ собою союза, которымъ управляютъ на основаніи частно-правовыхъ представленій о собственности; оно скорѣе покоится на собственномъ центрѣ тяжести и носитъ характеръ чего то вещественнаго, цѣльнаго.

Функціи цѣльнаго самого по себѣ государства, не смотря на все ихъ разнообразіе, могутъ быть сведены къ тремъ главнымъ типамъ: законодательство, правосудіе и администрація (управленіе). Теорія раздѣленія государственныхъ властей основана на томъ, что функціи государства могутъ быть раздѣлены между нѣсколькими лицами или группами лицъ. Эту теорію раздѣленія властей (séparation des pouvoirs) Монтескье выставилъ въ 1748 году въ своемъ сочиненіи «Духъ законовъ» («Esprit des lois»); онъ заимствовалъ ее у Локка. Она исходитъ изъ того, что политическія и гражданскія свободы подданныхъ могутъ быть имъ гарантированы только тогда, когда три общія функціи государства (законодательство,

правосудіе и управленіе) находятся въ рукахъ не *одного* лица, а являются самостоятельными правами различныхъ лицъ, равныхъ и взаимно уравновѣшивающихъ другъ друга. Этимъ самымъ выставлено политическое требованіе, которое можетъ быть осуществлено подъ различными формами и въ различномъ объемѣ въ законодательствѣ отдѣльныхъ государствъ; но, при послѣдовательномъ проведеніи, оно можетъ оказаться опаснымъ для единства государственной власти.

Третья глава.

Цѣли государства.

Съ конца восемнадцатаго столѣтія ученіе о цѣляхъ государства, съ одной стороны переоцѣнивалось, а съ другой—недооцѣнивалось. Поэтому крайне важно уяснить себѣ эту проблему и установить ея значеніе. Что касается самой проблемы, то въ ученіяхъ о цѣли государства мы должны различать три главныя постановки вопроса. Можно ставить вопросъ, какова конечная цѣль государства въ общемъ ходѣ историческаго развитія. На этотъ вопросъ нельзя отвѣтить при помощи средствъ эмпирическаго изслѣдованія, и съ точки зрѣнія ученія о государствѣ онъ, по своей постановкѣ, относится къ метафизикѣ. Во вторыхъ, можно ставить вопросъ, какую цѣль имѣетъ опредѣленное государство, напр., Пруссія, Баварія и т. п., въ противоположность государству вообще. Но и такая постановка вопроса крайне неопредѣленна и расплывчата. Поэтому правильнымъ мы можемъ признать только третью постановку вопроса, а именно, вопросъ объ отношеніяхъ государства къ индивидуальнымъ цѣлямъ, т. е. къ цѣлямъ, преслѣдуемымъ каждымъ отдѣльнымъ подданнымъ. Уже въ самой сущности государства лежитъ понятіе цѣли, такъ какъ, только благодаря наличности цѣли, объединенная въ государствѣ масса представляется намъ единой. Практическое значеніе проблемы цѣли заключается въ слѣдующемъ: безъ знанія цѣли невозможно понять непрерывность государства. Обоснованіе государства также обусловлено теоріей цѣли. Дѣло въ томъ, что хотя ученіе объ обоснованіи государства доказало необходимость государства, независимо отъ какихъ либо цѣлей,—все же оно получаетъ матеріальное содержаніе только при ссылкѣ на цѣли государства. Но ученіе о цѣли государства имѣетъ также значеніе и для практической политической жизни, такъ какъ противоположности большей части политическихъ партій обусловлены противоположностями воззрѣній на цѣли государства. Это воззрѣніе на цѣли государства обнаружилось также и въ различныхъ конституціяхъ, яснѣе всего въ конституціи Германской Имперіи, по которой цѣлью Германіи является защита территоріи отъ внѣшнихъ враговъ, охрана правъ и попеченіе о благосостояніи народа.

Что касается отдѣльныхъ теорій цѣли, то эвдемонистически-утилитарная теорія считаетъ цѣлью государства благосостояніе индивида и общества. Но эта теорія не можетъ быть признана, такъ какъ понятіе блага, общаго благосостоянія, крайне расплывчато и неопредѣленно, такъ что ему можно придать любое значеніе. Общимъ благомъ считается то, что является благомъ по мнѣнію носителей власти; поэтому теорія, стремящаяся къ наибольшему счастью возможно большаго числа людей, приводитъ, съ одной стороны, къ самымъ грубымъ вторженіямъ въ индивидуальную жизнь, какъ это имѣло мѣсто въ вѣкъ просвѣщеннаго абсолютизма; или же она, какъ

мы это видимъ въ коммунистическихъ теоріяхъ, ведетъ къ уничтоженію свободныхъ умственныхъ интересовъ, которые по самой своей природѣ, могутъ быть достояніемъ лишь меньшинства; поэтому и здѣсь не можетъ быть и рѣчи о счастьи возможно большаго числа людей. Точно такъ же не выдерживаетъ критики теорія, которая видитъ цѣль государства въ осуществленіи справедливости и моральнаго благосостоянія (Платонъ, Аристотель, Гегель, Шталь). Дѣло въ томъ, что по этой теоріи критеріемъ нравственности, являются моральныя и религіозныя убѣжденія носителей власти; къ тому же эта теорія упускаетъ изъ виду тотъ фактъ, что нравственность не можетъ быть осуществлена средствами внѣшняго воздѣйствія. Третья теорія, называемая правовой теоріей, считаетъ цѣлью государства безопасность, свободу и право. Представителями ея являются Спиноза, Локкъ и Кантъ. Хотя эта теорія, какъ протестъ противъ теоріи всемогущества государства, вполнѣ понятна и имѣетъ хорошія стороны, но она все же слишкомъ узка. Дѣло въ томъ, что она крайне односторонне выдвигаетъ только одну, хотя и важную, часть государственной дѣятельности.—Мы сможемъ найти правильное ученіе о цѣли государства только тогда, когда мы оставимъ въ сторонѣ абсолютныя цѣли государства и будемъ разсматривать только тѣ теоріи, *которыя выводятъ цѣль государства изъ сознанія даннаго народа въ данную эпоху.* По этой теоріи цѣлью государства является *не* регулированіе внутренней жизни человѣка, а только защита и содѣйствіе ей; главною цѣлью государства является проявленіе такой дѣятельности, которая имѣетъ въ виду внѣшнія взаимоотношенія людей и ихъ общіе интересы, причемъ государство прибѣгаетъ къ внѣшнимъ средствамъ. Правда, при этомъ приходится отличать дѣятельность однихъ государствъ отъ дѣятельности другихъ; но все же есть моменты, которые встрѣчаются во всякомъ государствѣ, хотя они и принимаютъ различныя формы. Это—созданіе и охрана правопорядка, что является основой всего государственнаго существованія и развитія. Но эта цѣль должна итти рука объ руку съ культурной цѣлью, т. е., съ выполненіемъ тѣхъ задачъ государства, которыя содѣйствуютъ умственнымъ, нравственнымъ и экономическимъ интересамъ страны. Какъ далеко можетъ заходить вмѣшательство государства, это зависитъ отъ даннаго культурнаго уровня народа, отъ часто измѣняющагося взгляда на отношеніе индивидуума къ обществу, отъ потребностей всего общества и отдѣльныхъ членовъ его. Только правильное соединеніе всеобъемлющей культурной цѣли съ правовой можетъ привести къ желаемому результату. Здѣсь уже содержится идея о національной цѣли государства, состоящая въ томъ, что задачей государства является защита территоріи противъ вторженій извнѣ и сохраненіе и усиленіе самого государства. Къ имманентнымъ цѣлямъ всякой общины, выполненіе которыхъ необходимо для сохраненія ея, присоединяются еще различныя цѣли, обусловленныя временными обстоятельствами, географическимъ положеніемъ, экономическими и культурными потребностями. Задачей политика, государственнаго дѣятеля является правильное познаніе этихъ цѣлей и умѣнье осуществлять ихъ при помощи всѣхъ интеллектуальныхъ и этическихъ силъ, при помощи воли, пользующейся солидными средствами.

ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА.

Ученіе о государственныхъ формахъ и конституціяхъ.

I.

Государственныя формы.

Ученіе о государственныхъ формахъ разсматриваетъ тѣ различія, которыя обнаруживаются государствами, какъ въ характерѣ государственной власти, такъ и въ характерѣ лицъ, образующихъ волю государства. Уже Аристотель раздѣлилъ государственныя формы на три слѣдующія группы:

1. Базилейя (единодержавіе, монархія).
2. Аристократія.
3. Политейя (господство народа, демократія).

Рѣшающимъ моментомъ здѣсь является то, находится ли государственная власть въ рукахъ одного человѣка, или въ рукахъ опредѣленнаго привилегированнаго класса или сословія, или въ рукахъ всего народа. Этому раздѣленію соотвѣтствуютъ три подвида: 1) тираннія или деспотія; она соотвѣтствуетъ монархіи и основана на самодержавіи монарха; 2) олигархія, обнаруживающая большую склонность переходить въ плутократію, т. е. въ господство матеріально обезпеченнаго класса; 3) охлократія или демагогія, т. е., господство черни, господство неимущихъ классовъ. Нѣкоторые ученые различаютъ еще теократію. По этому воззрѣнію властелиномъ государства является одинъ только богъ; лица, властвующія въ государствѣ, дѣйствуютъ его именемъ. Это воззрѣніе встрѣчается въ двухъ формахъ. Или король считаетъ себя помазанникомъ Бога, или священники, составляющіе аристократію, считаютъ себя «намѣстниками бога». Въ первомъ случаѣ эта государственная форма совпадаетъ съ монархіей или тираніей, во второмъ—съ аристократіей или олигархіей.

Многіе различаютъ также смѣшанные типы, т. е. когда аристократическія учрежденія встрѣчаются въ демократическихъ государствахъ или монархическіе элементы въ демократіи и т. п. Наконецъ, различаются еще три побочныя формы. 1) Абсолютная монархія, при которой подданные считаются пассивной массой и не обладаютъ никакими правами. 2) Часть подданныхъ, а именно высшіе классы имѣютъ право принимать участіе въ управленіи страной, особенно въ финансовомъ и военномъ дѣлѣ. Это имѣетъ мѣсто въ ленномъ и сословномъ государствѣ. 3) Всѣ классы народа обладаютъ политическими правами, которыми они пользуются или непосредственно или черезъ своихъ замѣстителей; это — чистая или представительная демократія.

Что касается *демократіи*, то здѣсь власть концентрируется въ рукахъ всѣхъ гражданъ, независимо отъ того, богаты ли они или бѣдны, причемъ каждый имѣетъ право участвовать въ государственной власти. Тѣмъ не менѣе и здѣсь остаются исключенными женщины, дѣти, душевнобольные, осужденные, которые, всѣ вмѣстѣ взятые, составляютъ приблизительно $^{6}/_{10}$ всего населенія. Но и остальные $^{4}/_{10}$ только на первый взглядъ обладаютъ государственной властью, такъ какъ демократія основывается на принципѣ большинства. Здѣсь рѣшающую роль играетъ число, а не цѣнность отдѣльныхъ личностей, такъ что становится необходимымъ господство низшихъ слоевъ народа, составляющихъ вездѣ большинство населенія. Такимъ образомъ возникаетъ опасность, что пострадаютъ болѣе высокія формы дѣятельности въ политической жизни, наукѣ и искусствѣ, и передъ нами предстанетъ классовое господство, въ основѣ котораго лежатъ лишь матеріальные интересы. Дальнѣйшимъ недостаткомъ демократіи является непрочность ея существованія, зависимаго отъ непостояннаго

настроенія народа; поэтому она легко можетъ перейти въ свою крайность-цезаризмъ, какъ это имѣло мѣсто при Наполеонѣ I, Наполеонѣ III и, отчасти, при Буланже.

Отличаютъ непосредственную или неограниченную (абсолютную) демократію отъ посредственной или представительной демократіи. Первая форма имѣется на лицо тогда, когда власть находится непосредственно въ рукахъ народныхъ собраній, составленныхъ изъ всѣхъ полноправныхъ гражданъ. Такъ обстояло дѣло въ городскихъ республикахъ древности, особенно въ Аѳинахъ; теперь эту форму мы можемъ встрѣтить лишь въ немногихъ швейцарскихъ кантонахъ. Рѣшенія выносятся народнымъ собраніемъ, засѣдающимъ подъ предсѣдательствомъ ландамтмана, или происходитъ такъ называемый референдумъ, народное голосованіе; при этомъ въ государствѣ можетъ существовать или система обязательнаго референдума, или система факультативнаго референдума; референдумъ называется факультативнымъ тогда, когда законъ предоставляется на голосованіе народа, лишь по требованію опредѣленнаго числа гражданъ. Непосредственная демократія возможна лишь при небольшомъ числѣ политически полноправныхъ лицъ, т. е. въ небольшихъ государствахъ.

Представительная демократія заключается въ томъ, что хотя государственная власть и находится юридически въ рукахъ всего народа, но всѣ государственныя функціи выполняются извѣстными органами, а не самимъ народомъ: граждане выбираютъ представителей, которымъ поручается какъ законодательная, такъ и исполнительная власть. Образцомъ этой формы государства являются Соединенные Штаты Сѣверной Америки. Затѣмъ идетъ Франція, гдѣ съ 1793 года государственная власть находится въ рукахъ парламента, палаты и сената, затѣмъ швейцарскій союзный совѣтъ. Представительная демократія имѣетъ то преимущество, что здѣсь болѣе упрочено образованіе воли государства. Однако и здѣсь склонности и мнѣнія избирателей играютъ большую роль. Устранить неудобства здѣсь крайне трудно, такъ какъ даже при отклоненіи дѣленія на законодательство, правосудіе и управленіе, окончательное рѣшеніе находится въ рукахъ власти, издающей законы. Обѣ формы демократіи обыкновенно связаны съ парламентаризмомъ, гдѣ высшая власть находится въ рукахъ народа, а правительство представляетъ собою только какъ бы комиссію парламентскаго большинства.

При *аристократическомъ* строѣ государственная власть находится въ рукахъ одного какого-нибудь господствующаго класса или господствующаго рода, пользующагося политическими правами, тогда какъ остальные классы являются подчиненными. Причины возникновенія аристократіи могутъ быть весьма различны; могло случиться, что маленькій народъ покорялъ себѣ болѣе крупный народъ, или что опредѣленное сословіе могло себѣ создать привилегированное положеніе при помощи моральной, умственной и матеріальной силы. Власти могли добиться или классы, ведшіе войну, или крупные землевладѣльцы или богатые купцы. Аристократическая форма государства всегда обнаруживаетъ тенденцію стать наслѣдственной, не только для одной семьи, но для цѣлой *группы* семействъ. Аристократическая форма государства сама по себѣ не имѣетъ ничего общаго съ аристократіей страны. Къ аристократіи принадлежатъ тѣ лица, которыя занимаютъ въ обществѣ привилегированное положеніе, благодаря своему благородному происхожденію, крупному состоянію, особымъ расовымъ свойствамъ или которыя черезъ посредство своихъ членовъ оказываютъ большое вліяніе на государство. Напротивъ, аристократія, какъ государственная форма, обусловлена только тѣмъ, что опредѣленная общественная группа или сословіе стремится къ достиженію власти. Правда, благодаря особой исключительности, дифференціаціи дѣятельностей и выс-

шимъ политическимъ задачамъ, лица, принимающія участіе въ аристократическомъ образѣ правленія, обыкновенно становятся выше толпы. Но аристократія не представляетъ собою цѣнной государственной формы, такъ какъ она покоится на эгоистическихъ дѣйствіяхъ и стремленіяхъ ограниченной группы. Аристократическая форма государства не смогла дожить до нашихъ дней.

Что касается *монархіи*, то подъ ней понимается та форма государства, при которой вся государственная власть или большая часть ея находится въ рукахъ одного человѣка, не связаннаго правовой отвѣтственностью, въ теченіе всей его жизни. Виды монархіи крайне различны. Греческое и германское королевства были лишь родовыми монархіями, и король былъ только предсѣдателемъ въ народномъ собраніи и предводителемъ войскъ. Въ Греціи монархія приближается къ демократіи, а въ Германіи—къ ленному королевству. Рѣзче развился государственный элементъ у римскихъ царей. Правда, вначалѣ и тутъ мы имѣемъ дѣло съ родовой монархіей, но постепенно становится все болѣе и болѣе яснымъ, что въ рукахъ монарховъ находилась государственная власть, которая, однако, не передавалась по наслѣдству. Франкское королевство постепенно развивается въ современную монархію. Оно сложилось изъ римскихъ и германскихъ учрежденій и идей. Вплоть до начала феодализма княжеская власть или была властью чиновника, т. е. князь получалъ власть отъ номинальнаго властителя, отъ императора, или эта власть зависѣла отъ соглашенія свѣтскихъ и духовныхъ властелиновъ. Но вслѣдствіе частно-правоваго воззрѣнія на государственную жизнь допускалась дѣлимость княжеской территоріи и наслѣдственная передача ея многимъ наслѣдникамъ послѣдняго властелина. Результатомъ этого было расщепленіе монархической власти, что неблагопріятно отзывалось, какъ на экономическомъ, такъ и на политическомъ положеніи страны. Поэтому проницательные князья стремились осуществлять принципъ недѣлимости. Но тѣмъ временемъ сословная власть становилась все въ болѣе и болѣе рѣзкую оппозицію къ княжеству, такъ что послѣдняя обладала лишь небольшимъ количествомъ правъ. Собранія сословныхъ представителей, на которыхъ присутствовали представители духовенства, дворянства и городовъ, и которыя являлись прототипомъ позднѣйшихъ парламентовъ, заключали договоры съ князьями относительно большого числа верховныхъ правъ. При наступившихъ денежныхъ затрудненіяхъ князья должны были довольствоваться тѣми суммами, которыя по ихъ просьбѣ отпускались имъ сословіями. Но, несмотря на то, что власть сословій достигла своего высшаго развитія, ихъ вліяніе должно было прекратиться. Княжеская власть была вынуждена, подъ страхомъ своего собственнаго уничтоженія, основать единую государственную власть, которая препятствовала бы дробленію государственныхъ силъ, обусловленному сословной свободой. Это не могло произойти безъ долгой, упорной борьбы. Прежде всего въ Англіи завоевателямъ—норманнамъ удалось сосредоточить государственную власть въ своихъ рукахъ. Во Франціи эта цѣль была достигнута путемъ страшныхъ кровопролитій въ царствованіе Людовика XI. Въ Германіи не могло образоваться единодержавное королевство; тамъ высшіе дворяне стали владѣтельными князьями и абсолютно господствовали вплоть до конца XVIII столѣтія. Новыя формы государства, появившіяся въ XIX вѣкѣ и послужившія основой представительной монархіи, могли быть возможны только послѣ образованія государственной власти, представляющей собою результатъ долгой борьбы абсолютной власти съ сословной. Средствами для достиженія этой цѣли въ абсолютномъ государствѣ были: созданіе войска, зависимаго отъ монарха, увеличеніе государственныхъ финансовъ налогами, взимавшимися на основаніи права, что дѣлало ее независимой отъ согласія сословій и, наконецъ, созданіе ин-

ститута профессіональныхъ чиновниковъ, который тоже не находился подъ вліяніемъ сословій. Такъ въ теченіе XIX столѣтія возникаетъ и упрочивается на материкѣ конституціонная монархія. Сущность ея заключается въ томъ, что государственная власть принципіально находится въ рукахъ монарха, но *выполненіе* ея ограничено участіемъ народа въ законодательствѣ, независимымъ судомъ и административнымъ правомъ въ области исполнительной власти. Парламентъ, какъ цѣлое, является представителемъ всего народа передъ королемъ. Народное представительство само по себѣ не обладаетъ никакой государственной властью, оно только ограничиваетъ короля; между тѣмъ старыя сословія обладали правомъ совмѣстнаго управленія. Въ Германіи монархъ является представителемъ государственной власти: тутъ «Le roi règne et il gouverne» («король царствуетъ и управляетъ»), тогда какъ противоположное мнѣніе: «Le roi règne, mais il ne gouverne pas» («король царствуетъ, но не управляетъ») приводитъ къ тому, что на короля смотрятъ лишь какъ на лицо, занимающее почетную должность. Въ послѣднемъ случаѣ король, правда, обладаетъ правомъ господства, но выполненіе этого правда находится въ рукахъ министровъ. То же мы видимъ и въ парламентарной монархіи, гдѣ король долженъ избирать министровъ, сообразуясь съ желаніями парламентскаго большинства; такъ обстоитъ дѣло, напримѣръ, въ Англіи.

Значеніе монархіи (оставляя въ сторонѣ ея историческую заслугу—осуществленіе единаго государства) состоитъ въ томъ, что она гарантируетъ однородность образованія государственной воли. Монархія не такъ измѣнчива, какъ демократія и, благодаря наслѣдственности, образуетъ надежную гарантію для непрерывности государственной власти. Отрицательныя стороны монархіи, особенно абсолютной, заключаются въ безконтрольности и, въ конечномъ счетѣ, безотвѣтственности монарха, а также въ опасности тяготѣнія къ традиціямъ прежнихъ временъ, что часто является причиной разрыва между монархомъ и народомъ.

II.

Государственный строй.

Всякое государство нуждается въ порядкѣ для созданія его воли, опредѣленія его компетенціи и для установленія отношеній отдѣльнаго человѣка къ государству. Такой порядокъ мы называемъ строемъ государства. Государственный строй существуетъ уже тамъ, гдѣ имѣется наличность *фактической* власти, объединяющей государство; но общимъ правиломъ является порядокъ, составляющійся изъ совокупности *правовыхъ* нормъ. Строй отдѣльныхъ государствъ различается на основаніи слѣдующихъ пунктовъ: каковы высшіе органы государства, какъ они возникли, каковы взаимныя отношенія различныхъ органовъ государства, какова ихъ компетенція, какое положеніе индивида по отношенію къ государственной власти? Что касается исторической стороны вопроса, то уже Аристотель установилъ понятіе государственнаго стоя въ указанномъ значеніи. Римляне обозначали созданіе конституціи терминомъ «rem publicam constituere»; отсюда произошло (вошедшее въ употребленіе съ XVIII) выраженіе «конституція» въ смыслѣ государственнаго устройства. Идея неограниченной учредительной власти, принадлежащей совокупности суверенныхъ гражданъ, возникла тоже въ древности. Конституція въ *матеріальномъ* смыслѣ, т. е. конституція, регулирующая власть государства и его дѣятельность, отличается отъ конституціи въ смыслѣ *письменнаго документа*. Послѣднее имѣло мѣсто тамъ, гдѣ какой-нибудь князь находилъ необходимымъ закрѣпить на бумагѣ права подданныхъ или сословій; такъ въ средніе вѣка

закрѣплялись права городовъ, церквей, землевладѣльцевъ, помѣщиковъ, сословій. Но такого закрѣпленія не бывало въ томъ случаѣ, если въ государствѣ всѣ граждане были равны, такъ какъ у нихъ не было никакого повода заключать взаимные договоры. Наконецъ, есть еще понятіе *конституціи въ формальномъ смыслѣ*, въ смыслѣ основного закона. Выраженіе lex fundamentalis (основной законъ) выступаетъ лишь въ XVI вѣкѣ, въ эпоху великой англійской революціи; въ Германіи оно появилось лишь со времени Вестфальскаго мира, не получивъ однако юридическаго опредѣленія. Съ конца XVII вѣка, особенно со времени выступленія англійско-американскихъ колонистовъ, основнымъ закономъ, считали договоръ, путемъ котораго основывается государство. На этой же точкѣ зрѣнія стоитъ *Гоббсъ*, называя основнымъ закономъ такой законъ, отмѣна котораго повела-бы за собой разложеніе государственнаго организма и полную анархію. *Пуфендорфъ* называетъ основнымъ закономъ тотъ договоръ, который долженъ заключить всякій индивидъ государства, такъ какъ въ противномъ случаѣ онъ рискуетъ быть изгнаннымъ изъ государства и возвратиться въ естественное состояніе. Только у *Бемера и Христіана Вольфа* основной законъ означаетъ норму, ограничивающую княжескую власть народомъ, причемъ они отожествляютъ государственный строй вообще съ конституціоннымъ строемъ. Съ этой плоскости не сходятъ и позднѣйшія теоріи; согласно имъ, основные законы связываютъ самого законодателя и представляютъ собою силу, независимую отъ обыкновеннаго законодателя.

Развитію понятія конституціи значительно способствовало объявленіе самостоятельности американскихъ колоній въ 1776 г. Начиная съ этого времени здѣсь устанавливается какъ-бы кодексъ всего публичнаго права. Американскія конституціи служили образомъ всѣхъ французскихъ. Послѣ того какъ, по предложенію Лафайэта, въ 1789 году была издана декларація правъ человѣка и гражданина, была провозглашена конституція 3 сентября 1791 года. Хотя на этой конституціи и сказалось вліяніе ея американскихъ прототиповъ, но она все же оригинальна. Законодательный органъ состоитъ только изъ *одной* палаты, pouvoir constituant приписывается не всему народу, а исключительно парламенту. Только позднѣйшія французскія конституціи приписываютъ суверенитетъ опять народу, какъ таковому. Эта французская конституція послужила образцомъ для многихъ другихъ конституцій—испанской 1812 года, португальской 1822 года, норвежской 1814 года (измѣненной отчасти въ 1905 году) и, наконецъ, бельгійской конституціи 1831 года, которая, въ свою очередь, послужила образцомъ прусской конституціи. Позднѣйшія французскія конституціи, хотя и не имѣли такого выдающагося значенія, но все же оказали довольно глубокое вліяніе. Конституція, выработанная конвентомъ въ 1793 году, ввела всеобщее и прямое избирательное право, конституція директоріи вводитъ въ 1795 г. систему двухъ палатъ, а конституція консульства оказала рѣшающее вліяніе на отдѣльныя государства Германіи въ періодъ рейнскаго союза. Всѣ эти конституціи покоятся на народномъ суверенитетѣ. Такъ же обстоитъ дѣло даже съ конституціей имперіи; она примыкаетъ съ римской идеѣ lex regia, согласно которой римскій народъ переносилъ свою власть на цезаря. Уже Наполеонъ I вводилъ въ странѣ конституціонныя учрежденія, а Наполеонъ III провозгласилъ себя отвѣтственнымъ магистратомъ народа, къ волѣ котораго онъ можетъ всегда апеллировать, а именно въ формѣ *плебисцита*. Хартія Людовика XVIII, изданная имъ въ 1814 году по возстановленіи Бурбоновъ, имѣла также глубокое значеніе, такъ какъ тутъ впервые демократическому принципу противопоставляется *монархическій принципъ*; а это оказало огромное значеніе на государственный строй Германіи XIX вѣка. Конституція

іюльской революціи представляетъ собою соглашеніе между королемъ и народомъ. Людовикъ Филиппъ называетъ себя не королемъ «Божіей милостью», а просто королемъ французовъ. Кромѣ этихъ конституцій вліяніе хартіи особенно сказывается на Statuto fondamentale королевства Сардиніи, ставшее затѣмъ конституціей Италіи. Вскорѣ, послѣ пересмотра французской хартіи, національное собраніе молодой Бельгіи опубликовало бельгійскую конституцію 1831 года. Она, повидимому, основана на монархической власти, но фактическая власть находится въ рукахъ парламента. Бельгійская конституція содержитъ обширную декларацію правъ человѣка и гражданина и является поэтому образцомъ позднѣйшихъ конституцій. Она является прототипомъ національныхъ собраній и франкфуртскаго парламента эпохи 1848—49 гг., собраній въ Берлинѣ и Вѣнѣ, которыя приписывали себѣ учредительную власть и пытались выработать конституціи, построенныя на демократическомъ принципѣ.

Что касается *значенія* конституцій въ современномъ правѣ, то тутъ мы должны различать государства, имѣющія и не имѣющія писанныхъ конституцій. Къ числу послѣднихъ принадлежатъ Англія и Венгрія. Въ государствахъ, имѣющихъ конституціи, послѣднія считаются исходящими отъ a) народа, b) народнаго представительства, c) отъ князя, или же d) онѣ считаются результатомъ договора. Въ бо́льшей части государствъ для *измѣненія* конституціи установлены особыя формы, затрудняющія это измѣненіе, каковыми являются или непосредственное народное голосованіе, или голосованіе въ парламентѣ. Первая форма особенно распространена въ Швейцаріи, вторая—во Франціи. Въ другихъ странахъ, какъ напримѣръ въ Германіи, для измѣненія конституціи требуется болѣе значительное (квалифицированное) большинство парламента. По 107 статьѣ прусской конституціи измѣненіе должно быть вотировано два раза, причемъ между первымъ и вторымъ голосованіемъ должно пройти 21 день; въ Рейхстагѣ Германской Имперіи для измѣненія конституціи достаточно постановленія простого большинства, но въ союзномъ Совѣтѣ измѣненіе считается отклоненнымъ, если противъ него подано 14 голосовъ. Такимъ образомъ, Пруссія, обладающая 17 голосами, можетъ всегда препятствовать измѣненію конституціи. Съ другой стороны, есть много государствъ, не признающихъ особыхъ формъ для измѣненія конституціи, напримѣръ, Италія, Испанія и незначительныя нѣмецкія государства—Саксенъ-Альтенбургъ, Ангальтъ, Рейссъ.

Что же касается *содержанія* писанной конституціи, то оно состоитъ обыкновенно изъ 1) основныхъ началъ организаціи государства, 2) изъ перечисленія принциповъ, на которыхъ построено признаніе правъ подданныхъ. Трудно отграничить писанную конституцію (основной законъ) отъ простыхъ законовъ. Однѣ конституціи совсѣмъ не содержатъ конституціоннаго права въ матеріальномъ смыслѣ; такъ, напримѣръ, конституція Саксенъ-Веймара отъ 1850 года совершенно не упоминаетъ о владѣтельномъ князѣ и династіи, баденская конституція не упоминаетъ о регентствѣ; дѣйствующія въ Австріи и Венгріи опредѣленія относительно совершеннолѣтія монарха и регентства не опубликованы и т. п. Другія конституціи подробно перечисляютъ опредѣленія, касающіяся избирательнаго права и порядка парламентскаго производства, или же относятъ ихъ къ области обыкновеннаго законодательства. Пріобрѣтеніе подданства также отчасти установлено обыкновеннымъ законодательствомъ. Такимъ образомъ совершенно невозможно отдѣлить основные и обыкновенные законы иначе, какъ только внѣшними признаками. А такимъ признакомъ основныхъ законовъ является исключительно ихъ квалифицированная формальная законная сила и затрудненіе ихъ измѣненія.

Пятая глава.

Ученіе объ органахъ государства.

I.

Раздѣленіе и значеніе органовъ государства.

Индивидъ, воля котораго считается волей союза, и который можетъ, какъ фактически, такъ и въ правовомъ смыслѣ, создавать эту волю, является органомъ союза; факторъ, образующій волю въ государственномъ союзѣ, является органомъ государства. Надо отличать непосредственные органы, т. е. такіе, положеніе которыхъ, какъ органовъ, обусловлено непосредственно конституціей союза, и посредственные, дѣятельность которыхъ носитъ производный характеръ. Непосредственные органы могутъ быть:

1. Единоличными, когда вся государственная власть находится въ рукахъ одного человѣка, монарха; особенно это имѣетъ мѣсто въ абсолютной монархіи. Возникновеніе этого непосредственнаго органа можетъ быть связано или съ какими-либо юридическими фактами или, какъ мы это видимъ въ абсолютной монархіи, съ фактическими моментами; такъ, отъ Петра Великаго до Павла I, каждый русскій царь *назначалъ* себѣ преемниковъ.

2. Непосредственный органъ можетъ быть также *коллегіей*; такъ въ республикѣ государственная власть находится всегда въ рукахъ коллегій, главнымъ образомъ, парламентскихъ корпорацій. Эти органы создаются путемъ выбора; въ исключительныхъ случаяхъ (какъ напр., прусская палата господъ) они создаются путемъ назначенія.

3. Непосредственнымъ органомъ государства можетъ быть также союзъ, напр., отдѣльное государство въ союзномъ государствѣ, какъ это имѣетъ мѣсто въ Германской Имперіи.

Непосредственные государственные органы могутъ быть первичными и вторичными. Вторичные—это тѣ органы, которые сами являются органами по отношенію къ какому-либо другому органу. Примѣромъ непосредственнаго первичнаго государственнаго органа въ парламентской республикѣ является *народъ*, примѣромъ вторичнаго, но все же непосредственнаго, органа—*парламентъ*. Вторичнымъ, но непосредственнымъ, органомъ является также регентъ, заступающій мѣсто несовершеннолѣтняго или заболѣвшаго князя.

Далѣе важно различіе между простыми и потенцированными органами. Простые органы—это тѣ, которые, какъ таковые, призваны къ отправленію функцій; потенцированные непосредственные—это тѣ, функціонированіе которыхъ обусловлено функціонированіемъ ихъ въ качествѣ другого органа; такъ, участіе въ палатѣ господъ въ Пруссіи можетъ быть связано съ функціонированіемъ въ качествѣ представителя аграріевъ, въ качествѣ члена университета, главы городской общины.

Далѣе различаютъ непосредственные самостоятельные и несамостоятельные органы. Самостоятельными органами являются тѣ, воля которыхъ имѣетъ обязательную силу для государства или для подданныхъ. Несамостоятельные органы могутъ различнымъ образомъ ограничивать самостоятельные органы, но ихъ воля не имѣетъ непосредственной обязательной силы. Такое положеніе дѣлъ имѣетъ мѣсто въ палатахъ отдѣльныхъ германскихъ государствъ въ рейхстагѣ. Первыя являются предпосылкой образованія непосредственной воли монарха, второй—воли союзнаго совѣта.

Сущность государственныхъ органовъ заключается въ томъ, что непосредственный государственный органъ никогда не можетъ быть подчиненъ власти другого органа того же союза. Наиболѣе простой и примитивной является та форма государственной организаціи, при которой имѣется одинъ непосредственный органъ государства; такъ обстоитъ дѣло въ абсолютной монархіи, гдѣ невозможна борьба между различными органами. Тамъ, гдѣ существуетъ нѣсколько непосредственныхъ органовъ, неизбѣжна политическая борьба между ними, хотя правовое положеніе ихъ, само по себѣ, не подвергается сомнѣнію; такъ обстоитъ дѣло въ республикѣ. Воля государства образуется, напр., въ нѣмецкихъ ганзейскихъ городахъ—государствахъ сенатомъ и гражданами, въ коституціонной и парламетской монархіи—соглашеніемъ между двумя палатами и монархомъ. Лицо, являющееся представителемъ высшей государственной власти, можетъ проявлять ее только по отношенію къ самому государству и внутри государства, но оно не имѣетъ рѣшающаго вліянія на другой непосредственный органъ. Такъ напримѣръ, конституціонный монархъ не можетъ оказывать, съ юридической точки зрѣнія, никакого вліянія на рѣшенія народнаго представительства.

Что касается посредственныхъ органовъ, то они тоже подвергаются различному дѣленію. Наиболѣе важно дѣленіе на необходимые и факультативные органы. Установленіе или не установленіе этихъ органовъ не зависитъ отъ воли монарха, онъ скорѣе обязанъ назначать чиновниковъ, особенно министровъ.

II.

Глава государства.

Понятіе главы государства охватываетъ какъ монарха, такъ и президента республики.

А. Назначеніе монарха главой государства можетъ послѣдовать:

1. Путемъ *избранія*. Такъ избранными князьями были венгерскіе короли до укрѣпленія Габсбургской династіи, польскіе короли, дожи Венеціи, папа и римскій императоръ германской націи. Но распространенная въ прежнія времена избирательная монархія имѣетъ много отрицательныхъ сторонъ: часто при избраніи опредѣленнаго лица производилось давленіе на избирателей; избраніе ни въ коемъ случаѣ не гарантируетъ того, что главой государства будетъ, дѣйствительно, самый заслуженный и выдающійся человѣкъ; до наступленія новыхъ выборовъ неизбѣжно должно имѣть мѣсто междуцарствіе, анархія; иногда избиратели ограничивали въ свою пользу власть избираемаго монарха. Особенно это имѣло мѣсто при выборахъ германскихъ императоровъ. Поэтому въ настоящее время почти нѣтъ монархіи, гдѣ бы престолъ переходилъ отъ одного лица къ другому въ силу юридическаго акта избранія.

2. Болѣе важна въ настоящее время *наслѣдственная* передача короны. Отрицательной стороной наслѣдственной монархіи является то, что занятіе престола зависитъ не отъ способности лица, а отъ случая. Но мы не должны, съ другой стороны, забывать, что при господствѣ наслѣдственной монархіи устраняется возможность политической борьбы во время междуцарствія по вопросу о новомъ монархѣ, такъ какъ, послѣ смерти стараго монарха, главою государства становится наслѣдникъ его. Порядокъ престолонаслѣдія, покоившійся раньше на феодально-патримоніальныхъ воззрѣніяхъ и связанный съ дѣлимостью территоріи, долженъ былъ, въ настоящее время, уступить мѣсто публично-правовому воззрѣнію. Согласно этому порядку наслѣдованія, престолъ обыкновенно переходитъ по

прямой линіи агнатовъ, т. е. онъ переходитъ къ потомкамъ перваго обладателя престола. Послѣдовательное заступленіе линій заключается въ томъ, что корона переходитъ прежде всего къ сыновьямъ послѣдняго обладателя короны, за отсутствіемъ ихъ—къ потомкамъ отца послѣдняго обладателя; за отсутствіемъ ихъ—къ потомкамъ дѣда послѣдняго обладателя и т. д. Порядокъ наслѣдованія внутри линіи основывался или на степени родства (такъ называемый майоратъ), или на возрастѣ наслѣдника (такъ называемый сеньоратъ). Раньше имѣлъ временами мѣсто миноратъ, т. е. наслѣдникомъ считался самый младшій. Правильна господствующая въ наше время система *первородства*. Каждый, родившійся ранѣе, и его линія исключаютъ родившагося позднѣе. Агнатическое родство состоитъ въ томъ, что занять престолъ можетъ только представитель мужской линіи. Женщины, по, такъ называемому, салическому закону, вообще не могутъ наслѣдовать престолъ. По другой, такъ называемой, нѣмецкой системѣ (Баварія, Вюртембергъ, Австрія и Голландія), женщины могутъ наслѣдовать престолъ въ томъ случаѣ, если вымерло все мужское поколѣніе. По третьей, такъ называемой англійской системѣ, женщины исключаются изъ наслѣдниковъ по ближайшей линіи, но за то обладаютъ преимуществомъ передъ мужчинами болѣе отдаленныхъ линій.

Для вступленія на престолъ требуется происхожденіе отъ законныхъ родителей, законное рожденіе, а въ Германіи, Австріи и Россіи—требуется кромѣ того, чтобы родители были равны другъ другу по происхожденію, и чтобы бракъ ихъ былъ разрѣшенъ главой государства. Тяжелые физическіе или умственные недостатки *не* лишаютъ въ настоящее время права престолонаслѣдія; они вызываютъ только необходимость учрежденія *регентства*. Регентство назначается въ случаѣ несовершеннолѣтія наслѣдника или его продолжительной неспособности къ управленію. Кто регентъ, какъ онъ избирается или назначается — зависитъ отъ конституціи каждой страны. Въ Пруссіи рѣшающими въ данномъ случаѣ являются 56—58 статьи конституціи.

B. Въ республикѣ, главой государства является отдѣльная личность, выступающая въ качествѣ обладателя исполнительной власти (въ рѣдкихъ случаяхъ коллегія) и носящая титулъ президента. Эта должность не наслѣдственна; она передается другому лицу или непосредственно народомъ, или парламентомъ, или путемъ выборовъ со стороны выборщиковъ.

C. *Личное* правовое положеніе монарха: извѣстныя права Величества, титулъ и рангъ, опредѣленныя почетныя права, неприкосновенность личности, особая защита противъ оскорбленій, право содержанія двора, безотвѣтственность въ уголовномъ и политическомъ отношеніяхъ. Президенты республикъ, по большей части, отвѣтственны (исключеніе составляетъ Франція).

D. *Имущественное положеніе* монарха основано въ настоящее время на разграниченіи государственнаго имущества и имущества монарха. Личныя и государственныя потребности удовлетворяются изъ суммъ, назначенныхъ на содержаніе двора, исторія которыхъ представляетъ собою исторію имущественно-правового положенія монарха.

III.

Народное представительство.

I. Историческое развитіе народнаго представительства въ Германіи, Англіи и Франціи. Прежде всего мы займемся разсмотрѣніемъ *сословнаго государства*. Въ древнѣйшія времена исторіи германскаго права народное собраніе, состоявшее изъ свободныхъ мужчинъ, представляло собою настоя-

щее правительство, а князь или король былъ только исполнительнымъ органомъ. Только, послѣ усиленія монархіи имѣли мѣсто имперскія собранія духовныхъ и свѣтскихъ властелиновъ, особенно во Франціи; тогда же созывались и провинціальныя собранія, состоявшія вначалѣ изъ избранныхъ представителей. Уже въ XIII вѣкѣ владѣтельный князь не могъ издавать никакихъ законовъ, безъ согласія осѣдлыхъ жителей. Въ XIV вѣкѣ владѣтельный князь пытается соединить свои различныя права надъ землей и людьми въ цѣльномъ понятіи верховной власти. Съ другой стороны, въ защиту своихъ правъ, попранныхъ владѣтельнымъ княземъ, поднялись сословія, рыцари, города и духовенство, создается сословное представительство. Положеніе послѣдняго основано на сословномъ мѣстномъ управленіи, которое, въ городахъ, находится въ рукахъ магистрата, а въ деревняхъ—въ рукахъ духовныхъ, и свѣтскихъ феодаловъ. Тотъ, кто не принимаетъ участія въ мѣстномъ управленіи, не принадлежитъ къ сословіямъ. Поэтому крестьянское сословіе было отсюда исключено, хотя оно составляло чуть ли не двѣ трети всего населенія. Только по берегамъ Нѣмецкаго моря, въ Фрисландіи, а также въ Тиролѣ, крестьянство принимаетъ участіе въ территоріальномъ собраніи, такъ какъ здѣсь крестьяне имѣютъ право участвовать въ мѣстномъ управленіи.

Въ Бранденбургѣ только духовенство, рыцари и города являлись сословіями. Отъ ихъ согласія зависѣло взиманіе податей, они отчасти распоряжались ими, занимались упорядоченіемъ долговъ государства, а также имѣли право участвовать въ законодательствѣ, но не въ судопроизводствѣ. Что касается внутренняго управленія страной и внѣшней политики, то и здѣсь сословія могли оказывать извѣстное вліяніе. Начиная съ XVII столѣтія, особенно съ тридцатилѣтней войны, развитіе государства идетъ путемъ упроченія абсолютной монархической власти. Сословія постепенно устраняются отъ участія во всѣхъ областяхъ публичнаго права. Сословныя учрежденія постепенно вырождаются въ группу привиллегированныхъ корпорацій. Къ началу XIX столѣтія, сословія Германіи, почти вездѣ, перестали играть роль важныхъ политическихъ факторовъ; только въ Мекленбургѣ они сохранились до нашихъ дней. Но за то проснулась мысль, лежавшая въ основѣ старыхъ государствъ, а именно идея *активнаго участія подданныхъ въ важнѣйшихъ дѣлахъ государства, при посредствѣ конституціоннаго органа.*

Поэтому, чуждое намъ, учрежденіе народнаго представительства, исходившее изъ Англіи, Франціи и Бельгіи, было понято и оцѣнено по достоинству. Вотъ почему мы должны ближе познакомиться съ англійскимъ и французскимъ прототипами современныхъ конституцій.

II. Въ Англіи, въ началѣ XIII вѣка, крупнымъ вассаламъ, духовнымъ и свѣтскимъ феодаламъ удалось поставить извѣстныя границы абсолютному господству владѣтельнаго князя. Но *Великая Хартія* 1215 года, важныя имперскія дѣла (ardua negotia) могли производиться только при участіи бароновъ, свѣтскихъ и духовныхъ князей. Такое собраніе называлось Parliamentum и представляло собою расширенный государственный совѣтъ монарха. Рядомъ съ этимъ, существовалъ Consilium continuum, болѣе тѣсный совѣтъ. Но парламентъ лордовъ обладалъ слѣдующими правами: 1) правомъ давать согласіе на взиманіе податей; 2) правомъ совѣщательнаго, но не рѣшающаго, голоса при законодательствѣ и управленіи страной, 3) правомъ составлять высшій судъ въ дѣлахъ своихъ собственныхъ членовъ; только лорды могутъ судить лорда (судъ пэровъ).

Только, начиная съ XIII столѣтія, изъ этихъ начатковъ развивается настоящее народное представительство. Въ царствованіе Эдуарда I, въ 1282 году, старый, историческій Parliamentum расширяется двумя новыми

элементами: выборными депутатами свободныхъ гражданъ въ городахъ и рыцарями и свободными жителями деревень. Такимъ образомъ возникло представительство *всѣхъ свободныхъ людей* королевства, а не только собраніе *отдѣльныхъ сословій*. Вначалѣ эти новые элементы обладали такимъ же правомъ давать согласіе на взиманіе податей, какъ и феодалы страны; только съ ихъ согласія могли быть налагаемы подати на города и графства. Вообще же они не принимали никакого участія въ управленіи и законодательствѣ. Эти депутаты голосовали въ отдѣльномъ собраніи, и, такимъ образомъ, парламентъ распался на *двѣ палаты*, палату лордовъ и палату общинъ. Но уже въ XIV вѣкѣ, въ царствованіе Эдуарда III (1327—1377), нижняя палата пріобрѣла право активнаго участія въ законодательствѣ и управленіи, такъ что ни одинъ законъ не могъ быть изданъ, безъ предложенія или согласія общины. Изъ первоначальнаго права предложенія развилось постепенно право участія въ каждомъ актѣ законодательства. Въ концѣ концовъ, нижняя палата стала полноправной частью народнаго представительства.

Послѣ изгнанія Стюартовъ, послѣдовавшаго въ 1688 году, центръ тяжести конституціи перешелъ на парламентъ, а именно на нижнюю палату. Съ 1780 года король можетъ выбирать министровъ только изъ той партіи, которая составляетъ большинство въ нижней палатѣ. Это—не право, а обычай. Лидеръ парламентскаго большинства является, въ то же время, премьеръ—министромъ, и наоборотъ. Вслѣдствіе этого власть фактически находится въ рукахъ народа, король можетъ только налагать свое veto. Направленіе политики опредѣляется большинствомъ, господствующимъ, въ данный моментъ, въ парламентѣ. Но съ начала XIX вѣка англійскіе короли ни разу не пользовались правомъ налагать veto.

Подъ вліяніемъ великой французской революціи 1789 года этотъ типъ англійской конституціи былъ перенесенъ на европейскій материкъ. Въ самой Франціи эта конституція подверглась разнообразнымъ измѣненіямъ. Конституціонализмъ былъ измѣненъ французами введеніемъ въ него двухъ совершенно невѣрныхъ принциповъ, не имѣющихъ ничего общаго съ англійской конституціей и заимствованныхъ скорѣе у энциклопедистовъ. Это—во-первыхъ—выставленное Монтескьё ученіе о раздѣленіи властей. По этому ученію, законодательство, правосудіе и исполнительная власть представляютъ собою три самостоятельныя власти, совершенно независимыя другъ отъ друга. Нѣтъ однородной государственной власти, есть три власти, которыя стоятъ рядомъ другъ съ другомъ и тормозятъ одна другую. Во-вторыхъ, англійскій конституціонализмъ былъ измѣненъ ученіемъ Руссо о народномъ суверенитетѣ. Согласно теоріи Руссо, вся государственная власть исходитъ отъ народа. Народъ является носителемъ трехъ властей. Монархъ обладаетъ только правами, данными ему народомъ; поэтому онъ является отвѣтственнымъ передъ народомъ. Такова была государственная теорія, выставленная Руссо въ его «Общественномъ договорѣ». Англійская конституція не имѣетъ ничего общаго съ такой конструкціей. На эту теорію особенно опиралась первая французская конституція, 3 сентября 1791 г. Эта и послѣдующія французскія конституціи имѣли огромное вліяніе; онѣ послужили основой континентальному конституціонализму. Послѣ паденія Наполеона, одержалъ верхъ, такъ называемый, монархическій принципъ, который былъ подтвержденъ Вѣнскимъ конгрессомъ 1815 г. На основаніи этого принципа, вся государственная власть исходитъ отъ *монарха*, а не отъ народа. Монархъ издаетъ своимъ именемъ законы; правосудіе и управленіе страной находится въ его рукахъ. Народное представительство играетъ роль вспомогательнаго, ограничивающаго, фактора. На этой идеѣ основаны обѣ хартіи 1814 года (Людовикъ XVIII) и 1830 г.

(Людовикъ-Филиппъ). Объ эти писанныя конетитуціи имѣли большое значеніе для дальнѣйшаго распространенія конституціонализма въ Бельгіи и Германіи. Бельгійская конституція возвращается опять къ принципамъ раздѣленія властей и народнаго суверенитета. Германскія, писанныя конституціи составлены, напротивъ, по образцу обѣихъ французскихъ хартій. Германскіе союзные акты 1815 года въ XIII статьѣ постановляютъ, что во всѣхъ союзныхъ государствахъ должна быть введена сословная конституція. Этимъ предписаніемъ хотѣли исполнить требованія германскаго народа и, данныя въ эпоху освободительныхъ войнъ, обѣщанія учредить народное представительство. Какъ глаеитъ это предписаніе? Должны охраняться интересы всего населенія, а не только отдѣльныхъ сословій. Но, несмотря на это, были удержаны старыя сословныя учрежденія. Почти во всѣхъ нѣмецкихъ государствахъ были возстановлены старыя сословія, рыцарство, духовенство и города, и дополнены крестьянскимъ сословіемъ, что являлось единственнымъ новшествомъ. Эти представительныя учрежденія были названы «ландшафтами» и должны были служить представителями народа и защищать благо всѣхъ, интересы государства, а не только сословные интересы. На передній планъ долженъ былъ выдвинуться національный интересъ, единство народа и государства. Однако, этотъ идеалъ не могъ быть достигнутъ при посредствѣ сословныхъ учрежденій. Сословія являлись представителями опредѣленныхъ общественныхъ классовъ и, въ качествѣ таковыхъ, засѣдали въ ландтагахъ; это были историческія сословія, тогда какъ новыя сословія, каковы представители капитала, торговли, ремеслъ и промышленности, не были представлены въ ландтагахъ. Неравное представительство отдѣльныхъ сословій ясно бросалось въ глаза. Всѣ рыцари были членами ландтага, тогда какъ города и крестьяне были представлены только своими корпораціями, такъ что въ ландтагѣ они всегда оставались въ меньшинствѣ. Въ Пруссіи вообще не была проведена въ жизнь XIII статья союзнаго акта. Пруссія ограничилась возстановленіемъ провинціальныхъ сословій, обладавшихъ чисто коммунальной компетенціей; о какихъ-бы то ни было политическихъ правахъ здѣсь не могло быть и рѣчи. Законъ 5 іюня 1823 года, касающійся распредѣленія провинціальныхъ сословій, устанавливалъ прямую противоположность настоящему народному представительству. Сословные комитеты провинціальныхъ ландтаговъ (1842) тоже не были надѣлены сколько-нибудь значительными правами. Только въ 1847 году, по указу короля, въ Берлинѣ былъ созванъ соединенный ландтагъ. Онъ не представлялъ собою свободно выбраннаго народнаго представительства, въ англійскомъ смыслѣ, а былъ лишь соединеніемъ всѣхъ провинціальныхъ ландтаговъ. Поэтому соединенный ландтагъ представлялъ собою чисто-сословное учрежденіе; въ немъ имѣлась курія господъ и сословная курія. Онъ обладалъ лишь тремя политическими правами: 1) Отъ его согласія зависѣло взиманіе налоговъ и заключеніе займовъ. 2) Контроль надъ государственными долгами. 3) Совѣщательный голосъ при законодательствѣ. Соединенный ландтагъ самъ объявилъ, что фактъ его созыва не является исполненіемъ обѣщанія, даннаго Фридрихомъ Вильгельмомъ III, въ эпоху освободительныхъ войнъ. Начиная съ 1848 года, въ Пруссіи былъ уничтоженъ сословный принципъ; въ южныхъ германскихъ государствахъ это было сдѣлано еще раньше. Начиная съ «октроированной» конституціи 5 декабря 1848 года, которая уступила мѣсто конституціи 31 января 1850 года, въ Пруссіи введенъ конституціонализмъ. Но идея народного суверенитета здѣсь совершенно уничтожена.

II. Правовая природа народнаго представительства. Средневѣковое государство было организовано дуалистически; оно охватывало цѣлый рядъ союзовъ, представители которыхъ составляли противовѣсъ монарху, а это

повело къ сословному народному представительству. Въ Англіи, въ XVII вѣкѣ, шла уже рѣчь о представителяхъ, связанныхъ какими-либо инструкціями; такой ступени государственнаго устройства Франція достигла лишь въ 1789 году. Многіе ученые, какъ напримѣръ, Гнейстъ и Лоренцъ фонъ-Штейнъ, смотрятъ на парламентъ, какъ на представительство отдѣльныхъ общественныхъ группъ, а на депутатовъ,—какъ на представителей групповыхъ интересовъ. Юридическая теорія, которая считаетъ парламентъ своего рода делегаціей, въ настоящее время отвергнута наукой. Парламентъ представляетъ собою скорѣе организованный въ государство народъ, воля котораго выражается *только* въ формѣ парламентскаго рѣшенія.

Парламентъ состоитъ обыкновенно изъ двухъ палатъ, причемъ верхняя палата играетъ роль консервативнаго фактора, роль тормаза. Только тогда, когда обѣ палаты высказали свою волю, и воля обѣихъ палатъ сходится, мы имѣемъ передъ собою волю народныхъ представителей. Нижняя палата имѣетъ извѣстныя преимущества постольку, поскольку проекты финансовыхъ и бюджетныхъ законовъ должны быть внесены сначала на ея разсмотрѣніе, а также постольку, поскольку верхняя палата, иногда, можетъ только цѣликомъ принять или отвергнуть проектъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, обстоитъ дѣло въ Пруссіи.

III. *Системы выборовъ.* Что касается системы выборовъ, то въ государствѣ можетъ быть введено или всеобщее, прямое, равное и тайное избирательное право, или въ немъ можетъ недоставать одинъ изъ этихъ признаковъ; избирательное право можетъ быть косвеннымъ, открытымъ, устнымъ или связано съ извѣстными предпосылками, исключающими равенство, напримѣръ, съ цензомъ. Послѣднее имѣетъ мѣсто въ Пруссіи, при выборахъ въ палату депутатовъ. Въ различныхъ выборныхъ системахъ эти признаки могутъ быть скомбинированы различнымъ образомъ. Въ Пруссіи еще и теперь выборы въ нижнюю палату, палату депутатовъ, происходятъ на основаніи трехклассной системы, изданной въ эпоху реакціи (30 мая 1849 г.). Избиратели округа вносятся, вмѣстѣ съ суммой налога, уплачиваемаго ими, въ особый листъ, дѣлятся на три разряда, такимъ образомъ, чтобы на каждый разрядъ выпадала треть общей налоговой суммы всѣхъ избирателей. Каждый разрядъ выбираетъ треть выборщиковъ, которые и выбираютъ депутатовъ. Законъ 29 іюня 1893 года старался смягчить плутократическій характеръ этого избирательнаго права. Законъ отъ 30 іюня 1900 года смягчилъ плутократическій характеръ выборовъ въ коммунальныя учрежденія.

Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что трехклассная система выборовъ нуждается въ реформахъ. Но введеніе демократическаго избирательнаго права въ Пруссіи считается многими нежелательнымъ.

Баденъ ввелъ недавно всеобщее, равное избирательное право, сохранивъ консервативное устройство палаты господъ. Въ *Баваріи*, по закону 9 апрѣля 1906 года, существуетъ всеобщее, равное, тайное и прямое избирательное право въ ландтагъ, причемъ рѣшающую роль играетъ относительное большинство голосовъ. Въ *Вюртембергѣ* недавно упразднена система абсолютнаго большинства, стоящаго въ связи съ перебаллотировками, и введена, такъ называемая, *романская система.* На первой стадіи выборовъ рѣшающую роль играетъ абсолютное большинство, на второй—относительное; законъ 16 іюля 1906 года, введшій, отчасти, пропорціональные выборы, измѣнилъ старую систему. *Гамбургскій* законъ 5 марта 1906 г. имѣетъ тенденцію поставить извѣстныя препятствія соціальдемократіи. Выборная система представляетъ жгучій вопросъ также въ Саксоніи, Гессенѣ и Любекѣ.

По моему мнѣнію, возможность улучшенія, въ особенности для Пруссіи

и Саксоніи, лежитъ въ введеніи плюральнаго *избирательнаго права.* Каждый гражданинъ пользуется правомъ одного голоса; образованіе и имущество—въ соотвѣтствующихъ градаціяхъ—даютъ право на нѣсколько голосовъ.

Въ послѣднее время неоднократно защищалась идея пропорціональныхъ, или относительныхъ выборовъ. Здѣсь дѣло идетъ о защитѣ интересовъ, относительно значительнаго, меньшинства, разсѣяннаго *по всей государственной области.* Системы, стремящіяся къ введенію пропорціональныхъ выборовъ, крайне различны. Всѣ онѣ отличаются большей или меньшей запутанностью и неясностью. Врядъ-ли можно особенно надѣяться на проведеніе относительнаго избирательнаго права въ болѣе крупныхъ государствахъ. Въ Германіи относительные выборы факультативно допускаются при избраніи въ промышленные союзы, соотвѣтственно закону 29 сентября 1901 года; по закону 6 іюля 1904 г. они обязательны при выборахъ въ купеческіе суды.

Шестая глава.

Единое государство и государственныя соединенія.

1. Единымъ государствомъ мы называемъ такое государство, въ которомъ народъ составляетъ единство въ отношеніи права, силы и воли, обладаетъ единымъ государственнымъ строемъ и управленіемъ и единой государственной властью.

2. Подъ государственнымъ соединеніемъ, въ широкомъ смыслѣ, надо понимать всякое, основанное на правѣ и длящееся, отношеніе между государствами. Сюда относятся: а) народно-правовые договоры, касающіеся защиты права и управленія, напр., всемірный почтовый союзъ, в) союзы, с) личная унія.

3. Государственное соединеніе, въ тѣсномъ смыслѣ, мы имѣемъ передъ собой тогда, когда нѣсколько отдѣльныхъ государствъ сливаются, путемъ юридическаго договора, въ единое государственное цѣлое, причемъ всѣ они продолжаютъ оставаться государственными индивидами, составляютъ особый народъ, расположены на особыхъ территоріяхъ и обладаютъ особой государственной властью. Сюда относятся: а) реальная унія, в) государство государствъ, с) союзъ государствъ, d) союзное государство.

4. (Къ 2 в). Союзы заключаются для совмѣстнаго дѣйствія, причемъ государства не образуютъ правового цѣлаго, не обладаютъ единой, руководящей волей и общимъ представительнымъ органомъ. Таковы священный союзъ 1815 года, тройственный союзъ между Германіей, Австро-Венгріей и Италіей, двойственный союзъ между Франціей и Россіей, Англіей и Франціей (entente cordial) 1904 г., Англіей и Японіей 1905 г.

(Къ 2 с). При личной уніи отдѣльныя государства связаны другъ съ другомъ тѣмъ, что они имѣютъ общаго носителя государственной власти; личная унія можетъ быть: а) случайной, когда она является результатомъ династическаго престолонаслѣдія, в) преходящей, когда унія кончается со смертью послѣдняго представителя династіи. Въ такихъ отношеніяхъ находились раньше Англія и Ганноверъ, Люксембургъ и Голландія, Данія и Шлезвигъ-Гольштейнъ, Пруссія и Неуенбургъ до 1857 года.

5. (Къ 3 а). Реальная унія представляетъ собою соединеніе государствъ, причемъ сохраняется самостоятельность каждаго отдѣльнаго государства. а) Она можетъ быть заключена въ силу основного государственнаго закона, договора, привычки. в) Она можетъ быть продолжительной.

c) Государства, входящія въ составъ реальной уніи, могутъ и не имѣть общихъ учрежденій, хотя, въ дѣйствительности, это часто встрѣчается. Примѣромъ реальной уніи является Австро-Венгрія; до 1905 года реальную унію составляли Швеція и Норвегія.

6. (Къ 3 в). Государство государствъ (государство сюзеренное, съ вассальными государствами) мы имѣемъ передъ собой тогда, когда суверенное верховное государство осуществляетъ свое господство надъ однимъ или нѣсколькими государствами, являющимися, по отношенію къ нему, вассальными. Правовыя границы сюзереннаго государства крайне различны; обыкновенно вассальныя государства обладаютъ широкой самостоятельностью во внутреннихъ дѣлахъ. Подданные вассальнаго государства не находятся въ непосредственномъ отношеніи къ сюзеренному государству. Старая Германская Имперія была сюзереннымъ государствомъ, въ особенности, по отношенію ко многимъ италіанскимъ странамъ. Въ настоящее время въ такомъ отношеніи къ Турціи находятся Египетъ и Болгарія.

7. (Къ 3 c). Союзъ государствъ представляетъ собою соединеніе нѣсколькихъ государствъ, основанное на международномъ правовомъ договорѣ. Союзъ государства не создаетъ самостоятельной власти, стоящей надъ отдѣльными государствами; онъ представляетъ собою только соединеніе государствъ, конфедерацію. Руководство союзомъ государствъ находится въ рукахъ союзнаго органа. Соединенныя государства не подчинены другъ другу, а пользуются равными правами. Общественная власть распространяется, на основаніи соглашеній, только на отдѣльныхъ подданныхъ. У союза государствъ нѣтъ общаго, единаго законодательства. Союзные законы представляютъ собою лишь законы, изданные на основаніи соглашеній; для того, чтобы имѣть силу въ отдѣльныхъ государствахъ, они должны быть тамъ обнародованы. Союзомъ государствъ была Швейцарія до 1848 года, Германскій союзъ съ 1815 до 1866 г. Въ настоящее время союзы государствъ имѣются только въ Америкѣ.

8. (Къ 3. d). Въ союзномъ государствѣ единая государственная власть создается изъ совокупности отдѣльныхъ государствъ, связанныхъ въ одно государственное цѣлое; хотя они съужаютъ свои права, но все же остаются государствами. Союзъ представляетъ собою суверенное государство. Тутъ мы имѣемъ дѣло съ союзной властью, которая распространяется непосредственно на подданныхъ отдѣльныхъ государствъ. Но эта власть распространяется постольку, поскольку отдѣльныя государства отказываются отъ своей власти. Примѣромъ союзнаго государства можетъ служить Сѣверная Америка (съ 1789 г.), Германія (съ 1871 года), Швейцарія (съ 1848 г.)

Седьмая глава.

Политическія партіи.

Къ факторамъ соціальной жизни, побуждающимъ государство къ законодательной дѣятельности, относятся, прежде всего, партіи. Представленія, сужденія и убѣжденія, возникающія въ умѣ отдѣльныхъ индивидуумовъ, обнаруживаютъ тенденцію сливаться съ представленіями, сужденіями и убѣжденіями другихъ лицъ. Такимъ путемъ возникаютъ группы, обладающія одинаковыми политическими тенденціями. *Партія представляетъ собою явленіе общественной жизни; она организуетъ, на основаніи общихъ интересовъ, воззрѣній и идей, широкія массы народа, съ той цѣлью, чтобы достигнуть господства или, по крайней мѣрѣ, власти въ одной опредѣленной области.*

Возникновеніе партіи объясняется партійными цѣлями и партійными доктринами. Послѣднія покоятся на профессіональныхъ или религіозныхъ различіяхъ. Такъ, крупные помѣщики, средній классъ, купцы, ремесленники, финансисты и т. п., пытаются осуществить свои различныя цѣли, путемъ организаціи въ политическія партіи. Различія въ національностяхъ могутъ быть тоже основой партійныхъ группировокъ. Кромѣ того, мы должны имѣть въ виду партійныя доктрины, т. е., тѣ принципы, сообразно которымъ дѣйствуютъ опредѣленныя группы. Эти принципы, обыкновенно, составляютъ политическую программу партіи. Впервые политическія партіи выступили на общественную арену въ Англіи, въ царствованіе Эдуарда I (1239—1307) и повели къ образованію двухъ большихъ группъ—торіевъ и виговъ. Въ Германіи партіи не стары. Въ XVIII вѣкѣ не было партій, съ одной стороны, потому, что не было общественной жизни, а съ другой—потому, что въ высшихъ слояхъ населенія господствовало извѣстное политическое единомысліе; ближайшими политическими задачами были, по общему мнѣнію, просвѣщеніе, прогрессъ культуры, преобразованіе государства и правового порядка, очищеніе церкви и религіи отъ суевѣрія и злоупотребленій, реформа воспитанія, привлеченіе народной массы къ участію въ плодахъ цивилизаціи. Съ момента образованія германскаго союза возникаетъ противоположность между либералами и консерваторами. Послѣ 1848 года обостряется партійная борьба, а съ 1860 года рабочій классъ начинаетъ организоваться въ враждебную государству партію. Въ водоворотѣ кипучей общественной жизни происходитъ постоянное разслоеніе и расчлененіе различныхъ партій, въ томъ числѣ и болѣе старыхъ консервативныхъ и либеральныхъ партій. Партіи имѣютъ то *значеніе*, что они развиваютъ силы, скрытыя въ населеніи, и даютъ возможность проявляться различнымъ интересамъ.

А. И. Новиковъ.

Русская политическая радуга.

Когда солнечный свѣтъ проходитъ черезъ призму и образуетъ радугу, то въ этой радугѣ одинъ цвѣтъ переходитъ постепенно въ другой, причемъ рѣзкихъ границъ нѣтъ. Нельзя провести черту и сказать: тутъ кончается красный цвѣтъ и начинается желтый. Переходъ изъ цвѣта въ цвѣтъ происходитъ постепенно.

Совершенно также постепенно переливаются различныя политическія партіи изъ одной въ другую. Рѣзкихъ границъ нѣтъ. И какъ разнообразны цвѣтовые оттѣнки, такъ разнообразны и оттѣнки политическихъ убѣжденій, вѣрованій, желаній. Въ дѣлѣ политики всѣ эти оттѣнки еще усложняются элементами, чуждыми чистой мысли и чистымъ убѣжденіямъ, въ то время, какъ цвѣта радуги ничѣмъ не загрязняются.

Партійныя программы загрязняются личной выгодой, компромиссами, продажностью. Поэтому изученіе партій еще гораздо сложнѣе, чѣмъ изученіе солнечнаго спектра. Сколько цвѣтовъ въ радугѣ? Одинъ нѣмецъ насчиталъ ихъ, кажется, семьсотъ съ чѣмъ-то. Но для упрощенія принято считать въ радугѣ семь основныхъ цвѣтовъ. Остальные цвѣта считаются переходными.

Такъ будемъ и мы, въ изученіи политическихъ партій, дольше останавливаться лишь на теченіяхъ мысли, вылившихся въ главныхъ партіяхъ, и только вскользь упомянемъ про различныя переходныя партіи.

Вся политическая борьба происходитъ вокругъ двухъ моментовъ: политической власти и соціально-экономическаго строя. Сообразно съ этимъ, есть три главныхъ теченія: соціалистическое, либеральное и консервативное. Консерваторы, въ рукахъ которыхъ въ настоящее время сосредоточены и политическая власть и богатства, естественно, хотятъ, чтобы все шло по старому, т. е. чтобы и власть, и богатство остались у нихъ. Это естественно и вытекаетъ изъ общаго правила, что личныя выгоды такъ дѣйствуютъ на умъ людей, что они искренно начинаютъ вѣрить, что личное благо ихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, составляетъ благо и всего народа.

Полную противоположность правымъ составляютъ соціалисты, являющіеся представителями нуждающагося, бѣднаго люда, у котораго нѣтъ ни богатства, ни власти. Естественно имъ желать переворота и политическаго, и экономическаго. Никакихъ соглашеній съ правыми они допускать не могутъ. Все желательное однимъ, вредно другимъ. Центральное положеніе между ними занимаютъ либералы, являющіеся въ большинствѣ представителями буржуазіи. Въ ихъ рукахъ современная наука, дающая средства и возможность обогащаться; но власти у нихъ нѣтъ, ибо власть находится, почти всецѣло, въ рукахъ родового дворянства. Понятно, что ли-

бералы стремятся къ политическому перевороту, ибо, при равномъ съ другими участіи ихъ въ дѣлѣ управленія, власть перейдетъ именно къ нимъ, такъ какъ знаніе, наука и уже накопленные ими капиталы даютъ имъ возможность выдвинуться, при существующемъ капиталистическомъ строѣ. Такъ, во Франціи, гдѣ давно уже введенъ демократическій строй, на выборахъ фактически власть передается самимъ народомъ либеральной буржуазіи. Естественно, что въ странахъ, гдѣ еще властвуетъ старый режимъ, либералы ведутъ съ нимъ упорную борьбу и увѣрены, что они выйдутъ изъ нея побѣдителями.

Съ другой стороны, главнымъ основаніемъ благоденствія буржуазіи является право собственности, то самое, которое обездоливаетъ народныя массы. Очевидно, что либеральная буржуазія больше всего боится экономическаго переворота. И здѣсь борьба либераловъ съ соціалистами еще болѣе ожесточенна, чѣмъ борьба съ отживающими классами изъ-за власти.

Получается такая картина: на флангахъ непримиримые враги, консерваторы и соціалисты, а по срединѣ либералы, въ политическихъ вопросахъ составляющіе, въ союзѣ съ лѣвыми, оппозицію противъ правыхъ, а въ экономическихъ, вмѣстѣ съ правыми, отражающіе нападенія лѣвыхъ.

Такова общая схема во всѣхъ государствахъ, и въ Россіи въ томъ числѣ. Условія мѣста, культуры, давность борьбы и уже понесенныя той или другой партіей пораженія, равно какъ и одержанныя побѣды, — все это, конечно, видоизмѣняетъ въ разныхъ странахъ характеръ борьбы, вліяя на ближайшія задачи партій. Во Франціи, напримѣръ, только сумасшедшій можетъ мечтать объ абсолютизмѣ, и консерваторомъ считается тотъ, который старается, хоть на время, остановить все прогрессирующую демократизацію конституціи и народной жизни.

Въ Англіи нѣтъ соціалиста, который мечталъ бы поднять немедленно народное возстаніе, а консерваторы отличаются отъ либераловъ лишь большею медлительностію въ уступкахъ демократическимъ массамъ. У насъ слово конституція три года тому назадъ считалось нецензурнымъ, полтора года спустя свобода слова, дѣйствительно, была полная, а теперь вся пресса плачетъ по временамъ сипягинской цензуры. Мы до сихъ поръ переживаемъ періодъ рѣзкаго перелома политической жизни. Соотвѣтственно съ этимъ, на лицо имѣются всѣвозможные оттѣнки политическихъ и соціальныхъ партій, отъ анархистовъ до людей, мечтающихъ о возстановленіи крѣпостного права. Политическій спектръ—полный, со включеніемъ темныхъ лучей!

На самомъ крайнемъ, правомъ, флангѣ стоятъ, такъ называемыя, монархическія партіи. Самое это названіе не соотвѣтствуетъ внутреннему содержанію партій. На западѣ, подъ монархизмомъ понимается приверженность къ конституціонной монархіи. Въ Германіи монархъ иначе не понимается, какъ конституціонный монархъ. Въ Англіи монархъ почти не имѣетъ значенія, до того тамъ вкоренилась идея парламентаризма. У насъ монархистами называются стороники монархіи, неограниченно самодержавной, а тѣ конституціонныя партіи, ка-деты и даже октябристы, которыя на западѣ считались бы монархическими, у насъ считаются оппозиціонными. Монархическихъ партій нѣсколько, и носятъ онѣ разныя названія: «союзъ русскаго народа», «союзъ активной борьбы съ революціей», «московская монархическая партія» и нѣкоторыя другія. Различаются онѣ другъ отъ друга отчасти особыми спеціальными цѣлями, какъ наприм. союзъ активной борьбы съ революціей. Нарожденіе нѣкоторыхъ изъ этихъ союзовъ объясняется просто тѣмъ, что въ томъ или другомъ мѣстѣ кружокъ лицъ возымѣлъ мысль создать партію. Подчиниться же всѣмъ одной центральной организаціи, хотя бы наиболѣе распространенному изъ нихъ, «союзу русскаго народа», мѣшаетъ желаніе нѣкоторыхъ изъ мѣстныхъ

главарей дѣйствовать самостоятельно. Въ общемъ же, когда дѣло доходитъ, напримѣръ, до выборовъ въ думу, всѣ онѣ дѣйствуютъ согласно.

Ихъ программа весьма проста: православіе, неограниченное самодержавіе, національная нетерпимость, охраненіе собственности. Это—противники всякихъ реформъ, стороники стараго чиновническаго, полицейскаго строя. Всякое желаніе трудящихся слоевъ, рабочихъ и крестьянъ, улучшить свое положеніе, считается у нихъ крамолой. Лишь для виду они, какъ будто, идутъ навстрѣчу нѣкоторымъ реформамъ, хотя бы въ дѣлѣ народнаго образованія, но это только на словахъ: какъ только дѣло доходитъ до дѣйствительности, тогда хорошія слова такъ и остаются словами. Такъ, въ дѣлѣ народнаго образованія они не идутъ дальше церковно-приходскихъ школъ. Усиленіе полиціи, и въ городахъ и въ деревняхъ, земскіе начальники, увеличеніе дворянскихъ правъ, уничтоженіе свободы слова и всякихъ другихъ свободъ, а главное, всевозможныя притѣсненія евреевъ и другихъ инородцевъ—вотъ къ чему эти партіи стремятся.

Что сказать про тактику монархистовъ? Они лишь скрѣпя сердце участвуютъ въ думской борьбѣ, но всегда и вездѣ открыто агитируютъ противъ существованія какого бы то ни было представительства. Открытая ихъ тактика заключается въ томъ, что они стараются воздѣйствовать на правительство, чтобы оно возстановило неограниченное самодержавіе. Но на дѣлѣ эти партіи или, скорѣе союзы, какъ они сами себя называютъ, являются конспиративными организаціями, дѣятельность которыхъ противъ рабочихъ, студентовъ, а главное, евреевъ, слишкомъ общеизвѣстна. Съ какой-то, чисто звѣриною, тупостью они на милліонную націю распространяютъ свою злобу, отождествляя всю націю съ тѣми единицами, которыя дѣйствительно активно участвуютъ въ революціи. Избіеніе евреевъ—на совѣсти этихъ изувѣровъ.

Аграрная политика «истинно русскихъ людей» вполнѣ совпадаетъ съ аграрной политикой правительства. Они поддерживаютъ дѣятельность крестьянскаго банка, по безумнымъ цѣнамъ скупающаго помѣщичьи земли, во славу всероссійскаго дворянства. Въ своихъ заботахъ о крестьянствѣ, они эти земли хотятъ передать въ собственность крестьянъ, отрубными участками съ тѣмъ, чтобы эти крестьяне, сдѣлавшись мелкими землевладѣльцами, составляли оплотъ приверженцевъ стараго, противнаго конституціи, строя. Надо, говорятъ они, купленныя банкомъ помѣщичьи земли, равно какъ и государственныя, передать крестьянамъ. Ясно, что не о нищихъ безземельныхъ и малоземельныхъ крестьянахъ хлопочутъ они, а о кулакахъ, богачахъ, міроѣдахъ. Эта черносотенная аграрная политика, прикрываясь громкими фразами объ увеличеніи крестьянскаго землевладѣнія, въ дѣйствительности всецѣло направлена противъ этого самаго крестьянства.

Много ли ихъ? Они считаютъ своихъ членовъ милліонами. Но кто знаетъ дѣйствительный составъ мѣстныхъ союзовъ, тотъ, конечно, понимаетъ, что это пустое бахвальство. Подонки общества, хулиганы, подкупаются вожаками: вотъ вамъ и члены партіи, готовые на все. Сила же этихъ союзовъ объясняется поддержкой властей и полиціи, и деньгами, которыя имъ легко получить съ тѣхъ, чьимъ интересамъ они служатъ.

Ради полной объективности мы должны сказать, что между людьми, принадлежащими къ этой крайней партіи, есть люди честные. Это тѣ, которые, считая себя наслѣдниками славянофильскаго теченія, искренно вѣруютъ въ демократическое самодержавіе. И вотъ, исходя изъ этого основанія, они искренно думаютъ, что «истинно-русскіе» защитники самодержавія такіе же идеалисты, какъ и они сами. Они искренно, благодаря какому-то непонятному самовнушенію, не вѣрятъ въ убійства, въ погромы, устраиваемые этимъ отребьемъ человѣчества, не видятъ того, что ими

руководитъ самый грязный эгоизмъ. Но такихъ людей, конечно, не много.

Другая правая партія—это союзъ 17 октября. Самое названіе партіи показываетъ, что программа партіи стоитъ на почвѣ манифеста 17 Октября. Если смотрѣть съ точки зрѣнія политической, не касаясь соціальныхъ вопросовъ, то оказывается, что программа союза 17 октября довольно таки либеральна, и даже демократична.

Всеобщее голосованіе, равноправность національностей—все это звучитъ хорошо. Къ сожалѣнію, вполнѣ довѣряться партіи нельзя. Посмотримъ хотя бы на названіе партіи: союзъ 17 октября. Что это значитъ? Это значитъ, члены ея стали октябристами съ 17 октября. Прошлаго у нихъ нѣтъ. Это все бывшіе сторонники самодержавія, которые до 17 октября не позволяли себѣ, во имя лойальности, быть конституціоналистами. Та же лойальность заставила ихъ 17 октября стать на почву манифеста.

Лойальность, доходящая до обезличенія—таково свойство октябристовъ. И вотъ, по мѣрѣ того, какъ правительство отступаетъ отъ манифеста 17 октября, отступаетъ отъ него и партія. Отъ всеобщаго избирательнаго права они уже отступили, отступили и отъ равноправія, открыто заявивъ, что это идеалы отдаленнаго будущаго. Теперь же они, временно правда, этого не требуютъ, хотя программы своей окрыто не измѣнили. Можно, не особенно рискуя ошибиться, предположивъ, что, если основанія манифеста 17 октября будутъ совсѣмъ уничтожены, исчезнетъ и партія, вернувшись въ лоно неограниченнаго самодержавія.

Нечего, конечно, говорить, что никакихъ соціальныхъ переворотовъ партія не допускаетъ, отвергая всякія стачки рабочихъ и всякое насильственное отчужденіе земли.

Безсиліе партіи выражается еще въ томъ, что никакой, даже оппозиціонной тактики она не признаетъ. Понятно, что демократизировать власть нельзя, если всецѣло и безусловно подчиняться носителямъ этой власти, вовсе не намѣреннымъ, хоть немного, выпускать ее изъ своихъ рукъ.

Чтобы покончить съ правыми партіями, упомянемъ про промежуточныя партіи: правового порядка, торгово-промышленную, прогрессивно-экономическую; это партіи крупной буржуазіи, которымъ стыдно, быть можетъ, открыто признать себя совсѣмъ черносотенными, но которыхъ пугаетъ даже лойальная конституціонность союза 17 октября. Самостоятельную роль врядъ ли суждено играть какой бы то ни было изъ нихъ.

Покончивъ обзоръ крайнихъ правыхъ, мы перейдемъ на крайній лѣвый флангъ, занятый соціалистами. Ихъ требованія соціальнаго переворота и уничтоженіе капитализма кажутся такъ нелѣпыми и преступными съ точки зрѣнія тѣхъ, въ чьихъ рукахъ сконцентрированы теперь власть и капиталъ, что имъ нечего и думать о достиженіи своей цѣли путемъ эволюціи. Поэтому соціалистическія партіи, по существу своему, революціонны.

Иначе быть не можетъ. Ихъ требованія такъ радикальны, что сами соціалисты въ Россіи, какъ и въ Европѣ, не считаютъ возможнымъ немедленное осуществленіе того строя, къ которому они стремятся. Поэтому соціалисты къ своей программѣ, осуществленіе которой ими откладывается на болѣе или менѣе отдаленное время, еще прибавляютъ программу-минимумъ, которая можетъ быть, по ихъ мнѣнію, осуществлена теперь же. Эта программа-минимумъ, демократическая республика въ самыхъ яркихъ формахъ, достижимая тоже лишь путемъ революціи. Программа-максимумъ—общая всѣмъ соціалистамъ. Но ближайшія задачи программы-минимумъ у насъ въ земледѣльческой Россіи, повели къ раздвоенію соціалистовъ на два, къ прискорбію для нихъ, враждующихъ, между собою лагеря. Соціаль-демократы, перенявъ теорію западной соціаль-демократіи, учатъ, что единствен-

чный классъ, по своему существу способный бороться до конца за соціализмъ, есть только рабочій пролетаріатъ. Крестьянство же, составляющее въ Россіи 90% населенія, является мелкой буржуазіей, привязанной къ землѣ и дому чувствомъ собственности. Крестьянство, говорятъ соціаль-демократы, можетъ быть временно доведено голодомъ и опекой самодержавія до революціоннаго настроенія; съ нимъ можно, на первыхъ порахъ, идти нога въ ногу, но, въ общемъ, крестьянство, какъ оно есть, все-таки будетъ служить впослѣдствіи оплотомъ реакціи. И въ крестьянствѣ, говорятъ они, долженъ будетъ произойти тотъ же процессъ пролетаризаціи массъ, который уже произошелъ въ фабричномъ дѣлѣ. Процессъ этотъ будетъ заключаться въ томъ, что земельная собственность должна сконцентрироваться въ рукахъ меньшинства, громадное же большинство должно обатрачиться. На этомъ построена и ихъ аграрная программа, представляющая компромисъ между желаніемъ удовлетворить крестьянскимъ требованіямъ земли и теоріей пролетаризаціи этого самаго крестьянства.

Другой точки зрѣнія держатся соціалисты, считающіе, что крестьянство наше столь же соціалистично, какъ и пролетаріатъ.

Общинное право, въ которомъ крестьянство воспитывается, есть не что иное, какъ проявленіе трудового, т. е. соціалистическаго, начала. Поэтому, въ отличіе отъ соціаль-демократовъ, соціалисты-революціонеры требуютъ немедленной, т. е. при осуществленіи программы-минимумъ, соціализаціи земли.

Это значитъ, что земля должна быть признана достояніемъ всего народа, съ тѣмъ, чтобы пользовались ею, на правахъ уравнительнаго землепользованія, всѣ, желающіе ее обрабатывать личнымъ, но отнюдь не наемнымъ, трудомъ. Словомъ, всю Россію соціалисты-революціонеры хотятъ обратить въ одну громадную общину. Лишь обобществленіе капиталовъ, фабрикъ и городовъ надо по ихъ мнѣнію, отложить, такъ какъ вопросъ недостаточно разработанъ научно и такъ какъ представленіе о полномъ уничтоженіи собственности не достаточно вошло въ народное правосознаніе. За послѣдній годъ въ немъ проявилось три теченія, давшія начало тремъ партіямъ.

Рядомъ съ чистыми с.-р-ами появились слѣва максималисты, присоединяющіе къ требованіямъ соціализаціи земли, требованіе немедленнаго введенія соціалистическаго строя и въ остальныхъ отрасляхъ капитализма, справа народные соціалисты, болѣе умѣренные въ своей тактикѣ, отрицающіе терроръ и считающіе нужнымъ болѣе сообразоваться съ дѣйствительностью.

Тактика всѣхъ соціалистическихъ партій одна: революціонная. Всю свою надежду онѣ возлагаютъ на вооруженное возстаніе народа; ближайшее требованіе—учредительное собраніе. Отрицаніе с.-д-тами террора и экспропріацій, какъ средствъ борьбы, признаніе максималистами пользы фабричнаго и аграрнаго террора, отвергаемаго с.-р-ами—все это частности. Революціонность же соціалистовъ несомнѣнна.

Очевидно, соціалистическія требованія настолько далеки отъ буржуазнаго міровоззрѣнія, настолько противорѣчатъ личной выгодѣ того класса, который теперь пользуется всѣми благами политической власти и экономическаго господства, что между соціалистами и буржуазными партіями существуетъ ничѣмъ, повидимому, не заполнимая пропасть.

Поэтому, между соціалистами и ка-детами партіи переходной нѣтъ. Но дѣйствительность и тутъ пополнила пробѣлъ. Въ Думѣ нашей образовалась группа, такъ называемыхъ, трудовиковъ. Ни опредѣленной программы, ни установившейся тактики у нихъ нѣтъ. Это скорѣе безпартійные лѣвые, колеблющіеся между соціалистами и кадетами. Поэтому, они такъ

часто раскалывались, такъ легко поддавались, то вліянію соціалистовъ слѣва, то кадетовъ справа.

Чтобы покончить съ лѣвыми партіями, мы должны упомянуть объ анархистахъ. Анархисты отвергаютъ не только собственность, но и семью и государство, и стремятся къ немедленному разрушенію всего существующаго строя, чтобы на развалинахъ его былъ построенъ новый строй, основанный на свободномъ соглашеніи отдѣльныхъ людей и группъ. Они отрицаютъ всякую, опирающуюся на насиліе, центральную власть, даже созданную самимъ народомъ.

Для осуществленія такого строя, надо, чтобы человѣчество отказалось вдругъ не только отъ всѣхъ своихъ воззрѣній и вѣрованій, но и привычекъ; нечего и говорить, что анархисты не признаютъ парламентской тактики, считая парламентъ однимъ изъ аттрибутовъ ненавистнаго имъ, буржуазнаго строя.

Намъ остается сказать о центральной нашей партіи — конституціоналистахъ-демократахъ, сокращенное названіе которыхъ «кадеты» такъ вошло во всеобщее употребленіе. Эта партія соотвѣтствуетъ заграничнымъ радикаламъ.

Лозунгъ ихъ—народная свобода. Они себя и называютъ партіей народной свободы. Это—партія чисто капиталистическая, и всѣ соціальныя реформы, вошедшія въ ихъ программу, въ высокой степени туманны и неопредѣленны.

Гдѣ дѣло идетъ о рабочемъ законодательствѣ, они, не отвергая требованій рабочихъ, вездѣ прибавляютъ слово «по возможности». Понятно, что подъ это можно вставить, что угодно. Больше, молъ, невозможно. Въ аграрной программѣ они принимаютъ насильственное отчужденіе земли по «справедливой» оцѣнкѣ. Справедливость—понятіе растяжимое и, когда дѣло дошло бы до осуществленія, неизвѣстно какая бы у нихъ оказалась справедливость, дворянская или крестьянская. Понятно, что такія туманности не могутъ удовлетворить соціалистовъ, утверждающихъ, что кадеты не имѣютъ права на названіе партіи народной свободы, ибо народная свобода, при капиталистическомъ гнетѣ, не есть народная свобода.

Ихъ политическая программа не доходитъ до требованій республики, но, въ предѣлахъ монархическаго строя, безусловно демократична. Парламентаризмъ былъ лозунгомъ ихъ въ первой Думѣ. Всѣ свободы, всеобщее прямое, равное и тайное голосованіе, полное равноправіе, все это стоитъ у нихъ въ программѣ и притомъ стоитъ прочно, а не такъ, какъ у октябристовъ. Словомъ, кадеты стремятся къ народовластью, увѣренные, что, въ этомъ случаѣ, они всплывутъ наверхъ и вполнѣ воспользуются наслѣдствомъ бюрократіи.

Очевидно, что настоящій режимъ не можетъ примириться съ такой программой. Кадеты поэтому продолжаютъ считаться революціонной партіей. Ихъ не рѣшаются легализировать. Тутъ то и кроется недоразумѣніе и видимая нелѣпость, корень которыхъ въ самой сущности кадетизма. Они не только явно отказываются отъ всякихъ революціонныхъ дѣйствій, но и въ дѣйствительности не имѣютъ никакихъ связей съ революціонными партіями. Въ чемъ же дѣло? А дѣло въ несоотвѣтствіи ихъ программы и тактики. Соціалистамъ, не безъ основанія кажется невѣроятнымъ, что такіе серьезные люди, какъ кадеты, надѣются избраннымъ ими путемъ добиться осуществленія своей программы. Нельзя громадной силѣ правительственной власти противопоставлять... слова! Это является покушеніемъ съ негодными средствами. Они роковымъ образомъ перейдутъ къ революціонности въ дѣйствіяхъ или къ отказу отъ возвышенныхъ идеаловъ. Пока революціонность ихъ не только не растетъ, но, наоборотъ, они все болѣе и

болѣе отмежевываются отъ соціалистовъ. Фактически, они передвигаются вправо. Такъ, во второй Думѣ, они старались лишь объ одномъ,—беречь думу. Естественно было имъ метаться изъ стороны въ сторону, вызывая и справа и слѣва нареканія въ неискренности. Это неизбѣжно не потому, что они, дѣйствительно, двуличны, а вслѣдствіе внутренняго противорѣчія въ понятіи ихъ мирнаго радикализма.

Есть мостикъ и между кадетами и октябристами. Это «партіи» демократическихъ реформъ, и мирнаго обновленія. Мы поставили слово партіи въ кавычки, ибо онѣ называются партіями только по недоразумѣнію. И въ той и въ другой число членовъ настолько ограничено, что никакой самостоятельной роли играть онѣ не могутъ. Это группы людей, очень благонамѣренныхъ, лично популярныхъ, но безъ какихъ бы то ни было корней въ народѣ. Очевидно, для цѣлой партіи мѣста между кадетами и октябристами нѣтъ. На выборахъ имъ приходилось проходить подъ флагомъ чужой партіи.

Во второй думѣ партія демократическихъ реформъ была представлена однимъ депутатомъ, партія мирнаго обновленія—двумя.

Подведемъ итоги нашего краткаго обзора, расположивъ въ послѣдовательномъ порядкѣ всѣ перечисленныя партіи, отъ крайнихъ лѣвыхъ до крайнихъ правыхъ. При этомъ, для наглядности, мы позволимъ себѣ каждой партіи противопоставить соотвѣтствующія цвѣта спектра. Получается слѣдующая картина:

Названія партій.	Соотвѣтствующіе цвѣта радуги.
Анархисты	Темные, инфра-красные, лучи.
Максималисты	
Соціальдемократы	Красный.
Соціалисты-революціонеры	Оранжевый
Народные соціалисты	Желтый.
Трудовики	
Конституціоналисты-демократы	Зеленый.
Партія демократическихъ реформъ	Голубой.
Мирнообновленцы	
Союзъ 17 Октября	Синій.
Партія правового порядка	Фіолетовый.
Монархическія партіи	Темные, ультра-фіолетовые, лучи.

Какъ анархистовъ съ максималистами (максималистовъ мы позволили себѣ поставить вмѣстѣ съ анархистами, потому что они одинаково отрицаютъ всякое участіе въ парламентской жизни, при буржуазномъ строѣ), такъ и монархическія партіи мы обозначили темными лучами, такъ какъ обѣ намъ представляются живущими, какъ бы внѣ дѣйствительности, одни въ прошедшемъ, другіе въ будущемъ.

С-р-овъ мы помѣстили дальше красныхъ с-д-товъ, потому что ихъ взглядъ на соціалистичность трудового крестьянства и трудовой интеллигенціи, въ этомъ (только въ этомъ), приближаетъ ихъ міровоззрѣніе къ буржуазному. И во второй думѣ они сидѣли правѣе с-д-товъ. Зеленый цвѣтъ сохраненъ за кадетами, избравшими его для ношенія въ петлицахъ и для печатанія зеленыхъ избирательныхъ афишъ. Трудно уловимый въ радугѣ, голубой цвѣтъ, очень подходитъ, соотвѣтствующимъ ему, малочисленнымъ партіямъ.

Александръ Новиковъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ I.

Политическое образованіе.—Основныя понятія.—Мѣсто политики среди наукъ . . . . . 1— 44

I. Политическое образованіе . . . . . 1— 10
II. Значеніе политическаго образованія. Обзоръ проблемъ научной политики . . . . . 11— 19
III. Основныя понятія. Подраздѣленія . . . . . 19— 29
IV. Политика разума и политика чувства. Реальная и идеалистическая политика. Соціальные романы . . 29— 31
V. Система научной политики . . . . . 31— 32
VI. Задачи научной политики . . . . . 32— 33
VII. Мѣсто политики среди наукъ . . . . . 34— 44

ЧАСТЬ II.

Государственный строй.

Глава первая. Понятіе и сущность, естественныя и нравственныя основы, а также проблемы бытія государства . . . . . 45— 68

I. Понятіе и сущность государства . . . . . 45— 49
II. Естественныя и нравственныя основы образованія и существованія государствъ . . . . . 50— 64
III. Возникновеніе и прекращеніе государствъ . . . 64— 68

Глава вторая. Элементы государства . . . . . 68— 77

I. Область государства . . . . . 68— 70
II. Народъ. . . . . 70— 73
III. Государственная власть . . . . . 73— 77

Глава третья. Цѣли государства . . . . . 77— 78

Глава четвертая. Ученіе о государтвенныхъ формахъ и государствен. конституціяхъ . . . . . 79— 84

I. Государственныя формы . . . . . 79— 82
II. Государственный строй . . . . . 82— 84

Глава пятая. Ученіе объ органахъ государства . . . . 85— 92

I. Раздѣленіе и значеніе органовъ государства . . . 85— 86
II. Главы государства . . . . . 86— 87
III. Народное представительство . . . . . 87— 92

Глава шестая. Единое государство и государственныя соединенія . . . . . 92— 93

Глава седьмая. Политическія партіи . . . . . 93— 94
А. И. Новиковъ. Русская политическая радуга . 95—101

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА